

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1972

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ—1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *С. В. Лисикова, И. Г. Дорфман*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 18/VII 1972 г. Подписано к печати 16/X 1972 г. ФГ 01486. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6. Вкл. 1.
Заказ 4496. Тираж 3980. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП, Баку-122, просп. Нариманова, 31, Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. М. ЩЕРБАК

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ПАДЕЖЕЙ В ПЛАНЕ СОДЕРЖАНИЯ

0. Сравнительное исследование грамматических форм обычно производится в несколько этапов. Первый из них — анализ элементарных морфологических единиц на уровне выражения и реконструкция праформ, второй — исследование содержательной стороны и третий — установление основных линий развития функционально-семантического содержания форм.

I. Что касается первого этапа, то он был осуществлен ранее и здесь приводится лишь заключительная часть.

Учитывая результаты сравнительного исследования древних и современных тюркских языков, мы реконструируем падежную парадигму тюркского праязыка в следующем виде:

1. Именительный (основной)	—
2. Родительный	-yn
3. Дательный	-ka ~ -ya
4. Винительный	-yŷ
5. Местный	-ta ~ -da
6. Исходный	-tan ~ -dan ~ -tyn ~ -dyn
7. Творительный	-yn
8. Направительный	-karu ~ -yaru
9. Сравнительно-ограничительный	-ča

Последняя форма, у которой устойчиво проявляются признаки сложного сочетания, находится на периферии падежной парадигмы: формы же творительного и направительного падежей зафиксированы лишь в памятниках.

II. 1. Характеристике и описанию содержания падежных форм посвящено большое количество работ, из которых наиболее значительные написаны А. В. де Гроотом¹, Р. Якобсоном² и Е. Куриловичем³. Взгляды каждого из них хорошо известны и неоднократно подвергались критиче-

¹ A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. — «Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally». Genève, 1939, стр. 107—127; *его же*. Classification of cases and uses of cases. — «For Roman Jakobson». The Hague, 1956, стр. 187—194.

² R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — «Travaux du cercle linguistique de Prague», 6, 1936, стр. 240—287; *его же*. Морфологические наблюдения над славянским склонением. 's-Gravenhage, 1958.

³ J. Kurylowicz. Le problème du classement des cas. — «Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego», IX. Kraków, 1949, стр. 20—43.

скому разбору⁴, что избавляет нас от необходимости начинать очерк подробным специальным обзором. Мы остановимся тем не менее на основных положениях концепции Е. Куриловича, поскольку именно эта концепция составляет методологическую основу нашего исследования.

Касаясь попытки Р. Якобсона дать структурно-семантическое описание падежей путем выделения общих и частных значений, Е. Курилович отмечает, что подобное описание было бы вполне возможным и эффективным, если бы объектом его были чисто семантические значимости. Там, где семантическое тесно переплетается с синтаксическим, необходим иной подход, предполагающий выделение сначала синтаксических различий, а затем семантических, так как семантика падежных форм устанавливается исходя из их синтаксических функций. Синтаксическая функция, таким образом, первичная функция падежной формы. Она может быть и ее содержанием, когда употребление падежной формы не связано с выражением какой-либо семантики, сравните, например, форму винительного падежа, которая употребляется после переходных глаголов и указывает на подчинение имени глаголу, то есть является формальным знаком синтаксической связи. Вместе с тем падежные формы могут быть выразителями тех или иных семантических значимостей, сравните винительный падеж цели при глаголах движения. Выражение семантической значимости — вторичная функция падежной формы.

Выделение двух функций, первичной и вторичной, Е. Курилович кладет в основу разграничения двух типов падежа: грамматического (*cas grammatical*) и конкретного (*cas concret*). У грамматического падежа первичная функция — синтаксическая, вторичная — семантическая (адвербиальная); у конкретного падежа первичная функция — семантическая (адвербиальная), вторичная — синтаксическая.

Различие между грамматическим и конкретным падежом проявляется, в частности, в синтаксической позиции по отношению к управляющему глаголу. Грамматический падеж занимает доминирующее положение в группе глагола (центральная позиция), конкретный — находится на ее периферии (периферийная или маргинальная позиция). Это различие, применительно к тюркским языкам, очень просто и вместе с тем точно выразил Х. Карасаев: «...Опущение косвенного дополнения не нарушает минимального смысла предложения... Опущение же прямого дополнения вносит неясность в значение предложения»⁵.

Грамматические падежи в индоевропейских языках — винительный «прямого управления», именительный и приименной родительный; конкретные — инструментальный, дательный, отложительный, местный. Первые из них образуют каркас падежной системы, вторые — ее обрамление. Сущность конкретных падежей характеризуется их промежуточным положением между грамматическими падежами и наречием. Иными словами, конкретные падежи входят в падежную парадигму только в аспекте вторичной функции, первичная же функция такова, что они должны быть отнесены к семантической системе адвербиальных дериватов. Следовательно, грамматические падежи — синтаксическая система, в основе которой лежит управление имени или глагола, конкретные падежи обра-

⁴ См.: Е. В. Чешко. К вопросу о падежных корреляциях. — «Вопросы языкознания», 1960, № 2, стр. 50—56; Ю. С. Степанов. Проблема классификации падежей (Совмещение классификаций и его следствия). — «Вопросы языкознания», 1968, № 6, стр. 36 и сл.; Ch. J. Fillmore. The case for case. — «Universals in linguistic theory». New York, 1968, стр. 7 и сл.

⁵ Х. Карасаев. Семантика падежей в киргизском языке. — «Труды института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», I (1944), 1945, стр. 32.

зуют семантическую систему, в которой они объединяются своим адвербиальным значением. Противопоставление именительного и винительного падежей — синтаксическая оппозиция, противопоставление грамматических и конкретных падежей — семантико-синтаксическая оппозиция, противопоставление же местного падежа исходному — семантическая оппозиция.

Переходя непосредственно к тюркским языкам, мы не ставим перед собой задачу подробно описать все значения падежей в каждом из них. Наша цель — раскрыть структуру содержания тюркских падежных форм и определить основные моменты соотношения в нем значений функционального и семантического порядка.

В тюркских языках грамматические или, точнее, общие грамматические падежи — именительный, винительный, родительный; конкретные — местный, дательный, исходный⁶.

Различение тюркских, как и индоевропейских, падежей в синтаксическом плане является выражением конструктивных особенностей предложения. Так, именительный падеж — падеж подлежащего, родительный падеж — падеж приименного определения, винительный падеж выступает как форма прямого дополнения при переходных глаголах⁷, а местный, дательный и исходный падежи — как формы косвенного дополнения (обстоятельства). Для всех падежных форм, кроме форм винительного и родительного падежей, характерно употребление в функции сказуемого. Форма винительного падежа практически лишена этой функции, а форма родительного падежа в большинстве тюркских языков выполняет ее довольно редко: ст.-узб. хит апуң badā апуң 'кувшин — его, вино — его'⁸; гаг. о adam ona zuvar etmiş ani bu meralar dīl bir çorbažynyp ama insa-nyp херсиниң 'тот человек ему ответил, что эта земля не одного хозяина, а всех людей'⁹.

Из сказанного выше следует, что именительный, родительный и винительный падежи имеют различные общесинтаксические функции, тогда как местный, дательный и исходный падежи — одну и ту же (выражение косвенного дополнения-обстоятельства). Последние различаются в синтаксическом плане частными функциями, реализуемыми главным образом в определенных правилах сочетаемости. Так, например, одни

⁶ Ср. ставшее почти традиционным в тюркологии деление падежей на грамматические и пространственные. См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 61; Э. В. Севортян. Категория падежа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 45. Критическое отношение к подобному делению с указанием на необоснованность трактовки ряда падежей как неграмматических выражено в работах: М. Закиев. К вопросу о категории падежа в тюркских языках. — В кн.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964, стр. 218; Р. Ф. Зарипов. Категория падежа в башкирском языке. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1971, стр. 7. Это критическое отношение возникло, по всей видимости, вследствие некоторой терминологической неясности. Разумеется, все падежи — грамматические, но в функционально-семантическом плане они распадаются на две группы, из которых одна, если так можно выразиться, более грамматична, чем другая. Речь идет о тех падежах, первичная функция которых синтаксическая.

⁷ В староузбекском и современном узбекском языке прямое дополнение в винительном падеже встречается с глагольными формами страдательного залога: oşni jejildi 'ели плов', çojni içildi 'пили чай'. См.: П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899, стр. 102; А. Фулом. Узбек тилида келишиклар. — «СССР Фанлар Академияси Ўзбекистон филиалининг асарлари», II серия, филология, 2. Тошкент, 1941, стр. 9.

⁸ См.: М. Я. Турабова. Морфологические особенности языка «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 6.

⁹ См.: Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 115.

глаголы, причастия и послелогии требуют дательного падежа, другие — исходного¹⁰.

Семантические различия, в отличие от синтаксических, вытекают прежде всего из своеобразия значений самих падежных форм и они четко выражаются у тех падежей, которые не различаются в общесинтаксическом плане: местного, дательного и исходного. Поскольку первичная функция этих падежей семантическая, их содержание можно описать путем выделения общих и частных значений, в соответствии с концепцией Р. Якобсона.

Общие значения — результат абстрагирования от всех конкретных случаев семантического употребления падежных форм. Общее значение местного падежа заключается в указании на положение лица или предмета в пространстве и времени; дательный падеж обозначает лицо или предмет, к которым направлено действие или в отношении которых что-либо констатируется; исходный падеж указывает на исходный пункт во времени, пространстве, развитии, движении, сравнении и т. д.

Что касается частных семантических значений, которые есть и у общих грамматических падежей, то они наиболее полно и достаточно глубоко выявляются в оппозициях однотипных синтаксических единиц, ср. узб. *kardošlar jordami* / *kardošlarniŋ jordami*. Признак, лежащий в основе этого противопоставления, чисто семантический: сочетание с именительным падежом¹¹ выражает преимущественно качественные отношения (*kardošlar jordami* 'дружеская помощь'), сочетание же с родительным падежом — принадлежность, понимаемую очень широко (*kardošlarniŋ jordami* 'помощь друзей'). Другая оппозиция — алт. *on akčā aldym* / *on akčadaŋ aldym*, в которую входят формы дательного и исходного падежей. Дательный падеж обозначает цену, стоимость, обменный эквивалент (*on akčā aldym* 'я купил за десять копеек'), исходный — разделительность (*on akčadaŋ aldym* 'я купил по десять копеек [за штуку]'). Членами третьей оппозиции, ср. узб. *beš sum oldi* / *beš sumni oldi*, являются именительный и винительный падежи. Прямое дополнение имеет форму именительного падежа, если объект действия неопределенный (*beš sumni oldi* 'он взял [в дорогу] пять рублей'), и форму винительного падежа, если объект действия определенный или непосредственный (*beš sumni oldi* 'он взял пять рублей [которые имелись в виду]'). Значение определенности заключено в самом имени (имя собственное, местоимение, прилагательное, числительное) или создается своеобразием контекста, наличием

¹⁰ См.: Х. Карасаев. Указ. раб. Приложение, стр. 45—53; М. Н. Хыдыров. Послелоглар ве оларың уланышлары. Ашгабат, 1947; А. А. Коклянова. Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953, стр. 8—15. Имеются также послелогии, управляющие родительным падежом. См.: А. Tietze. Der freistehende Genitiv im Türkei-Türkischen. — «Ural-Altaische Jahrbücher», XXX, 3—4. Wiesbaden, 1958, стр. 183—194; *его же*. Ein Typus des freistehenden Genitivs im Aserbaidschanischen. — «Ural-Altaische Jahrbücher», XXXII, 3—4. Wiesbaden, 1960, стр. 220—229.

¹¹ В последние годы наметилась тенденция рассматривать нулевую форму определенного члена конструкции тюркского изафета как особый притяжательный падеж. «В башкирском и в других тюркских языках, — пишет Р. Ф. Зарипов, — самостоятельно существуют два притяжательных падежа — определенный и неопределенный. В предложении оба эти падежа играют одинаковую синтаксическую роль, но по семантике они сильно дифференцированы» (Р. Ф. Зарипов. О притяжательных падежах в башкирском языке. — В сб.: «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований». Уфа, 1966, стр. 210). Не считая необходимым останавливаться здесь на разборе критериев выделения падежей, заметим, что использование в определительной конструкции притяжательного (госр. родительного) или именительного (у Р. Ф. Зарипова — второго притяжательного) падежей лишь косвенно связано с выражением семантической оппозиции определенность/неопределенность.

определений, а также присоединением к имени аффиксов принадлежности. Определенность объекта делает употребление винительного падежа необходимым, но отнюдь не абсолютно обязательным. Так, в разговорном казахском языке прямое дополнение, выраженное именем с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица, иногда стоит в именительном падеже¹². Нарушение правил нередко допускается в поэтических текстах в целях сохранения размера, ср. др.-тюрк. *señä berdi bu pänd özüñ* 'я сам дал тебе этот совет', *sizlärgä berämän jurtum* 'вам я отдаю свои владения', *kaly kijsän atlas unutma bözüñ* 'если наденешь атлас, не забывай свою бязь'. Следующую оппозицию образуют именительный и исходный падежи, ср. ст.-узб. *ol arak içti / ol arakdın içti*. О значении формы именительного падежа при выполнении ею функций прямого дополнения говорилось выше (*ol arak içti* 'он пил водку'). Форма исходного падежа с глаголами *al-*, *iç-*, *je-* и некоторыми другими выражает партитивность (*ol arakdın içti* 'он выпил водки'). Безусловно, число оппозиций и выявляемых при помощи их частных семантических значений не ограничивается приведенными примерами.

Одним из факторов, способствующих возникновению семантических различий падежных форм, является семантика имен. Так, в староузбекском языке и ряде диалектов узбекского, башкирского, ногайского, туркменского языков употребление косвенного дополнения в именительном падеже при глаголах движения имеет место чаще всего тогда, когда имена являются географическими наименованиями или обозначениями единиц политико-административного деления¹³. Употребление именительного падежа в обстоятельственной или адвербиальной функции прослеживается у имен со значением времени года или времени вообще, например, башк. *bađar köñö kiligid* 'приходите в воскресенье'; гаг. *o vakytlar bän traktorzu işledim* 'в то время я работал трактористом'; кирг. *kyş arabañdy kamda žaz čanañdy kamda* 'зимой готовь телегу, летом готовь сани'; шор. *ol kün kelgen* 'он приехал в тот день'. Отглагольные имена в дательном падеже выражают, как правило, значение цели. Эта же падежная форма у числительных или имен, обозначающих время, передает значение предела.

Важную роль в образовании семантических различий падежей играет семантика управляющих глаголов. Как указывалось выше, при глаголах движения именительный падеж может быть формой косвенного дополнения. Например: ст.-узб. *Buxara bardy* 'он отправился в Бухару', *Xorasan jetti* 'он дошел до Хорасана'; башк. диал. *rajon saptymñ* 'в район ты съездил?', *ul kitti böğön Dävläkän* 'он уехал сегодня в Давлеканово'¹⁴; кирг. *bazar bar* 'иди на базар'; ног. *mep at mindim* 'я сел на лошадь'; туркм. *Jolöten gittim* 'я поехал в Йолатань'¹⁵; узб. *ukiyl maktab kelip* 'придя в школу, учись', *otam Toškent borganlarida* 'когда мой отец отправился в Ташкент'.

II. 2. Прежде чем перейти к определению основных линий развития функционально-семантического содержания, мы должны отметить, что

¹² См.: А. Курышжанов. Значение аккузатива в языке Codex Cumanicus. — «Известия АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения», 1 (6), 1957, стр. 46—47.

¹³ См.: Р. Ф. Зарипов. Категория падежа в башкирском языке, стр. 9.

¹⁴ См.: Н. Х. Максүтова. Говор айских башкир. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 14; Н. Х. Максүтова, У. М. Яруллина. Из наблюдений над башкирскими говорами. Уфа, 1963, стр. 15. См. также: Н. Х. Ишбулатов. Кизильский говор. — В кн.: «Башкирская диалектология». Уфа, 1963, стр. 37.

¹⁵ См.: Г. Менглиева. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV. Баку, 1966, стр. 123.

все падежные формы современных и древних тюркских языков, развившиеся из общетюркских праформ, имеют строго очерченные синтаксические функции и семантические значения. Представление о функциональной неопределенности многих падежей, в частности, о возможности использования в значении каждого из них именительного падежа, далеко не соответствует действительному положению вещей. Взаимозаменимость падежей или использование одной падежной формы вместо другой — относительно редкие явления, вызванные разными обстоятельствами: своеобразием внутренних условий исторического развития, языковыми контактами, наличием зон незначительной семантической различимости падежей¹⁶. Рассмотрим это более подробно.

Действие внутренних, диахронических факторов, очевидно, предопределило все или почти все варианты колебаний в глагольном и послеложном управлении, а также некоторые другие случаи замены одной падежной формы другой, ср. др.-тюрк. *Kara kumuç olurur ertimiz* 'мы осели в Кара-кумах', *Ötükân jerig koptuŷ* '[я] поселился в Отиукенской земле' (в современных тюркских языках — с дательным и местным падежами); башк. *ütäkän kış kajtıtı* 'он вернулся в прошлую зиму' (~ башк. диал. *ütäkän ıŷŷta ıajıtıtı*)¹⁷; алт. *atty d'edekke aldy* 'он взял коня за повод' (в других тюркских языках — с исходным падежом); казах. *ol 1929 žyly tüvöldı* 'он родился в 1929 году' (~ казах. диал. *ol 1929 žylda tüvöldı*)¹⁸; кирг. *senden korkso* 'если будет бояться тебя' (в древнетюркском языке — с дательным падежом); тат. *ilimni saıŷındım* 'я соскучился по родине' (~ тат. зап.-сиб. *ilimä saıŷıntım*)¹⁹; тув. *küs bōrda ajnar ku'zuktap čoruk kār* 'когда наступает осень, уходят копать сарану и собирать кедровый орех' (~ тув. диал. *küs bōrğa ajnar ku'zuktap čoruk kār*)²⁰; туркм. *öndap bāŷ minut işlejäŷ* 'пять минут десятого' (~ туркм. диал. *öno bāŷ minut işlije*)²¹; узб. *meņa azor bermä* 'не мучай меня' (~ узб. диал. *māni ozor bermä*), *meni sükti* 'он бранил меня' (~ узб. диал. *māñä sökti*)²².

Следствием интенсивных языковых контактов является развитие обстоятельственной функции у винительного падежа, см. карач.-балк. *biz pojezdni sav sayatny sakladyk* 'мы ожидали поезд целый час'; башк. диал. *ütäkän jylıtı kiŷi äd bultı* 'в прошлом году народу было мало'²³; кар. хан *künnü* 'в среду', *keçxuruppi* 'вечером'²⁴. То же самое можно сказать об употреблении местного падежа в значении дательного, и наоборот, в самаркандско-бухарских говорах узбекского языка, например: *man Fıŷduvonda boraman* 'я отправлюсь в Гиждуван', *tunda keliŷ* 'идите сюда', *diktantiga ünıta xato bor* 'у него в диктанте десять ошибок', *biz jotokka tu-*

¹⁶ Здесь не принимаются во внимание описанные выше случаи варьирования падежных форм в зависимости от семантики управляющих глаголов, послелогов и самих имен.

¹⁷ См.: Н. Х. Максимова. Говор айских башкир, стр. 14.

¹⁸ См.: А. Нурмагамбетов. Казахский говор на территории Туркменской ССР. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965, стр. 13.

¹⁹ См.: Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1965, стр. 21.

²⁰ См.: З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1970, стр. 16.

²¹ См.: Дж. Амансариев. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1954, стр. 10—11.

²² См.: И. И. Шамсидинов. Каракульский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965, стр. 16.

²³ См.: Х. Г. Юсупов. Асинский говор башкирского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 8.

²⁴ См.: К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 156.

gamiz 'мы живем в общежитии'²⁵. Не исключена возможность нетюркского происхождения действительной конструкции с исходным падежом, обозначающим субъект действия, в тувинском языке: čazaktan čarlyk ündürgen 'правительство издало указ', ežimden meñe bajyr čedirtken boldu 'мой товарищ послал мне привет'²⁶.

Наличие зон незначительной семантической различимости падежей — основная причина варьирования падежных форм в пределах одной и той же языковой единицы, ср. башк. altyn tapkandan (~tapkanına) šat-lana 'он радуется тому, что нашел золото'; тур. uşurlardan (~uşurlar-gın) bir kysmı 'часть уйгуров'; туркм. şaýalagın (~şaýalardan) birnäçesi 'некоторые из детей', taýtada (~taýta) jaz 'пиши на доске', men baýy ~ baýda gezdin 'я гулял в саду', köprini (~ köprüden) geçip 'перейдя мост', kitaby stola (~ stolda) ýoj 'положи книгу на стол'²⁷.

При нынешнем состоянии исторической тюркологии реконструкция содержательного аспекта системы падежей тюркского праязыка представляет большую трудность. Однако любые попытки продвинуться в этом направлении вперед небесполезны. Кстати, таких попыток было уже немало и именно обзором их начинается заключительный раздел нашей статьи.

Как известно, в языке старописьменных памятников форма местного падежа употребляется в значении местного и исходного падежей, например: Tüpüt kaýanta bölön kelti 'от тибетского кагана пришел белён', Kara költä süñüşdümüz 'мы сразились при Кара-кёле', türgäş kaýanta körüg kelti 'от тюркешского кагана пришел лазутчик'. То же самое обнаружено в некоторых современных языках, в частности в диалектах азербайджанского и хакасского языков²⁸. Значительно более широкое употребление формы местного падежа в значении исходного наблюдается в устойчивых сочетаниях, главным образом в огузских языках: азерб. altyda üç 'три шестых'; гаг. beştä iki 'две пятых'; тур. dörtte bir 'одна четвертая'. Ср. также в якутском языке, в котором рассматриваемая форма, носящая наименование частного падежа, выражает паритивность: masta kerä 'наруби дров', üta bas 'начерпай воды', atta tut 'поймай коня'. Этот факт постоянно привлекает к себе внимание тюркологов и объясняется тем, что исходный падеж развился из местного²⁹ и что в праязыке была одна

²⁵ См.: М. М. Мирзаев. Об употреблении дательного и местного падежей в бухарском говоре узбекского языка. — «Ученые записки Бухарского гос. пед. ин-та». Ташкент, 1957, стр. 69—72; *его же*. Узбек тилининг Бухоро гуруппа шевалари. Тошкент, 1969, стр. 47.

²⁶ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 136.

²⁷ См.: Грамматика туркменского языка, I. Ашхабад, 1970, стр. 118—120.

²⁸ См.: Д. Ф. Патчакова. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV. Баку, 1966, стр. 158; Б. М. Ибрагимов. Заметки о морфологических особенностях говоров Лачинского района. — *Там же*, стр. 84.

²⁹ По мнению Д. Синора и К. Г. Менгеса, форма исходного падежа образовалась из аффикса местного падежа и древнего урало-алтайского аффикса латива, по мнению Г. Рамштедта — из аффикса местного падежа и слова jap 'сторона'. См.: D. Sinor. D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques. — «T'oung Pao». XXXVII, 1943, стр. 147; *его же*. Un suffixe de lieu ouralo-altaïque. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», XII, 1—3. Budapest, 1961, стр. 177; K. H. Menges. Morphologische Probleme. I. Zum Genitiv und Accusativ. — «Ural-Altäische Bibliothek», IX. Wiesbaden, 1960, стр. 19; *его же*. The Turkic languages and peoples. An introduction to Turkic studies. — «Ural-Altäische Bibliothek», XV. Wiesbaden, 1968, стр. 110; G. J. Ramstedt. Über die Struktur der altaischen Sprachen. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», LV, Helsinki, 1951, стр. 96. В. Банг не признавал связи аффикса -tan ~ -dan... с аффиксом местного падежа и указывал на его развитие из послелога adyn 'другой'. См.: W. Bang. Vorläufiges über der Herkunft des türkischen Ablativus. — «Ungarische Jahrbücher», V, 4. Berlin—Leipzig, 1925, стр. 392—410.

падежная форма с синкретическим местно-исходным значением. Тщательное изучение всех доступных материалов не позволяет согласиться с такой интерпретацией. Нет ни одного тюркского языка, в котором семантические значения местного и исходного падежей хотя бы частично совпадали. Необходимо обратить внимание и на другое обстоятельство. В тюркских языках форма исходного падежа единая (-tap ~ -dan ~ -tan ~ -dyn) и это убедительный довод в пользу соответствующей реконструкции на уровне праязыка, так как наличие единой формы не могло быть результатом поздней конвергенции³⁰. Очевидно, в языке старописьменных памятников и некоторых современных языках отразилось очень древнее региональное совпадение двух разных форм, происшедшее вследствие утраты конечного п в форме исходного падежа.

Широко распространено мнение, что на древней стадии развития тюркских языков существовал единый объектно-посессивный падеж, выполнявший функции родительного и винительного падежей³¹. Это мнение обычно подкрепляется ссылками на карачаево-балкарский, кумыкский и узбекский языки. Однако наблюдаемое в названных языках совпадение форм родительного и винительного падежей является случайным и несомненно поздним. Д. Г. Киекбаев, который полностью разделяет точку зрения тюркологов, выдвинувших гипотезу о единстве происхождения родительного и винительного падежей, пользуется следующим аргументом. «Развитие родительного падежа из винительного, — пишет он, — объясняется тем, что понятие или значение определенности является точкой соприкосновения этих двух падежей, поскольку оба эти падежа выражают определенность с той только разницей, что аффиксальный винительный падеж указывает на определенность прямого дополнения, а аффиксальный родительный — на определенность атрибута»³². Отмеченное Д. Г. Киекбаевым синтаксическое различие — принципиальное, именно оно предопределяет структуру содержания падежной парадигмы. В функциональном аспекте родительный и винительный падежи в тюркских языках не обнаруживают точек соприкосновения и вообще не совместимы в одной форме³³. В указанных выше языках мы встречаемся не с одной единой формой, а с двумя омонимичными формами. Напомним также, что у родительного и винительного падежей восстанавливаются разные праформы: *-(y)η и *-(y)γ.

Путь семантических преобразований родительного падежа В. Банг представлял себе как переход от значения Adessiv-Inessiv'a к значению Possessiv-Genitiv'a. Например, первоначальное значение māṇiṇ, как он полагал, было не «мой», а «при мне находящийся», «ко мне относящийся», ср. māṇiṇki в современных языках³⁴. Пока нет убедительных фактов,

³⁰ Тезис об этимологической автономности аффиксов местного и исходного падежей отстаивал В. В. Радлов. См.: W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. N. F. СПб., 1897, стр. 64.

³¹ См.: Э. В. Севортян. К истории падежной системы в тюркских языках. — «Ученые записки Военного Института иностранных языков». М., 1948, № 6, стр. 99; Л. Г. Жигжанаева. О категории падежа в современном казахском литературном языке. — «Известия АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения», 1 (6), 1957, стр. 93.

³² Д. Г. Киекбаев. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» (для филологического факультета Башкирского государственного университета). Уфа, 1967, стр. 13.

³³ См.: Б. А. Серебренников. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропестике и в тюркологии. — В сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 57.

³⁴ W. Bang. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen. I. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, стр. 13—14.

подтверждающих гипотезу В. Банга или, напротив, опровергающих ее. Предположительно мы считаем исходным для формы родительного падежа собственно посессивное значение, так как только оно отличает родительный падеж от именительного в определительной конструкции и, следовательно, только с необходимостью его передачи могло быть связано образование особой падежной формы.

По мнению К. Г. Менгеса, выражение прямого дополнения винительным и именительным падежами относится к числу архаических явлений³⁵. В самом деле, частичный параллелизм синтаксических функций винительного и именительного падежей имеет глубокие основания, которые пока не удастся раскрыть и которые заложены значительно ниже верхнего уровня праязыка.

Итак, имеется большое количество фактов, позволяющих реконструировать падежную парадигму тюркского праязыка приблизительно с тем же функционально-семантическим содержанием, которое прослеживается в современных тюркских языках.

Обсуждение вопроса о том, существовало ли такое состояние праязыка (у Х. Карасаева: «аморфно-синтетический строй»)³⁶, когда вся падежная парадигма была представлена двумя падежами, — именительным и винительным (у Л. Г. Жигжановой: основным и объектно-посессивным)³⁷, кажется нам, по меньшей мере, преждевременным.

³⁵ К. Н. Menges. *Morphologische Probleme*, стр. 22.

³⁶ Х. Карасаев. Указ. раб., стр. 21.

³⁷ Л. Г. Жигжанова. Указ. раб., стр. 93.

А. М. МАМЕДОВ

АССИМИЛЯЦИЯ В СВЕТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФОНЕТИКИ И ГРАММАТИКИ

Фонетическое изменение, именуемое «ассимиляцией», отмечалось уже первыми исследователями тюркских языков. В любой работе, посвященной описанию фонетического строя того или иного тюркского языка или диалекта, приводятся различные типы ассимиляции. Однако взаимоотношения согласных, участвующих в ассимилятивных изменениях, а также «механизм», или основной фактор этих изменений во всех аспектах данной проблемы в тюркологической литературе не рассматривались. Обычно в фонетических исследованиях просто перечислялись основные типы ассимиляции и приводились соответствующие примеры. Что же касается причин возникновения ассимиляции и протекания ее лишь в определенных направлениях, а также системных и структурных предпосылок ассимиляции, взаимодействия в этом процессе фонологического и морфологического ярусов языка, отличия ассимилятивных чередований от морфологических и так далее, — то эти вопросы и поныне остаются нерешенными. Без глубокого научного анализа различных видов ассимиляции невозможно достоверно и объективно судить о первичном состоянии тюркских основ и аффиксов (как словообразовательных, так и словоизменительных), о важнейших этапах и направлениях изменения грамматических показателей и т. д.

В тюркологических работах об ассимиляции обычно говорится в двух случаях. В первом случае ассимиляция в фонетике рассматривается как простое уподобление соседствующих звуков. При этом ограничиваются поверхностными объяснениями типа: «ассимиляция подчиняется одному единственному закону, закону более сильного...»¹, или же: «тот коллективно-психологический фактор, который всюду при анализе механизма языковых изменений будет проглядывать как основная пружина этого механизма... есть то, что, говоря грубо, можно назвать: «лень человеческая» или — что то же — стремление к экономии трудовой энергии»². Здесь, как мы видим, речь идет о чисто фонетической, физиолого-акустической или внешней стороне ассимиляции. Во втором случае ассимиляция упоминается, когда речь идет о многовариантности тех или иных аффиксов. При рассмотрении турецких аффиксов указывается, что «большинство аффиксов, как словообразовательных, так и

¹ М. Grammont. Notes de phonétique générale. VIII. L'assimilation. — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», vol. XXIV, fasc. 1, 1923, стр. 2.

² Е. Д. Поливанов. Где лежат причины языковой эволюции. — «Статьи по общему языкознанию». М., 1968, стр. 81.

словоизменительных, за исключением начинающихся с сонорных и гласных, имеют звонкий и глухой начальный согласный. Это прямо следует из явления ассимиляции согласных по звонкости и глухости: поскольку конечный согласный звук основы может быть либо глухим, либо звонким (например, полувзвонное *d*, полувзвонные щелевые *v*, *j*, *z* и сонорные), то следующий за основой аффикс должен начинаться соответственно с глухого или звонкого согласного»³. Несмотря на близость обоих случаев ассимиляции, они отличаются друг от друга тем, что в первом из них причина изменения налицо (*in praesentia*), тогда как во втором — причина существовала в прошлом, а в настоящее время уже отсутствует (то есть *in absentia*). Если в первом случае ассимиляция согласных представляет собой живое фонетическое явление, то во втором она связана с историческим чередованием, имеющим определенное грамматическое назначение.

Ассимиляция как явление фонетическое, то есть заключающееся в уподоблении соседствующих звуковых сегментов в речи данного индивидуума (или диалектива), характерна для всех без исключения тюркских языков, диалектов и говоров. Однако если говорить о функциональном переосмыслении этих ассимилятивных изменений в системе языка, то есть о таких случаях ассимиляции, которые являются результатом некогда происходивших в языке фонетических изменений, то факты тюркских языков показывают, что развитие ассимилятивных изменений в диахроническом плане в тюркских языках шло неравномерно. В одних языках (или диалектах) ассимиляция и поныне остается на фонетическом уровне, представляя собой особый случай артикуляционной инерции, тогда как в других языках ассимиляция исторически привела к чередованиям в составе тех или иных морфологических показателей, то есть приобрела определенную грамматическую функцию. Если первый случай ассимиляции связан с произносительным механизмом говорящих, то второй (функциональный или морфологический) — всецело зависит от языковой традиции, от различных путей становления норм тех или иных языков (особенно литературных). Выбор разных форм унификации литературных норм родственных языков может привести впоследствии к различиям как между общенародным разговорным и литературным языками, так и между родственными литературными языками.

Например, для современного азербайджанского языка произносительной нормой является некоторое оглушение звонких (слабых) согласных после глухих (сильных): *aldym* 'я взял', но *atdym* 'я бросил'; *äzdim* 'я раздавил', но *k'äsdim* 'я разрезал' и т. д. Это оглушение является позиционно обусловленным фонетическим чередованием. В турецком же языке, имеющем значительное количество аффиксов с начальным согласным звуком, который ассимилируется согласным основы или корня по признаку звонкости—глухости (например: *aldym* 'я взял', *gördü* 'он видел', но *korktu* 'он испугался', *baktyk* 'мы посмотрели', *geçtiniz* 'вы прошли' и т. д.), ассимиляция перестала действовать как простое фонетическое чередование, превратившись в средство образования новых алломорфов соответствующих аффиксов. Аналогичное явление наблюдается в казахском, киргизском, башкирском, алтайском, шорском и якутском языках, где «возникли варианты аффикса *-lar* с начальным *t* или *d*, ср.: казах. *žoldas* 'товарищ', *žoldas-lar* 'товарищи',

³ Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 48.

kolhoz-dar 'колхозы', кирг. šart 'условие', šart-tar 'условия', kyrgyz 'киргиз', kyrgyz-dar 'киргизы'; алт. at 'лошадь', at-tar 'лошади', kul 'раб', kul-dar 'рабы'; башк. jeget 'молодой человек', jeget-tär 'молодые люди', jyl 'год', jyl-dar 'годы' и т. д. Исконное l сохраняется в этих языках обычно в интервокальном положении, ср.: казах. enbekšiler 'трудящиеся' от enbekši 'трудящийся'; кирг. окуучу 'ученик', окуучулар 'ученики'; алт. bala 'ребенок', balalar 'дети'; башк. kala 'город', kalalar 'города' и т. д.»⁴. Если для начальных согласных шестнадцативариантного якутского аффикса множественности -lar||-ler||-lor||-lör; -dar||-der||-dor||-dör; -tar||-ter||-tor||-tör; -nar||-ner||-nor||-nör ассимиляция получила морфологическую интерпретацию и такие признаки начальных согласных, как глухость, звонкость и назальность, уже перестали быть зависимыми, то в азербайджанском языке ассимиляция начального согласного и аффикса множественности конечным согласным основы не привела к образованию алломорфных рядов, причем щелинность, глухость и назальность начального согласного аффикса носят позиционно обусловленный характер. В этих случаях звуки, идентичные фонетически в двух родственных языках, имеют функциональное назначение.

Выбор и унификация вариантов некоторых аффиксов в пределах одного языка или диалекта является длительным историческим процессом. Это в определенной мере подтверждается сравнением фактов современных языков с данными орхоно-енисейских памятников. (Особый интерес представляют языки, имеющие наиболее прямую связь с языком этих памятников, например, киргизский). Так, аффикс множественности в орхоно-енисейских памятниках, так же, как и в современных тюркских языках юго-западной группы, имеет всего два неассимилятивных варианта (lar||ler), тогда как в современных енисейских тюркских языках, в зависимости от качества конечных согласных, начальный l аффикса приобрел новые фонетические варианты (енис. l ~ хак., шор. l > t, п, кирг., алт. l > d, t, тув. l > d, t, п), связанные с образованием новых вариантов морфологических показателей.

Как известно, литературный язык, в отличие от разговорной речи, характеризуется большей строгостью, высокой степенью нормализации и тенденцией к сокращению непоследовательности. И. Вахек совершенно справедливо отмечает, что «конкретное исследование языков неоднократно показывало, что именно литературные языки, наделенные многочисленными культурными функциями и поэтому в высокой степени нормализованные, склонны сохранять относительно большее число непоследовательностей (или слабых мест) в своей структуре, так как строгая нормализация, вызванная внешнеисторическими факторами, мешает этим языкам сбалансировать свою структуру и избавиться от имеющихся непоследовательностей. Наоборот, было замечено, что народные говоры, не отягощенные культурными функциями, не сдерживаемые в своем развитии факторами цивилизации, смогли избавиться по крайней мере от таких непоследовательностей (другими словами, решить некоторые проблемы своих фонологических систем), которые до сих пор составляют слабые звенья фонологических систем соответствующих литературных стандартов»⁵. Именно этими непоследовательностями можно объяснить параллельное употребление ассимилятивных и

⁴ Б. А. Серебренников. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа -lar в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 52.

⁵ См.: В. Н. Ярцева. О территориальной основе социальных диалектов. — В кн.: «Норма и социальная дифференциация». М., 1969, стр. 34—35.

неассимилятивных форм в двух родственных языках, а также в пределах одного и того же языка.

Для иллюстрации указанного положения остановимся на изменениях начального I глаголообразующего аффикса -la||-lā после различных согласных основы. Рассматриваемый аффикс в тюркских языках реализуется в следующих разновидностях: орх.-енис. -la||-le, тув. -la||-le, -da||-de, -ta||-te, -na||-ne; хак. -la||-le, -ta||-te, -na||-ne; алт., кирг. -la||-le||-lo||-lō, -da||-de||-do||-dō, -ta||-te||-to||-tō; узб. -la; туркм. -la||-le||-lap и т. д. В ряде языков, для которых характерен вариант -la||-lā, в отдельных случаях наблюдаются отыменные глагольные основы на -ta||-tā, -da||-dā. Например, в азербайджанском языке наряду с глаголами типа iślā- 'работать', bašla- 'начинать' и т. д., имеются и такие, как toxta- 'приходить в себя', aldat- 'обманывать', istā- 'желать' и т. д. Аффиксы -la, -da параллельно употребляются как в литературном и диалектном вариантах одного и того же языка, так и в отдельных памятниках. Например, в древнетюркских памятниках X—XIII вв., с одной стороны, отмечаются формы bedüklādi 'он вырос', baylady 'он привязал', atlady 'он отправился', а с другой — okta 'пускай стрелу' (<okla), aldady 'он обманул' (<allady), atlay 'обман' (<allay) и т. д.⁶ В пределах одного языка имеются случаи соответствия литературного -da диалектному -la и наоборот. Весьма многочисленны примеры параллельного употребления аффикса -da в огузских, татарском, башкирском языках, с одной стороны, и аффикса -la в некоторых кыпчакских — с другой. Примечателен тот факт, что «в узбекском языке, в котором наиболее распространенной формой подражательных глаголов от двусложных основ является аффикс -la и где чередование л||д прослеживается как живая закономерность в территориальных диалектах, в некоторых случаях отмечается параллелизм аффиксов -la||-da»⁷.

Рассмотрев параллельное употребление -la и -da, Э. В. Севортян заключает, что «различие здесь между огузскими и кыпчакскими языками (а также между парадигмами с -la и -da||-ta в пределах одного языка. — А. М.) в том, что в первых чередование л||д приобрело морфологическое значение и исчезло из этих языков, как живая фонетическая норма, между тем как во вторых она осталась и сохранилась как чисто фонетическое явление»⁸.

Итак, можно сделать вывод, что в одних языках ассимиляция согласных по назальности, латеральности, глухости и так далее приобрела морфонологическую интерпретацию, и некоторые алломорфы, возникшие в результате этих ассимилятивных изменений в морфологической структуре, закрепились как нормированные, стандартные грамматические показатели, тогда как в других языках, за исключением некоторых случаев, эти алломорфы представляют собой фонетические дубликаты, относящиеся к индивидуальной речи, а не к системе языка (то есть они не приобрели функции грамматических показателей, как, например, в азербайджанском языке, в системе которого отсутствуют аффиксы множественности -dar, -zar, -tar, -par).

Неодинаковое функциональное назначение ассимилятивных изменений в различных тюркских языках и в различных хронологических срезах одного и того же языка показывает, что фонетика и морфология

⁶ А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 172—173.

⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 193.

⁸ Там же.

как два «яруса» языковой иерархии находятся в постоянном взаимодействии и что соотношение фонетических и морфологических явлений в данном языке подвергается изменениям: факт, представляющий собой в одном языке (или же в определенном срезе данного языка) чисто фонетическое явление, в другом языке (или в другом срезе этого же языка) может иметь другой статус и образовать новые разновидности тех или иных морфологических показателей, то есть стать фактом грамматики. Так, например, изменение латерального *l* после различных согласных (*l||d||t||n||z||δ*) образует соответствующий ряд алломорфов морфемы *-lag* (*-lag...-dar...-tar...-nar...-zar...-δar*). Каждый член данного звукового ряда несет определенную морфологическую нагрузку — различает соответствующие алломорфы. С другой стороны, все члены указанного звукового ряда являются вариантами единого инварианта, поскольку алломорфы, различающиеся этими членами, функционально идентичны и, в свою очередь, также являются вариантами единого инварианта — аффикса множественности. Фонетические изменения, связанные с морфологическими изменениями, как известно, называются морфонологическими, а звуковые чередования, соответствующие алломорфным чередованиям, — морфонемными рядами. Каждый член такого ряда представляет собой морфону.

Х. М. ЕСЕНОВ

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА)

Части сложноподчиненного предложения (далее — СПП) в языках различных типов связываются формой сказуемого придаточного предложения, а также служебными словами. В том случае, когда придаточное предложение предшествует главному, связь осуществляется формой сказуемого, что в основном характерно для тюркских языков. Если же придаточное предложение следует за главным, то связь между компонентами¹ СПП выражается при помощи подчинительных союзов и относительных слов, как это имеет место, например, в русском языке.

В казахском литературном языке придаточное предложение, как правило, располагается перед главным², и потому сказуемое первой, зависимой части служит основным средством подчинения, благодаря которому отдельные предложения входят в СПП в качестве компонентов его структуры.

При анализе синтаксических отношений мы руководствуемся тем положением, что каждая из частей СПП должна содержать отдельно выраженное или подразумеваемое подлежащее. Причем на опущенное подлежащее указывает сама форма сказуемого. Наличие грамматического подлежащего в каждом компоненте выступает также в качестве основного критерия отграничения СПП от так называемых осложненных предложений. Если действие зависимой и основной частей предложения связано с одним субъектом, подобная конструкция представляет собой осложненное предложение. Ср., например:

*Магазиннің тұсынан өте бергенде,
терезеден жайнап тұрған нәрсені көрді*
(Б. Майлин).

‘Проходя мимо магазина, он увидел в окне что-то блестящее’.

*Олар солай кеңесіп отырғанда,
машина Торғай жарты аралының боса-
ғасына кіре берді* (С. Мұқанов).

‘Когда они еще разговаривали, машина уже приближалась к середине острова Торғай’.

Несмотря на сходство указанных предложений, первое из них является осложненным простым предложением с причастным оборотом,

¹ Слова «компонент», «часть» употребляются в качестве синонимов термина «предложение». При этом придаточные и главные предложения понимаются как структурные части одного сложного целого.

² Исключения встречаются лишь в просторечии.

2 Советская тюркология, № 4

а второе — СПП. В осложненных конструкциях зависимый компонент может быть также выражен деепричастиями и формами условного наклонения, как и в СПП. Подлежащее в этих случаях выполняет различительную функцию, служит основным признаком СПП.

Как было отмечено выше, в тюркских языках сказуемое придаточного предложения является основным звеном, соединяющим зависимую часть с главной. Любые способы подчинения тесно связаны со сказуемым придаточного предложения. Синтаксические отношения в СПП можно представить следующим образом:

П — Прид. — С — П — Главн. — С,
где П — подлежащее, С — сказуемое.

Рассмотрим подробнее некоторые средства связи компонентов СПП, среди которых, кроме формы сказуемого, немаловажную роль играют и соотносительные слова.

1. Форма сказуемого. Данный вид связи мы выделяем особо, поскольку во многих случаях подчинение выражается исключительно формой сказуемого, без участия других способов. Такой вид связи в СПП встречается чаще всего в тех языках, в которых слабо развиты относительные местоимения и подчинительные союзы, например, в кавказских³. Форма сказуемого как средство связи частей сложного предложения используется и в русском языке⁴.

Подчинение выражается формами причастия, деепричастия, условного наклонения и отглагольного имени.

И. И. Мещанинов отмечал, что «причастие в тюркских языках является обычно и широко распространенной формой сказуемого придаточного предложения»⁵.

Причастие, а также деепричастие являются основными средствами выражения сказуемого и в иберийско-кавказских языках⁶.

В казахском языке в образовании СПП и передаче синтаксических отношений участвуют не все формы причастия. В этой функции чаще всего употребляется причастие на *-уап*, образующее сказуемое придаточного предложения лишь с присоединением необходимых подчинительных аффиксов или в сочетании с различными служебными словами. Без этих вспомогательных элементов отношение между сказуемым, выраженным причастием⁷, и грамматическим подлежащим не выходит за рамки атрибутивной связи. Поэтому предложения типа *Мен иоров этмеген ишлер болуп чыккыды*⁸ нами рассматриваются как осложненные, в которых зависимая часть (*мен иоров этмеген*), формально представляющая собой предложение, выполняет в данном случае функцию определения по отношению к основной части (*ишлер болуп чыккыды*). Н. К. Дмитриев относил подобные предложения к переходному типу

³ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 289.

⁴ С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969, стр. 7—8.

⁵ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., стр. 185.

⁶ См.: Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М.—Л., 1959, стр. 156; А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949, стр. 223; Г. Б. Муркелинский. О сложноподчиненном предложении в дагестанских языках. — В сб.: «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана». Нальчик, 1963, стр. 78.

⁷ Здесь и далее имеется в виду причастие на *-уап*.

⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 201.

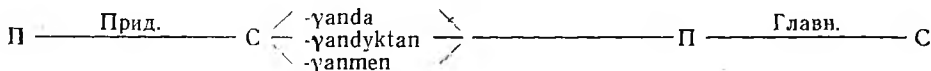
СПП. В настоящее время этой точки зрения придерживаются многие исследователи тюркских языков, рассматривающие причастный оборот как придаточное предложение⁹.

Нам же представляется правильной позиция Б. А. Серебренникова и Н. А. Баскакова, квалифицирующих данную конструкцию как простое предложение с развернутым причастным определением¹⁰. В качестве сказуемого придаточного предложения данного типа СПП могут выступать лишь причастия с падежными окончаниями и некоторыми подчинительными аффиксами.

Однако в тюркологии существуют различные мнения по вопросу функционального статуса причастий с падежными окончаниями. С точки зрения одних ученых, функцию сказуемого в придаточном предложении могут выполнять причастия во всех падежах¹¹, другие считают, что в этой роли могут выступать лишь некоторые падежные формы причастий¹², а третьи вообще не относят к СПП предложения с причастными или деепричастными оборотами¹³.

Мы присоединяемся к мнению К. К. Сартбаева¹⁴ и М. Б. Балакаева¹⁵, которые закрепляют функцию сказуемого лишь за причастиями в падежах, выражающих пространственные отношения, то есть местном, исходном и совместном. Причастия-сказуемые в этих падежных формах, соотносясь с остальными словами, способны передавать динамику действия, причем наиболее часто употребляется причастие с показателем местного падежа.

Структура СПП, образованного при помощи падежных форм, может быть представлена в виде следующей схемы:

Примеры: *Ол келгенде, мен үйде жоқ едім* 'Когда он пришел, меня не было дома'; *Жақсы жауап бергендіктен, мұғалім оған бес деген баға қойды* 'Так как он ответил обстоятельно, учитель оценил его знания на «отлично»'; *Қыстың басы тақау болғанмен, қар*

⁹ См.: Х. Жубанов. Исследования по казахскому языку. Алма-Ата, 1966. стр. 230; С. Жиенбаев. Синтаксис мәселелері. Алматы, 1941; Н. Т. Сауранбаев. Қазақ тіліндегі күрмалас сөйлемдер жүйесі. Алматы, 1948; Г. А. Абдурахманов. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1960, стр. 83; Г. Г. Сайбатталов. Синтаксис сложного предложения башкирского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963, стр. 6; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963; У. Б. Алиев. Проблема придаточного предложения в карачаево-балкарском языке. — В сб.: «Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана», стр. 132.

¹⁰ См.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, стр. 192—193; Н. А. Баскаков. Предложение и словосочетание в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961.

¹¹ См. вышеуказанные работы С. Жиенбаева, Н. Т. Сауранбаева, Г. Г. Сайбатталова, М. З. Закиева, У. Б. Алиева.

¹² См.: Г. А. Абдурахманов. Указ. раб., стр. 81—83.

¹³ М. Ш. Ширалиев. Проблема сложноподчиненного предложения. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 81; А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963, стр. 37.

¹⁴ К. Сартбаев. Некоторые спорные вопросы сложноподчиненного предложения в киргизском языке. — «Труды института языка и литературы», вып. VI. Фрунзе, 1956, стр. 103—106.

¹⁵ М. Балакаев. Сабақтас сөйлемнің ерекшеліктері туралы. — «Қазақ тілі мен әдебиеті». Алматы, 1959, № 2, стр. 41.

әлі түсе қойған жоқ (М. Әуезов) 'Хотя зима уже приближалась, снега еще не было'.

В качестве сказуемого в придаточном предложении может выступать также причастие, оформленное сравнительными аффиксами -daj||-dej или аффиксами имени действия: *Тәнге ас керек болған дай, жүрекке де ақыл сонша қажет* (М. Әуезов) 'Как нужна пища телу, так нужен и разум душе'; *Омар келісімен, біз жүріп кеттік* 'Как только пришел Омар, мы отправились в путь'.

В функции сказуемого зависимого предложения широко употребляется также деепричастие на -р, причем в отличие от причастий, без дополнительных оформляющих элементов: *Барған сайын бұлтарыс көбейіп, жол қиындай түсті* (Ә. Кекілбаев) 'По мере продвижения повороты стали чаще, а дорога все труднее'.

Говоря о функциях деепричастий в казахском языке, И. И. Мещанинов указывает, что «деепричастие может выступать оформителем отдельной части сложного предложения, представляющей собою развернутое построение одного из слагаемых элементов сказуемого основной части того же самого предложения... Деепричастие и тут, в выделившейся части предложения, не получает вполне самостоятельного и законченного содержания, продолжая уточнять действие, выражаемое глаголом основной части предложения»¹⁶.

Активное участие деепричастия в образовании СПП наблюдается также в палеоазиатских языках¹⁷.

Наиболее продуктивным способом выражения подчинения в структуре СПП является условная форма глагола. При этом сказуемое придаточного предложения всегда имеет форму *verbum finitum*, и некоторые тюркологи относят к СПП только подобные структуры, например: *Ол жастықтан бір айрылсам, ол қайтып оралар ма?* (Б. Бұлқышев) 'Если распрощаюсь с молодостью, возвратится ли она снова?'

2. **Послелог.** Причастие может употребляться в качестве сказуемого придаточного предложения не только будучи оформленным падежными аффиксами, но и в сочетании с послелогами *соң, сайын, үшін, уақытта, шақта, кезде* и частицей *та*, например: *Түнде қар жауған соң, бұйығып қалған аңдар әзір бой сергіте қойған жоқ* (Ә. Кекілбаев) 'Так как ночью выпал снег, звери попрятались в свои норы и до сих пор не могут прийти в себя'; *Шайдың дастарханы жиылып болған кезде, ...ет асылған-ды* (М. Әуезов) 'Когда чай уже допили, мясо было готово'; *Полковник жаңа бір сөйлем қосқан сайын, әлгі айтқан арнаулы бөлімшелердің міндеттері де кеңейе түсті* (Ғ. Мүсрепов) 'С каждым новым словом полковника задачи, стоящие перед специальным подразделением, все усложнялись'; *...бұл өлкеде енді осыдан басқа істейтін шаруалары қалмаған ба, әйтеуір, тері тонды, тапал атты бейтаныс адамдар... қырып барады* («Лениншіл жас») 'Неужели больше здесь ничего не осталось, ибо люди в добротных шубах, на приземистых конях... быстро движутся вперед'.

Послелог *dejin, šejin, karamastan* управляют причастиями дательного падежа и вводят их в состав сказуемого придаточного предложения, например: *Осыдан үш-төрт күн өткенге шейін, Абай үйде болды* (М. Әуезов) 'Пока не прошло три-четыре дня, Абай оставался дома'; *Жаудың өтс қатты қарсылық көрсеткеніне қарамастан,*

¹⁶ И. И. Мещанинов. Указ. раб., стр. 267.

¹⁷ См.: Г. А. Меновицкий. Эскимосский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. М., 1968, стр. 384; В. З. Панфилов. Нивхский язык. — Там же, стр. 430.

жігіттер алға басуда еді (М. Габдуллин) 'Несмотря на сильнейший огонь противника, ребята продвигались вперед'.

Послелог и союзные слова в казахском языке выполняют двоякую функцию в составе СПП: вместе с причастиями они образуют сказуемое зависимых компонентов, одновременно выступая как основное средство соединения отдельных предложений в единое целое.

Использование аналитического способа связи компонентов СПП в отдельных языках обуславливается их структурно-типологическими особенностями. Наиболее значительна роль союзных слов в аморфных языках, в которых синтаксические отношения между словами определяются порядком последних. Например, в китайском языке сложные предложения строятся преимущественно посредством подчинительных союзов, число которых превышает сто семьдесят (80% всех союзов)¹⁸. В других же языках, например в ряде кавказских, относительные местоимения и союзы практически отсутствуют¹⁹.

Однако даже среди родственных языков, в частности тюркских, продуктивность союзного способа подчинения различна. Так, подчинительный союз *ki* широко используется в языках огузской группы, например в азербайджанском²⁰, тогда как в современном казахском языке он не употребляется.

Наряду с послелогами в составе СПП важную роль играет деепричастная форма *der* (от глагола *de-* 'говорить') как средство связи отдельных предложений. При этом она утрачивает свое первоначальное значение и, выступая в качестве средства связи, приобретает черты союза. Это подчеркивает А. Н. Кононов: «Деепричастие *diye*.., в силу специфичности значения основы глагола *de-mek* и связанных с этим особенностей его синтаксических функций, превратилось в союзное слово, соединяющее два самостоятельных предложения в сложноподчиненное предложение»²¹. Например: *Әңгіме тағы да Нинаға көшіп кетер ме екен деп, бәріміз де Петяға ұнатпай бір қарап қойдық* (Ғ. Мүсрепов) 'Думая, что разговор снова коснется Нины, мы все посмотрели на Петю с неодобрением'.

3. Соотносительные слова. Кроме названных средств связи, в тюркских языках в конструировании СПП участвуют так называемые соотносительные слова, представляющие собой парные образования, включающие вопросительные и указательные местоимения: *kim—sol*, *kajda—sonda*, *kanşa—sonşa*, *kandaj—sondaj*, *neürlüm—soyürlüm* и т. д. Первые элементы входят в состав придаточных предложений, сказуемое которых выражено условной формой глагола, вторые — употребляются в главных предложениях. Таким образом, параллельное функционирование указанных слов связано с условной формой глагола — сказуемого придаточного предложения, вводящей соотносительные слова в состав СПП, в результате чего связь компонентов последнего становится более тесной. Зависимый компонент с определенным местоименным словом отсылается к главному, содержащему другое местоименное слово, соответствующее первому. Например, употребление вопросительного местоимения *kimdi* в придаточном предложении влечет за собой

¹⁸ См.: В. И. Горелов. Союзы в сложном предложении современного китайского языка. М., 1963, стр. 153.

¹⁹ См.: Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык, стр. 289.

²⁰ М. Ш. Ширалиев. Указ. раб.; Н. З. Гаджиева. Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 83.

²¹ А. Н. Кононов. О союзном слове *diye* в турецком языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию». М., 1953, стр. 137.

непременное участие указательного местоимения *sol* в главном: *kimdi ajtsaŋ, sol keledi* 'о ком говоришь, тот придет'. Таким образом, придаточная часть соотносится в основном с отдельным членом главной части.

М. З. Закиев, рассматривая структуру подобных предложений, называет такой способ связи конкретизирующим отношением²². В лингвистической литературе СПП классифицируются по видам придаточных, в зависимости от того, какой член предложения заменяет то или иное относительное местоимение. Мы же указанные конструкции причисляем к особому типу относительных придаточных предложений: *Партия қайда жіберсе, мен сонда барамын* (С. Мұқанов) 'Куда пошлет партия, туда и поеду'.

Иногда в составе СПП употребляется только одно из двух парных относительных местоимений. Причем это местоимение используется в придаточном предложении в составе сказуемого, что и определяет его функции: оно завершает придаточную часть и вместе с тем служит основным средством соединения ее с главной. Например: *Фольбаумның қорыққаны сонша, жүрек қабы жарылып өлген* (З. Шашкин) 'Фольбаум так испугался, что умер от разрыва сердца'.

В предложениях такого типа содержание первой (придаточной) части раскрывается во второй (главной), то есть компоненты СПП связаны изъяснительным отношением. Это обуславливается прежде всего наличием в составе сказуемого придаточного предложения наречных слов типа *sondaŋ, sonšama, sonša*, образованных от местоимений.

Такие конструкции, требующие обязательного участия соединяющего союзного слова, сформировались под влиянием русского языка. Н. А. Баскаков отмечает, что «в связи с развитием под влиянием русского языка конструкций сложных предложений увеличивается количество различных служебных слов, и, в частности, союзов»²³.

Итак, сложноподчиненные предложения в казахском языке образуются в основном тремя способами: с помощью форм сказуемого, послелогов и соотносительных слов. Кроме того, в этом плане большая роль принадлежит перечислительной интонации.

Образование СПП в конечном счете теснейшим образом связано со сказуемым придаточного предложения, поскольку послелоги и соотносительные слова без сказуемого не смогли бы сами сформировать СПП. Не случайно поэтому сказуемое является основным элементом, а все остальные средства дополняют или конкретизируют синтаксические отношения в СПП.

Способы связи придаточных предложений с главными определяют структуру и основные признаки СПП, ибо, как подчеркивает Э. В. Севортян, «с выяснением признаков сложноподчиненного предложения тесно связан вопрос о связи придаточного предложения с главным и средствах ее выражения»²⁴.

Структурная классификация СПП должна основываться на анализе способов связи компонентов сложноподчиненных предложений.

²² М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка, стр. 318.

²³ Н. А. Баскаков. Развитие тюркских языков народов Средней Азии. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 24.

²⁴ Э. В. Севортян. Вопросы грамматики в советской тюркологии. — В сб.: «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968, стр. 319.

М. Ш. ГАСЫМОВ

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Основным источником создания новых терминов, обогащения терминологического фонда и усовершенствования отдельных терминологических систем любого национального языка является собственный словарный состав этого языка. Это позволяет использовать имеющиеся в данном языке готовые модели словообразования, тогда как при заимствовании терминов возникает ряд трудностей в плане как словообразования, так и семантики.

Образование терминов в национальном языке не должно сводиться к простому переводу отдельных терминов, существующих в других языках. Создание новых национальных терминов является творческим процессом, в ходе которого происходит подбор наиболее подходящих средств выражения того или иного нового понятия.

В азербайджанском языке сотни новых терминов созданы с помощью внутренних средств словообразования. Например, *buz* 'лед' — *buzlag* 'ледник', *ad* 'имя' — *adlyg > adlyg hal* 'именительный падеж', *jön* 'направление' — *jönlük > jönlük hal* 'дательный падеж', *suymaq* 'сжимать' — *suhaş* 'зажим', *sürmək* 'водить' — *sürücü* 'водитель', *hücum* 'нападение' — *hücumçu* 'нападающий' и т. д.

Определенную часть новых терминов составляют термины, образованные путем соединения двух или более слов, например: *günətməz* 'подежно', *beşillik* 'пятилетка', *üstgürüm* 'надстройка', *jəryəmkeçirici* 'полупроводник' и т. д.

Процесс становления терминологии азербайджанского языка за счет его собственных ресурсов развивался в двух основных направлениях: 1) использования для выражения новых понятий и обозначения новых предметов уже существующих в языке слов; 2) создания новых терминов при помощи словообразовательных возможностей азербайджанского языка.

В рамках этих двух основных направлений для создания терминов в современном азербайджанском литературном языке применяются следующие основные способы: семантический, морфологический, синтаксический, калькирование.

1. Семантический способ. Этот способ создания терминов заключается в использовании исконно азербайджанских слов или давно бытующих в языке слов арабско-персидского происхождения в новом, специализированном, терминологическом значении, возникающем на базе одного из прежних значений указанных слов.

Семантический способ включает в себе следующие четыре основные направления развития семантики слов: 1) терминологизацию бытовых слов; 2) употребление архаизмов в новом терминологическом значении; 3) специализацию значений слов; 4) расширение значений слов.

1) Терминологизация бытовых слов. В качестве нового научно-технического термина используется уже существующее в языке слово, причем звуковой состав его не изменяется. Превращаясь в научно-технический термин, это слово получает в данной системе терминов определенное содержание, то есть к ранее зарегистрированным его значениям прибавляется еще одно, новое. Часто термины создаются на основе внешней аналогии.

Наиболее типичным случаем переноса термина по внешней аналогии является тот, когда сравниваются два понятия, причем сравнение должно производиться с учетом всех признаков, раскрывающих сущность обоих понятий.

Для другого случая переноса по внешней аналогии характерно именно отсутствие такого исчерпывающего сравнения. При этом достаточно, чтобы какой-либо второстепенный, случайный признак одного предмета совпадал или имел некоторое сходство с признаком другого предмета. Бывают случаи, когда лица, дающие наименование новому конкретному предмету техники, затрудняются точно определить, какие общие или сходные с другим предметом признаки послужили основанием для этого: перенос совершается благодаря тому, что новый предмет чем-то напоминает другой, уже известный — при взгляде на один предмет возникает образ другого. Образ конкретного предмета возникает и при необходимости дать название отвлеченному понятию.

Перенос слова или термина по внешней аналогии может производиться на основе сходства определенных признаков. Так, например, внешнее сходство сыграло решающую роль в создании терминов: *jaba* 'вилы', *dağag* 'гребень', *tyrtyl* 'гусеница', *äsnäk* 'зев', *balta* 'долото', *rānpā* 'лапа', *gaburğa* 'ребро', *bojunzig* 'шейка', *ämzik* 'штуцер', *aşyg* 'бабка', *gurşag* 'обруч', *xizäk* 'салазки', *jähär* 'седло', *häväng* 'ступка'.

Как видно из приведенных примеров, характер наименований, перенесенных на основании сходства внешнего вида, весьма различен. Сходство здесь охватывает и общий внешний вид обоих предметов, и отдельные их элементы.

Большое распространение получил также перенос, основанный на сходстве или аналогии расположения. В географической и геологической терминологии, например, термину *mānsāb* 'устье' придано значение «конец выработки, примыкающей к земной поверхности или к другой выработке»². Кроме того, в качестве терминов употребляются иногда наименования психофизических качеств человека: *davamlylyg* 'стойкость', *jogunlug* 'усталость', *dözümlülük* 'выносливость' и т. п.

С превращением обычного слова в научно-технический термин значение его отдалается от первоначального. Например, слово *jogunlug* 'усталость' в литературном языке означает «чувство утомления», «ослабление организма от работы, движения», «слабость». В качестве же термина слово *jogunlug* означает «постепенное разрушение материала под воздействием большого количества повторно-переменных напряже-

¹ «Кэнд тасарруфатынын механикләшдирilmәси вә электрикләшдирilmәсинә даир техника терминләр дүгәти». Баку, 1963; «Русча-азәрбајҹанча машингајырма технологиясы терминләри дүгәти». Баку, 1958.

² «Геолокија терминләри дүгәти». Баку, 1958; «Чографија терминләри дүгәти». Баку, 1957.

ний». В последнем случае это слово как бы порывает связь с первоначальным значением и входит в новый понятийный ряд. В таких случаях термин, образованный от общелитературного слова, становится омонимом по отношению к слову в первоначальном значении, то есть теряет связь с ним полностью или частично.

Изучение терминологических систем в различных областях науки и техники показывает, что данный способ образования научно-технических терминов в азербайджанском языке в настоящее время применяется весьма широко. Однако от расширения использования этого способа в дальнейшем следует воздерживаться, поскольку термины, образованные таким путем, вульгаризируют терминологию.

2) Употребление архаизмов в новом терминологическом значении. Устаревшее слово, издавна существующее в языке, может наполняться в новых условиях новым содержанием. Например, в связи с развитием в Азербайджане современных видов спорта многие из архаизмов приобрели совершенно новое терминологическое значение, например: *garuŝu* 'вратарь', *gärib* 'соперник' и др.

Слово *baŝmag* 'башмак', являющееся архаизмом для общелитературного языка, в настоящее время употребляется как специальный технический термин в значении «опора», «подставка», «тормоз механизма» и т. д. См. также: *želonka baŝmau* 'башмак желоночный', *frez baŝmau* 'башмак фрезерный', *k'ämär baŝmau* 'башмак колонны'³. Устаревшее слово *mehmanxana* 'помещение для приема гостей' стало употребляться в значении «гостиница».

Слово *jaryŝ* 'соревнование', имевшее раньше узкое значение «соревнование в беге, скачках», входит как составная часть в новый термин *sosializm jaryŝu* 'социалистическое соревнование'. Слово *pamizäd* 'названный, нареченный, жених, невеста' приобрело новое значение «кандидат» в таких сочетаниях, как *filoloži elmlär pamizädi* 'кандидат филологических наук', *tarix. elmläri pamizädi* 'кандидат исторических наук'.

3) Специализация значений слов. Научно-технические термины, возникшие в результате специализации одного из значений того или иного слова, подразделяются на три группы:

а) Термины, сохраняющие наряду с терминологическим значением и прежнее, «обиходное» значение.

Термины, входящие в эту группу, обычно фонетическим изменениям не подвергаются. С приобретением дополнительного терминологического содержания значение слова сужается. Терминологическое и обиходное значения слова могут сосуществовать параллельно.

К данной группе относятся термины, широко распространенные в литературном языке и разговорной речи. Причем сфера их употребления в основном значении шире, чем в терминологическом. Например, слово *zaman* в современном азербайджанском литературном языке имеет значения 'время, эпоха, пора, период', однако это же слово, получив научное определение, входит в систему философских и лингвистических терминов: *k'eŝmiŝ zaman* 'прошедшее время', *g'äläzäk' zaman* 'будущее время', *indik'i zaman* 'настоящее время'. В указанную группу входят и такие термины, как *häräk'ät* 'движение', *hägigät* 'истина' и т. д.

б) Термины, у которых специализированные значения становятся главными, а прежние — второстепенными.

Например, в современном азербайджанском языке терминологическое значение слова *māk'an* 'пространство', закрепившееся в нем с по-

³ «Словарь терминов по бурению нефтяных и газовых скважин». Баку, 1959.

явлением и распространением в Азербайджане материалистической философии, преобладает над бытовым. (Ср. у М. Ф. Ахундова: «...мәканын бидајәти вә наһајәти јохдур» — «...пространство не имеет предела и конца»⁴).

в) Слова, семантическое содержание которых имеет только терминологическое значение.

Например, слово *maddä* в арабском языке выражает такие понятия, как 'материал, вещество, материя, масса, снадобье, сущность, основа, статья (закона, договора), учебный предмет, предмет изучения'⁵. Однако при переходе в азербайджанский язык слово *maddä* утратило такие свои значения, как «материал», «предмет», «материя» и т. п. Основное современное значение этого слова как химического и философского термина — «вещество». Достаточно употребительно слово *maddä* и в другом терминологическом значении — «статья (закона)», например: *Мәддә 121. ССРИ вәтәндашлары тәһсил һуғуғуна маликдирләр* («ССРИ Конституцијасы») — Статья 121. Граждане СССР имеют право на образование («Конституция СССР»).

4) Расширение значений слов. Развитие, расширение значения слова связано с приобретением им конкретного, частного значения обобщенного характера. В результате этого процесса многие азербайджанские слова, употреблявшиеся ранее лишь в бытовой речи, превратились в настоящее время в термины, выражающие политические, научные и экономические понятия.

Расширил смысловое содержание, например, термин *mübarizä*, обновивший свое актуальное, узусальное значение. Известно, что раньше слово *mübarizä* означало «схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого; спортивное состязание». В современном азербайджанском языке слово *mübarizä* означает, в первую очередь, «проявление, сознательное или стихийное, классовых противоречий в действиях». Процесс расширения значения слова *mübarizä* иллюстрируется терминами, образованными с участием этого слова: *ingilabi mübarizä* 'революционная борьба', *sinfli mübarizä* 'классовая борьба'.

Слово *iş* 'работа' раньше употреблялось в значении «занятие, труд». В настоящее время это слово означает и результат труда ученого: *elmi iş* 'научная работа', а также совокупность определенных документов: *O öz şäxsi işini kadrlar şöbəsinä təqdim etdi* 'Он представил свое личное дело в отдел кадров'. В этом примере слово *iş* заменило термин «документ».

В современном азербайджанском языке от слова *iş* образованы многие термины: *işçi* 'работник', *iş izraçısı* 'прораб' и т. п.

Расширилось также значение слова *ad* 'имя, слава, известность'. В настоящее время оно широко используется как грамматический термин, например: *adlyg hal* 'именительный падеж'.

II. Морфологический способ. В создании терминов в современном азербайджанском языке участвуют около тридцати различных словообразовательных аффиксов, обладающих при этом различной продуктивностью.

Основными продуктивными аффиксами, образующими термины от различных частей речи, являются следующие:

⁴ См.: Дж. В. Каграманов. К вопросу об изучении философских терминов азербайджанского литературного языка. — «Ученые записки АГУ им. С. М. Кирова», 1956, № 7, стр. 70.

⁵ См.: Х. К. Баранов. Арабско-русский словарь. М., 1958.

1) **-çy, -çi, -çu, -cü, -zy, -zi, -zu, -zü.** Эти аффиксы имеют довольно широкий семантический диапазон и образуют новые термины как от исконно азербайджанских, так и от заимствованных слов, например: *işçi* 'работник', *dənizçi* 'моряк', *ingilabçı* 'революционер', *təjjarəçi* 'летчик', *kolxozçu* 'колхозник', *traktorçu* 'тракторист', *kombaynçı* 'комбайнер', *təbəlçi* 'табельщик', *gək'etçi* 'ракетчик', *aluy* 'покупатель', *oxuy* 'читатель', *toxuy* 'ткач' и т. д.

2) **-lyg, -lik', -lug, -lük'.** Эти аффиксы могут быть присоединены к именам существительным, прилагательным и глаголам, например: *gulağlyg* 'наушник', *xəstəlik* 'болезнь', *dərslik* 'учебник', *gurağlyg* 'засуха', *səyləmlig* 'здоровье', *tezlik* 'частота'.

Указанные аффиксы образуют новые термины при употреблении их после словообразующих аффиксов:

а) после аффиксов **-çy, -çi, -çu, -cü; -zy, -zi, -zu, -zü:** *xalqçylyg* 'национализм', *dilçilik* 'языкознание', *gojunçulug* 'овцеводство', *üzg'üçülük* 'плавание', *toxuyulug* 'ткачество', *qanunvericilik* 'законодательство';

б) после аффиксов **-ly, -li, -lu, -lü:** *səməralilik* 'эффективность', *davamlılyg* 'прочность', *planlılyg* 'плановость', *ik'ihak'imijjätlilik* 'двоевластие';

в) после аффиксов **-syz, -siz, -suz, -süz:** *təsərrüfatsızlyg* 'бесхозяйственность', *işsizlik* 'безработица', *çək'isizlik* 'невесомость', *təhlük'əsizlik* 'безопасность', *idejasızlyg* 'безыдейность';

г) после аффиксов **-dar, -k'ar, -şünas:** *məhsuldarlyg* 'продуктивность', *sənətk'arlıg* 'мастерство', *mülk'ədarlyg* 'помещичество', *xəritəşünaslyg* 'картоведение', *ədəbijatşünaslyg* 'литературоведение', *musiqişünaslyg* 'музыковедение';

3) **-yş, -iş, -uş, -üş.** При помощи этих аффиксов образуются различные термины, обозначающие действие: *jəyş* 'соревнование', *uduş* 'выигрыш', *jük'səliş* 'подъем', *çevriliş* 'переворот', *guruluş* 'строй', *uçuş* 'полет', *bəyüş* 'смотр', *bildiriş* 'извещение', *ödəniş* 'погашение' и т. д.

4) **-yzy, -izi, -uzu, -üzü, -jyzy, -jizi, -juzy, -jüzü.** Эти аффиксы, присоединяясь к основам отдельных глаголов, образуют термины, обозначающие различные профессии, технические приборы и т. д. Например: *gugyzy* 'истребитель', *k'əçirizi* 'проводник' (электр.), *sojudyzy* 'холодильник', *sürgüzy* 'водитель', *daşyjuzy* 'носитель', *dinləjizi* 'слушатель', *goguyzy* 'предохранитель' и т. д.

5) **-gy, -yu, -k'i, -gu, -k'ü, -yu, -g'i, -g'ü.** Присоединением данных аффиксов к глагольным основам образуются термины, обозначающие широкий круг понятий; например: *gugy* 'установка', *sagyu* 'перевязка', *seçki* 'выборы', *sürtk'ü* 'смазка', *sərg'i* 'выставка', *satgy* 'продажа', *tutgy* 'держалка', *hərg'ü* 'кладка' и т. д.

6) **-ma, -mä.** При помощи этих продуктивных аффиксов в азербайджанском языке образованы сотни новых терминов, обозначающих различные процессы, например: *ilışmə* 'зацепление', *həllolma* 'растворение', *oksidləşmə* 'окисление', *sementləşmə* 'цементация', *sorma* 'всасывание', *axma* 'вытекание', *dartylma* 'растяжение', *ionlaşma* 'ионизация', *magnitləşmə* 'намагничивание', *ixtisaslaşma* 'специализация', *aktivləşmə* 'активизация', *zingiltiləşmə* 'озвончение', *majalanma* 'заквашивание', *tablanma* 'закаливание', *sürtünmə* 'трение', *şüalanma* 'излучение', *milliləşdirmə* 'национализация', *elektrikləşdirmə* 'электрификация', *səməralaşdirmə* 'рационализация' и т. д.

7) **-ym, -im, -um, -üm.** Эти аффиксы образуют термины типа: *juyum* 'накопление', *artym* 'рост', *ajyrym* 'отчисление', *sayum* 'удой', *tutum* 'емкость' и т. д.

При создании в современном азербайджанском языке научно-технических и общественно-политических терминов продуктивными являются и некоторые аффиксы арабско-персидского происхождения.

8) **-dar, -ādār**. Присоединяясь к существительным, эти аффиксы, заимствованные из персидского языка, образуют термины, обозначающие род занятий; например: *malḍar* 'животновод', *mülk'ādar* 'помещик', *sāhmdar* 'акционер', *işarādar* 'арендатор', *guldar* 'рабовладелец'.

9) **-ijjat, -ijjāt, -at**. Эти аффиксы перешли в азербайджанский язык из арабского вместе с заимствованными существительными: *ādābijjat* 'литература', *tābiijjat* 'естествознание', *üslubijjat* 'стилистика', *bāşārijjat* 'человечество', *sāxsijjāt* 'личность', *tābliyat* 'пропаганда', *tāşvigat* 'агитация'.

10) **-xana**. Аффикс, перешедший в азербайджанский язык из персидского, присоединяясь к именам существительным, образует термины, обозначающие помещения и пространства, отведенные под что-либо: *kitabxana* 'библиотека', *giraātxana* 'читальня', *g'ömgük'xana* 'таможня', *xāstāxana* 'больница', *k'arxana* 'карьер', *gazanxana* 'котельная'.

11) **-daş**. Этот аффикс, хотя и не столь продуктивен, как предыдущие, однако при его участии образуется ряд важных терминов, например: *vātāndaş* 'гражданин', *silahdaş* 'соратник', *joldaş* 'товариш'.

12) **-k'eş**. Этот аффикс, заимствованный из персидского языка, присоединяется к существительным, образуя некоторые предметные и понятийные термины: *xātk'eş* 'линейка', *zāhmātk'eş* 'труженик', *malak'eş* 'штукатурщик', *azark'eş* 'болельщик'.

Хотя грамматика, как известно, отличается наибольшей устойчивостью, изменения, которым подвергается язык в целом, не проходят бесследно и для нее. Это относится и к области словообразования, что, в свою очередь, отражается на способности аффиксов участвовать в терминологическом образовании. Некоторые словообразовательные модели с развитием языка теряют свою продуктивность, другие же — менее продуктивные — начинают активнее участвовать в образовании терминов.

Примером непродуктивных в прошлом аффиксов, использование которых в настоящее время в области технической терминологии заметно расширяется, могут служить аффиксы: **-gaş, -yaş, -g'aş, -k'āş, -aş, -āş, -z; -gan, -k'ān, -yan, -g'ān**.

III. **Синтаксический способ**. Синтаксический способ образования терминов заключается в соединении двух и более слов в одно сложное слово.

Этот способ менее продуктивен по сравнению с морфологическим, в современном азербайджанском литературном языке он, в свою очередь, подразделяется на два способа:

1) **Лексико-синтаксический способ**. В рамках данного способа новые термины создаются простым соединением лексических единиц без использования морфологических средств. Например, *dāmir-jol* 'железная дорога', *üçbuşag* 'треугольник', *āmāk'g'ün* 'трудодень', *ālejhigaz* 'противогаз', *garaşara* 'язва сибирская', *g'öjök'üräk* 'коклюш', *gyzylazar* 'скарлатина' и т. п.

2) **Морфолого-синтаксический способ**. Этот способ образования терминов одновременно со сложением использует также присоединение определенных аффиксов (словообразовательных или словоизменятельных) к одному из компонентов сложного слова, например:

а) присоединение аффикса принадлежности **-y, -i, -u, -ü** ко второму компоненту (существительному): *suiti* 'тюлень', *mangabaşçysy*

‘звеньевой’, *dünjag’ögüşü* ‘мировоззрение’, *äljəzməsy* ‘рукопись’, *ildönütü* ‘годовщина’;

б) присоединение причастного аффикса **-an**, **-ən** ко второму компоненту (глаголу): *jerölçən* ‘землемер’, *toxımsārən* ‘сеялка’, *säsboyan* ‘глушитель’, *jənyunsöndürən* ‘огнетушитель’, *tozsoran* ‘пылесос’, *südsəyan* ‘доилка’, *jükgaldıyan* ‘грузоподъемник’, *dalyəölçən* ‘волномер’ и т. п.

Сложные термины представляют собой действительно новые слова, а не просто словосочетания:

а) компоненты сложного слова часто образуют сложение фузионного характера, когда значение целого не равно сумме значений компонентов;

б) хотя сложные термины состоят из двух или более самостоятельных слов, они имеют одно главное ударение;

в) сложные термины могут быть использованы в качестве исходных для образования новых производных терминов, например: *jənyun* ‘пожар’ — имя существительное, *söndürən* ‘тушащий’ — причастие образуют термин *jənyunsöndürən* ‘огнетушитель’ — имя существительное и т. п.

Определенную часть терминов в современном азербайджанском языке составляют словосочетания, являющиеся грамматическими и семантическими единствами.

Термины-словосочетания в зависимости от происхождения их компонентов могут быть сгруппированы следующим образом:

а) первый компонент — исконно азербайджанское слово или слово арабско-персидского происхождения, давно усвоенное азербайджанским языком, второй компонент — слово, заимствованное из русского языка или через русский язык: *igtisadi baza* ‘экономическая база’, *mütləg rentə* ‘абсолютная рента’, *mütləg potensial* ‘абсолютный потенциал’, *gəldıyruzu kran* ‘подъемный кран’, *illik plan* ‘годовой план’, *inhisarçı kapital* ‘монополистический капитал’, *səylamlyg zonasy* ‘зона здоровья’, *hərbi baza* ‘военная база’, *illik balans* ‘годовой баланс’;

б) первый компонент — слово, заимствованное из русского языка или через русский язык, второй — слово исконно азербайджанское или слово арабско-персидского происхождения, давно вошедшее в азербайджанский язык: *kommunist əməji* ‘коммунистический труд’, *sosializm jəruşu* ‘социалистическое соревнование’, *planly təsərrüfat* ‘плановое хозяйство’, *didaktik üsul* ‘дидактический метод’, *kosmik gəmi* ‘космический корабль’, *plastiik kütlə* ‘пластическая масса’, *texniki nəzarət* ‘технический контроль’, *magnit sahəsi* ‘магнитное поле’, *kosmik uçuş* ‘космический полет’;

в) оба компонента являются заимствованными словами: *texnik i norma* ‘техническая норма’, *statistik metod* ‘статистический метод’, *radioaktiv izotop* ‘радиоактивный изотоп’, *optik moduljasiya* ‘оптическая модуляция’, *orbital stansiya* ‘орбитальная станция’, *mandat komissijasy* ‘мандатная комиссия’, *kolxoz fermasy* ‘колхозная ферма’, *idealist fəlsəfə* ‘идеалистическая философия’;

г) оба компонента являются исконно азербайджанскими словами: *bədii əsər* ‘художественное произведение’, *zümrlə üzvü* ‘член предложения’, *ədəbi tələffüz* ‘литературное произношение’, *lüğət tərkibi* ‘словарный состав’, *milli azadlyq* ‘национальная свобода’, *nisbi rütubət* ‘относительная влажность’, *milli gəlir* ‘национальный доход’, *igtisadi böhran* ‘экономический кризис’.

В зависимости от принадлежности компонентов к определенным частям речи сложные термины-словосочетания могут быть разделены на две группы:

а) первый компонент — существительное в именительном падеже, второй — существительное, принявшее аффикс принадлежности: *sosialist mülk'ijjāti* 'социалистическое имущество', *dövlät guruluşu* 'государственный строй', *şähär täsärrüfatu* 'городское хозяйство', *redaksiya şurasu* 'редакционный совет', *oxuşı bileti* 'читательский билет', *mäk'täb lāvazimatı* 'школьные принадлежности', *tractor k'otanı* 'тракторный плуг';

б) первый компонент — прилагательное, второй — существительное в именительном падеже: *kollektiv istehsal* 'коллективное производство', *aktiv ämälıjät* 'активная операция', *mużärräd täfäk'k'ür* 'абстрактное мышление', *ıgtısadı baza* 'экономическая база', *milli g'älir* 'национальный доход', *täbii seǗmä* 'естественный отбор', *näzäri mexanika* 'теоретическая механика', *alı tähsil* 'высшее образование', *üzvi k'imja* 'органическая химия'.

IV. Способ калькирования. Возникновению многих терминов-калек, безусловно, во многом способствовал перевод художественной, общественно-политической и учебной литературы с русского на азербайджанский язык.

В настоящее время лексическому заимствованию терминов предпочитается их калькирование. Этим способом образуются в основном термины — имена существительные.

Термины-кальки отдельных терминологических систем азербайджанского языка по своему характеру делятся на две группы: 1) смысловые кальки, то есть не буквальные переводы, а передающие лишь значение данного термина; 2) структурно-смысловые кальки, то есть буквальные переводы, при которых заимствуются не только значения морфем или слов, но и сама морфемная или синтаксическая структура термина.

К первой группе (смысловые кальки) могут быть отнесены термины: *şüalanma* 'излучение', *g'östäriş* 'указание', *beşillik* 'пятилетка', *axun* 'течение', *ämäk' aläti* 'орудие труда', *özg'äninkiläşdirmä* 'отчуждение' и др.

Структурно-смысловыми кальками являются термины: *ämäk'g'ün* 'трудодень', *dünjag'örüşü* 'мировоззрение', *sıfı mübarizä* 'классовая борьба', *üstgürüm* 'надстройка', *sänät mäk'täbi* 'ремесленная школа', *tängid və özünütängid* 'критика и самокритика', *gugtuzy g'uşä* 'красный уголок', *tarixi materializm* 'исторический материализм'.

По своей структуре термины-кальки бывают простыми (состоящими из одного слова) и сложными (состоящими из двух и более слов), причем последние могут обозначать как название, так и характеристику предмета или явления. В азербайджанском языкознании механизм калькирования и семантическая структура калек еще не исследованы, однако практика калькирования показывает, что большинство терминов-калек, как простых, так и сложных, образовано удачно. Ср., например, простые кальки: *zärbäçi* 'ударник', *tamaşaçı* 'зритель', *oxuşı* 'читатель', *azark'eş* 'болельщик', *bojama* 'лакировка', *sojuduşı* 'холодильник', *juyum* 'накопление', *garalama* 'черновик', *därslik* 'учебник', *veriliş* 'передача'; или сложные кальки: *ämäk'g'ün* 'трудодень' — *ämäk'* 'труд' + *g'ün* 'день'; *dämirjol* 'железная дорога' — *dämir* 'железо' + *jol* 'дорога'; *beşillik* 'пятилетка' — *beş* 'пять' + *illik* 'годовщина'; *äljasmasy* 'рукопись' — *äl* 'рука' + *jasmag* 'писать'; *säsboyan* 'глушитель' — *säs* 'звук' +

boyan 'глушащий'; özfäalijjät 'самодетельность' — öz 'сам' + fäalijjät 'деятельность'; jergazan 'землекоп' — jer 'земля' + gazan 'копающий'; rambygjuуan 'хлопкоуборочная машина' — rambyg 'хлопок' + juуan 'собирающий'.

Во всех вышеуказанных примерах калькируются оба компонента термина. Однако в ряде случаев калькируется лишь один компонент сложного термина, а другой заимствуется из русского (или посредством русского) языка: radiogäbulediži 'радиоприемник', avtogoşgu 'автоприцеп', mikrohändäsä 'микрогеометрия', kolhoz guruluşu 'колхозный строй', partizan häräk'aty 'партизанское движение', iştimai formasija 'общественная формация' и т. д.

Все приведенные выше примеры являются именными атрибутивными сочетаниями.

В последние годы в азербайджанском языке широко используются термины-словосочетания, представляющие собой кальки русских и интернациональных терминов, например: xarizi siyasät 'внешняя политика', bejnälxalg väzijjät 'международное положение', jerli täşk'ilat 'местная организация', ilk' täşk'ilat 'первичная организация', elmi-tädgigat işi 'научно-исследовательская работа', mädäni-maarif oşayy 'культурно-просветительный очаг', täžrubä mübadiläsi 'обмен опытом', xalg nəzargäti 'народный контроль' и т. д.

Таким образом, процесс образования терминов в современном азербайджанском литературном языке является составной частью общего процесса словообразования в азербайджанском языке.

К. М. МУСАЕВ

НАЗВАНИЯ ДНЕЙ НЕДЕЛИ В ЗАПАДНОКЫПЧАКСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Носители западнокыпчакских тюркских языков: кумыки, карачаевцы, балкарцы, караимы, крымские татары, проживающие у западной границы расселения тюркоязычных народов, имели издавна тесные, исторически сложившиеся связи со многими как тюркскими, так и нетюркскими народами, исповедовавшими различные религии и верования.

Эти связи не прошли бесследно для лексики западнокыпчакских тюркских языков, отразившись, в частности, на названиях дней недели.

У многих народов названия дней недели в их языке весьма часто обязаны своим происхождением религии, хотя эти названия и не всегда говорят об исповедуемой народом религии и его верованиях.

Девять веков назад Махмуд Кашгари в своем знаменитом словаре отмечал, что у тюрков нет названий дней недели, поскольку само понятие «неделя» стало известно им только после принятия ислама¹. Во всех современных западнокыпчакских тюркских языках, так же, как и в других тюркских языках, дни недели имеют свое название. Они зафиксированы и в памятнике XIV в. «*Codex Cumanicus*»² и в памятниках армянских колоний в Каменец-Подольске, датированных XVI—XVII вв. Изучение этих названий в сравнительном плане представляет определенный интерес для исследования истории тюркоязычных народов и их языков.

Воскресенье — караим. трак. *jex kün'*, *turar kün'*; караим. гал. *jix kin*; караим. крым. *jux kün*; карач.-балк. *yjux kün*; кумык. *katty kün*; крым.-тат. *pazar gün (ü)*, *jekšembe*; арм.-кыпч. *jixkün*; куман. *jekšanbe*.

Основным обозначением этого дня недели является *jix kün* в различных фонетических вариантах. Оно употребляется во всех диалектах караимского языка, в карачаево-балкарском языке (в котором обозначает также «неделю») и в армянско-кыпчакских памятниках. А. Н. Самойлович отождествлял это слово (оговариваясь при этом, что, если оно действительно тюркское) с тюркским *udyq/yzuq/yjuq*, чувашским *jirik* 'посвященный богу, принесенный в жертву, жертва'³. Судя по дан-

¹ Махмуд Кашгарий. Девону луғотит турк, т. I. Тошкент, 1960, стр. 332.

² А. Курышжанов. Названия месяцев и дней в старокыпчакском языке (на казахском языке). — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 73.

³ А. Н. Самойлович. Названия дней недели у турецких народов. — «Яфетический сборник», № 2. Петроград, 1923, стр. 110. См. также: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 1381, 1397, 1359—1360; М. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 164—165.

ным словаря В. В. Радлова, приведенные А. Самойловичем слова характерны для восточных тюркских языков. С названием данного дня недели можно сопоставить и караимское название православной церкви — *jegüv* (досл. 'священный дом', где необходимо отметить часть слова *üv* 'дом'). Как сообщает М. Р. Федотов, чувашки называют воскресенье *vurşarñukip* 'русская пятница'⁴. Все это указывает, по-видимому, на то, что данное название возникло в период непосредственных контактов носителей западнокыпчакских языков с народами, уже принявшими христианство. Название *пазар* также отражает связь с христианами. На втором месте по частоте употребления стоит персидское *يكشنبه* 'йекшанбе' («Cod. Sum.»; крым.-тат.), распространенное во

многих тюркских языках. Остальные названия встречаются лишь в отдельных языках: кумык. *kattu*, как справедливо указал А. Н. Самойлович, представляет собой народную этимологию арабского *يوم الأحد*

(ср. у соседей кумыков лакцев — *alxat*). Отмеченное лишь в тракайском диалекте караимского языка *tugar* можно считать, по-видимому, тюркским *tug+ar* 'неработающий' букв. 'стоящий, нерабочий (день)'.

Понедельник — караим. *трак. jexbaškün*; караим. гал. *jixbaskin*; караим. крым., карач.-балк. *juxbaškün*; арм.-кыпч. *jixpraškün*; кумык. *itnigün*; крым.-тат. *pazar ertesi, duşambe*; куман. *tušanbe*.

Зафиксированное в трех языках обозначение *jixbaš* букв. 'начало недели' образовано от названия недели (ср. карач.-балк. *yüq* 'неделя'). Остальные названия употребляются в отдельных языках. *Pazar ertesi* 'день, следующий за воскресеньем', как и *jixbaš*, отражает связь с христианским календарем. *Itni* в кумыкском так же, как и во многих соседних дагестанских языках (например, лак. *itni*) — арабского происхождения (араб. *يوم الاثنين* 'понедельник, то есть второй день').

Duşambe, tušanbe является персидским заимствованием (перс. *دوشنبه*).

Вторник — караим. *orta kün/kin*; карач. *gürge*; балк. *geüрге kün*; кумык. *talatgün*; крым.-тат., караим. крым. *salу*; арм.-кыпч. *pogari*, куман. *sešanbe*. Пожалуй, название только этого дня недели не повторяется в языках (за исключением крымскотатарского и крымского диалекта караимского).

Караимское название *orta kin* показывает, что первым днем недели у караимов считалась суббота, хотя этому и противоречит название понедельника (см. выше).

Карачаево-балкарское название вторника восходит к христианскому — «день святого Георгия». Кумыкское название заимствовано из арабского, по-видимому, через посредство дагестанских языков, в которых арабский *синь* переходит в *т* (араб. *ثلاث*, лак. *ttalat*). По всей вероятности, к этому арабскому слову (по этимологии В. А. Гордлевского) восходит крымскотатарское и крымскокараимское *salу*, имеющее общий источник с турецким *salу*⁵. Не соглашаясь с этим, А. Н. Самойлович предлагал свою этимологию: *sajly > sajli > salı* 'определенный день', 'праздник'⁶. Существует и третья этимология

⁴ М. Р. Федотов. О названиях дней у чувашей. — «Ученые записки НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXI. Чебоксары, 1962.

⁵ В. Гордлевский. Материалы для османского календаря. — «Живая старина». СПб., 1911, вып. 3—4, стр. 442.

⁶ А. Самойлович. Указ. раб., стр. 103.

названия вторника⁷. В пользу точки зрения В. А. Гордлевского говорит тот факт, что слово *salu* встречается лишь в языках народов, близко стоящих к мусульманскому миру (турки, жители Боснии, принявшие ислам, гагаузы, крымские татары, ногайцы). У дагестанских народов, исповедовавших ислам, название вторника восходит к приведенному выше арабскому слову (лакский, лезгинский и другие языки)⁸.

Персидское название вторника имеется лишь в «Codex Cumanicus» — *sešanbe* (перс. سه‌شنبه). Армяно-кыпчакское *poğarî*, по-видимому, восходит к персидскому *pa-kağ* 'нерабочий'.

Среда — караим. *қап/хап күн*; арм.-кыпч. *hankün*; карач.-балк. *baras күн*; кумык. *arbagün*; крым.-тат. *čeršembe*; куман. *šaaršanbe*.

Қап/хап легко этимологизируется — у тюркских племен в древности «среда» называлась «днем крови». Подобное название встречаем и у башкир (*қап күн*), и у чувашей (*jup күн*)⁹. Этот день называют «днем крови» также марийцы, мордва и удмурты, живущие по соседству с чувашами и башкирами, что М. Р. Федотов объясняет влиянием языка древних булгар. «Есть серьезные основания полагать, что булгары-язычники в один из дней недели совершали кровавые жертвоприношения. Весьма примечательно, что этот обычай у части чувашей существовал вплоть до начала XX в.»¹⁰. Карач.-балк. название *baras күн/бараз күн* 'день Прасковьи' заимствовано из греческого и возникло под влиянием христианской религии. Кумык. *arbagün* отождествляется с араб. يوم الأربعاء, вошедшим также в языки соседних дагестанских народов. *Čeršembe*, *šaaršenbe*, употребляемые крымскими татарами, в «Codex Cumanicus», а также в других тюркских языках, — персидского происхождения — چهارشنبه.

Четверг — караим. гал. *kicajna kin*; караим. крым. *kičejne күн*; арм.-кыпч. *kiči aina күн*; карач.-балк. *orta күн*; кумык. *hamisgün*; крым.-тат. *peřenbe*; куман. *paňšanbe*; караим. трак. *kiči baraski*.

В караимском языке и в армяно-кыпчакских памятниках название четверга является производным от названия пятницы — «малая пятница». В карачаево-балкарском четверг называется «средним днем», что дает основание считать, что началом недели у этих народов, так же как и у христиан, действительно, является понедельник — *jux baš күн*. Кумыкское название восходит к арабскому يوم الخميس. И, наконец, в крымскотатарском, «Codex Cumanicus» и в армяно-кыпчакских памятниках приводится персидское название پنجشنبه, широко распространенное в тюркских языках.

Пятница — караим. гал. *ajna kin*; караим. крым. *ejne күн*; арм.-кыпч., куман. *ajna күн*; кумык., крым.-тат. *žuma*; караим. трак. *baraski*; карач.-балк. *bağum/bağram*.

Различные варианты слова *ajna* имеются в татарском (*atna* 'неделя'), чувашском (*erne*), а также в соседних с ними финно-угорских — марийском и удмуртском — языках. Это слово персидского происхождения (آدینه *adine* 'пятница').

⁷ См.: М. Mollova. Les noms des jours chez les turcs des Balkans. — «Acta Orientalia Hungarica», t. XX, Fasc. 1, стр. 105; *еб же*. Croyances que les turcs des Balkans attachent aux jours de la semaine. — «Acta Orientalia Hungarica», t. XXII, Fasc. 3, стр. 366, где даны интересные тексты с названиями вторника.

⁸ См.: J. Markwart. Die Namen der Wochentage bei den kaukasischen und den Wolga-Völkern. — «Ungarische Jahrbücher», B. IX, H. 1. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 73.

⁹ М. Р. Федотов. Указ. раб., стр. 247—248.

¹⁰ Там же, стр. 247.

Кумыкское и крымскотатарское *žuma*, распространенное во многих тюркских языках, восходит к арабскому يوم الجمعة

Караимское *baraski* имеет греческое происхождение — «день Прасковьи» (ср. карач.-балк. *baras kün* 'день Прасковьи', 'среда'). Такое название мы встречаем также в ряде иберийско-кавказских языков: у чеченцев, черкесов, кабардинцев-мусульман, а также у грузин-христиан¹¹, адыгейцев и т. д.

Название пятницы у карачаево-балкарцев *bajrum/bajram* возникло под влиянием христианства и восходит к слову Мария/Мариям («день святой Марии»). По мнению Г. Шмидта, это слово вошло в карачаево-балкарский язык из осетинского¹²; имеется оно также в ряде языков Северного Кавказа¹³.

В свете сказанного следует считать ошибочным отождествление А. Самойловичем названия пятницы с мусульманским религиозным термином *bajrem* 'праздник'¹⁴.

Суббота — караим. *šabbat/šapat*; карач.-балк. *šabat*; арм.-кыпч. *šapat*; куман. *sabat*; кумык. *soñyu gün*; крым.-тат. *žuma ertesi*.

Основным обозначением субботы является слово *šabbat*, заимствованное из древнееврейского языка. В том же значении данное слово употребляется в чувашском (*šamatkun*), во многих иберийско-кавказских языках Северного Кавказа и Закавказья, в осетинском. Еще А. Н. Самойлович обратил внимание на то, что в «Codex Cumanicus» это слово вошло в древнееврейской форме, а не в арабской — *sabt*, или персидской — *šembe*¹⁵. А. Н. Самойлович возводит «этот языковый пережиток к эпохе хазарского царства, в котором сосуществовали иудаизм, ислам, христианство и язычество»¹⁶. Это подтверждается также наблюдениями М. Р. Федотова, который пишет: «Чуваши же были в подчинении хазарских каанов, исповедовавших еврейскую веру; поэтому у чуваш, до подчинения мохаммеданам, недельным днем могла быть суббота»¹⁷. Далее М. Р. Федотов отмечает, что в поволжских языках — марийском, пермско-башкирском и удмуртском — название субботы представляет собой смысловой «перевод еврейско-хазарского *сабат* и обозначает «сухой, пустой день», который можно толковать как свободный от работы или праздничный день»¹⁸.

В кумыкском языке суббота имеет тюркское название *soñyu gün* 'последний день'; крымскотатарское обозначение образовано на основе названия пятницы — *žuma ertesi* 'следующий день (завтра) пятницы'.

Как показывают приведенные выше материалы, в караимском языке, по сравнению с другими тюркскими языками, в названиях дней недели имеется наибольшее количество тюркских слов. См. названия воскресенья — *jex kün*, понедельника — *jex baš*, вторника — *orğa*, среды — *хап*, если считать, что и последнее слово имеет тюркское происхождение (в караимских диалектах встречается еще вариант *хајуп*). Таким образом, можно констатировать, что в караимском языке названия дней

¹¹ См.: J. Markwart. Указ. раб., стр. 73.

¹² G. Schmidt. Über die Ossetischen Lehnwörter im Karatschajischen. — «Annales Academiæ Scientiarum Fennicæ», B. XXVII. Helsinki, 1932, стр. 379.

¹³ См.: J. Markwart. Указ. раб., стр. 74.

¹⁴ А. Самойлович. Указ. раб., стр. 110.

¹⁵ Там же, стр. 109.

¹⁶ Там же, стр. 109—110.

¹⁷ М. Р. Федотов. Указ. раб., стр. 248.

¹⁸ Там же, стр. 249.

недели возникли на основе тюркской лексики. Определенный интерес для изучения истории караимов представляет расхождение названий четверга и пятницы в западных диалектах караимского языка. В тракайском диалекте они соответственно обозначаются *kiči baraski*, *bagaski*, то есть здесь мы имеем греческие названия (греч. *paraskeue* 'пятница'), в галицком диалекте им соответствуют: *kicajпа*, *ajпа*, имеющие аналоги в крымском диалекте: *kičejпе*, *ejпе*. Этот факт наряду с другими лексическими и фонетическими данными говорит о том, что расчленение караимского языка на диалекты происходило, по-видимому, еще в эпоху хазарского царства.

В караимском, армяно-кыпчакском и чувашском языках полностью совпадают четыре названия дней недели (среды, четверга, пятницы и субботы), что свидетельствует о длительном контакте этих языков между собой. Это подтверждается также другими лексическими данными. В языке армяно-кыпчакских памятников лишь название вторника — *пога-гі* — отличается от караимского. Несмотря на то, что караимы исповедовали иудаизм, в названиях дней недели это нашло отражение лишь в слове *šabbat* 'суббота'.

Большинство названий дней недели у карачаевцев и балкарцев связаны с христианской религией. Пять названий по своему значению полностью совпадают с кабардинскими¹⁹: среда — день Прасковьи, четверг — срединный день, пятница — день Марии, суббота — *šabbat*, воскресенье — божий, священный день. Ср. также названия, связанные с именем Марии в осетинском, Прасковьи — в адыгейском и других языках. Г. Шмидт считает, что названия понедельника, четверга и воскресенья в карачаево-балкарском языке представляют собой переводы соответствующих кабардинских названий²⁰. Как известно, «христианство господствовало когда-то у большинства народов Кавказа, позже некоторые из них склонились к исламу, больше соответствовавшему патриархальным условиям их жизни. Преобладающим христианство осталось у армян, грузин, части осетин и абхазов»²¹. Этот исторический факт получил свое отражение в карачаево-балкарской лексике.

Все кумыкские названия дней недели, кроме субботы, — арабского происхождения. За редким исключением они являются общими и для большинства соседних с кумыкским дагестанских языков. Так, например, с лакскими названиями полностью совпадают кумыкские названия понедельника, вторника, среды и четверга. Это, наряду с другими факторами, свидетельствует о существовании в прошлом длительных тесных контактов между кумыкским и окружающими иберийско-кавказскими языками, из которых, по всей вероятности, и проникли в кумыкский названия большинства дней недели.

В «Codex Cumanicus» все названия, кроме субботы (*sabat*), — персидские, что сближает язык этого памятника с кыпчакскими языками восточной и северной групп. В крымскотатарском языке названия дней недели — персидско-арабские или созданные на их основе, что сближает этот язык с турецким и восточнокыпчакскими языками.

Все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод.

Среди названий дней недели в западнокыпчакских языках имеются тюркские, персидские, арабские, греческие и древнееврейские слова.

¹⁹ Кабардинские названия сообщил автору этих строк и прокомментировал М. А. Кумахов.

²⁰ G. Schmidt. Указ. раб., стр. 379. См.: *его же*. Über die kaukasischen Lehnwörter des Karatschajischen. — «Memoire de la Société finno-ougrienne», t. 67, Helsinki, 1933, стр. 467.

²¹ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1965, стр. 211.

Образование ряда названий происходило аналитическим способом. При этом в качестве словообразовательных компонентов выступают в основном два тюркских слова, сочетающиеся с названиями дня, близкого к вновь обозначаемому. Слово *kiči* 'малый' в караимском языке соединяется с названием следующего дня: *kiči ajna*, *kiči baraski* 'четверг'; слово *ertesi* в крымскотатарском присоединяется к названию предыдущего дня: *žima ertesi* 'суббота', *razar ertesi* 'понедельник'. Слово *baş* 'голова', 'начало' в караимском, карачаево-балкарском языках и в языке армяно-кыпчакских памятников, присоединяясь к названию воскресенья, образует название понедельника: *jex baş*. И, наконец, в кумыкском языке в образовании обозначения субботы участвует прилагательное *soŋu* 'последний'. Все другие названия дней недели в западнокыпчакских тюркских языках являются непроеизводными, хотя в языках-источниках многие из них и производны.

Подвергнутый анализу материал западнокыпчакских тюркских языков показывает, что формирование названий дней недели в этой языковой группе (в данной статье речь не идет о позднейших инновациях в названиях дней недели, часто употребляемых в разговорной речи) относится к далекому прошлому, вероятно, к периоду существования хазарского каганата. Вот что писал об этом А. Н. Самойлович: «Наибольшей сложностью отличается языческо-иудейско-христианско-мусульманская система названий, объединяющая в той или иной степени чувашей, карачаевцев, балкаров, караимов, крымчаков, а отчасти также кумыков, башкиров, мешеряков и некоторые финские народы Поволжья. Мы склонны возводить эту систему ко времени хазарского царства, то есть к VIII—XI векам нашей эры»²².

По словам Ибн Русте, один из местных дагестанских князей, зависевший от хазар, исповедовал одновременно три религии и праздновал три дня в неделю: пятницу, субботу и воскресенье²³. Следует отметить, что тематическая группа слов — названий дней недели наиболее ярко отражает смешение различных культур на территории, находившейся под властью хазарского каганата. Это смешение культур подтверждается и историками: «Наиболее распространены в Хазарии были домонотеистические религиозные верования и культы. Однако к концу VIII в. хакан и правящая верхушка принимают иудаизм, а в середине X в. — ислам. Хотя иудаизм был возведен в ранг государственной религии, иудеи даже в X в. составляли лишь небольшую часть населения каганата. Доминирующее положение среди монотеистических религий принадлежало исламу и христианству. Христианское и мусульманское население наряду с иудейским зафиксировано в середине X в. в бывшей столице Хазарии — Семендере.

Таким образом, в каганате прослеживается сосуществование трех монотеистических религий и первобытных религиозных представлений, что объясняется не только «веротерпимостью» хазар, но и сложившейся обстановкой, когда культурные, политические, торговые связи были установлены со странами, где господствовали монотеистические религии»²⁴.

Религиозные представления тюркоязычных народов в дохазарскую эпоху получили весьма слабое отражение в названиях дней недели за-

²² А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 114.

²³ А. Н. Самойлович. К вопросу о наследниках хазар и их культуры. — «Еврейская старина», т. XI. Л., 1924, стр. 210.

²⁴ История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 130—131.

паднокыпчакских тюркских языков. Может быть, они кое-где сохранились в диалектах, однако это трудно пока утверждать.

Ни один из дней недели не обозначается общим для всей группы языков словом. Отсутствует также единая система обозначения дней недели в пределах данной группы, не говоря уже о всех тюркских языках. Таким образом, можно сделать вывод, что названия дней недели у каждого народа возникли самостоятельно, причем важную роль здесь играли контакты с окружающими народами, исповедовавшими различные религии. На названиях дней недели наглядно сказались взаимовлияние тюркских языков и их связи с нетюркскими языками в определенный период их исторического развития. Так, например, общие черты в названиях дней недели в языках тюркских народов, в настоящее время территориально удаленных друг от друга, — караимов (Литва, Западная Украина), карачаевцев и балкар (Северный Кавказ), чувашей и татар (Поволжье, Прикамье) — свидетельствуют о длительной связи их культур в эпоху существования хазарского и болгарского царств.

Т. М. ГАРИПОВ

СТАРОТЮРКСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ

Территорию Башкирии издавна населяли тюркские племена преимущественно кыпчакской, отчасти булгарской и, в меньшей степени, других групп при участии и некоторого монгольского элемента¹.

В настоящее время принято считать, что самые ранние из известных памятников Башкирии, язык которых хотя бы частично является тюркским, относятся к концу XIII — началу XIV вв. Правда, отдельные тюркские глоссы, локализуемые в пределах Урало-Поволжья, прослеживаются и в более древних источниках, однако написанных на других языках — чаще всего на арабском. Так, Ахмад ибн-Фадлан (922 г.) фиксирует ряд гидронимов края: ارخز ср. башк. ʁr̥ʁʉδ «Иргиз», جرمان башк. sāg-māsān «Черемшан» (или «Чермасан»), جيخ башк. jajūk «Яик» («Урал»), سمر «Самара», سوح башк. sōk «Сок», کنال «Кинель» и др.²

Не менее любопытны и данные этнонимии, приводимые средневековыми мусульманскими авторами, начиная с V в. К ним относятся такие родо-племенные названия, как buḡṣan (так именовались дунайские булгары), ср. монг. boḡṣin (род, из которого вышел Чингиз), башк. böḡjān «бурзян»³; bilār, с которым обычно сближаются западнобашкирские bāj-lār и būlār (ср. русское название города *Билярск*) и которое, возможно, этимологизируется как булг. rūler (из rū < общетюркск. bāg 'бек.

¹ Наряду с древними индоевропейцами (ираноязычными скифо-сарматами и аланами — предками теперешних осетин, а позднее и пришлыми славянами) и финно-уграми (предшественниками современных коми, мари, мордвы, удмуртов и др.). Подробнее об этом см.: Т. М. Гарипов. Процессы языкового взаимодействия в Башкирии. Часть I. Тюркские языки БАССР. — В кн.: «Языковые контакты в Башкирии». Уфа, 1972, стр. 19—58; а также: Т. М. Гарипов. Das sprachliche Leben im historischen und gegenwärtigen Baschkirien. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Halle-Wittenberg», 1970, V, стр. 29—34.

² А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 331—332. Ср. также: Э. Тенишев. Камень с рунической надписью из Юрьева. — «Лингвистический сборник». Ташкент, 1971, стр. 21—23.

³ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 13; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 47; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 39; Восточные источники по истории народов юго-восточной и Центральной Европы. М., 1964, стр. 6.

князь»), но вряд ли, как это полагал С. И. Руденко — хотя и со ссылкой на В. Н. Татищева — непосредственно связано с bulgar «булгар»⁴.

Приведем также различные варианты арабско-персидской передачи этнонима baškort «башкорт», происхождение которого остается неустановленным: باشقرد (Ибн-Фадлан, начало X в.), بجگرد (Мас'уди, I половина X в.), باشجرت || بشجرت || باشجرت (Балхи, 943 г.), باشغرت (Махмуд Кашгари, XI в.), باشجرت || بسجرت (Идриси, середина XII в.), باشجرد || باشجرد (Иакут, начало XIII в.), باشقرد (Ибн-Саид, середина XIII в.), باشغرت (Казвини, середина XIII в.), باشقرد || بسجرت (Димешки, XIV в.), باشقرد || بسجرت (Абу-л-Фида, XIV в.) и т. д.⁵ Обращает на себя внимание чрезвычайная пестрота написаний этого слова даже у одних и тех же авторов (это могло быть связано и с принадлежностью информаторов к различным племенам), а также то, что ни в одном из приведенных начертаний не встречается буква *vav* или огласовка через *dammu* (по нашему мнению, это отражало в древности неогубленность второго слога самоназвания башкир). Заметим попутно, что до сих пор оба эти обстоятельства, к сожалению, не учитывались большинством этимологизаторов⁶.

Собственно тюркский языковой материал памятников распределяется по следующим хронологическим и палеографическим рубрикам: а) XIII—XIV вв. — болгарские эпитафии; б) XV—XVI вв. — пропуск в тюркской письменной традиции; в) XVII—XIX вв. — эпиграфика, рукописи и издания на языке *törk'i* «тюрки»; г) разрозненные тексты и отдельные вкрапления в русских учебниках, хрестоматиях и словарях (с XVIII в.); автохтонная ономастика — в основном также в русской передаче (едва ли не с XV в.); наконец, так называемые «экзотизмы» в беллетристических произведениях о Башкирии (с начала XIX в.).

Палеографический анализ тюркоязычных текстов дореволюционной Башкирии опирается на разработанную автором методику воспроизведения старописьменных памятников⁷.

Обратимся к языковым источникам. Наиболее ранними являются болгарские памятники Башкирии (1281—1357 гг.). Из 42 известных науке болгароязычных надписей 35 найдены на территории Татарской АССР, 2 — в Башкирской АССР и по одной — в Куйбышевской и Ульяновской областях, а также в Удмуртии (места обнаружения еще двух памятников не установлены). Большинство этих надписей датировано концом XIII в. — серединой XIV в. Все они представляют собой эпитафии (тексты, высеченные на могильных плитах и камнях). Тексты надписей, как правило, кратки и содержат лишь имена и «отчества» умерших, иногда характер их занятий, реже — возраст и еще реже — дату и место кончины либо захоронения.

⁴ *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1959, стр. 695; С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 329; Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 57. Ср.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 163, 170.

⁵ Известия о Хозарах, Буртасах, Булгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах. Ибн-Даста. в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869, стр. 112—114.

⁶ Данная проблема специально рассматривается в работе: Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. Башкирские родо-племенные названия и их алтайские параллели. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 219—220. См. также: Т. М. Гарипов. Структурно-типологическая классификация тюркских языков как лингвистический комментарий к проблеме этногенеза башкир. — В кн.: «Археология и этнография Башкирии». IV. Уфа, 1971, стр. 248.

⁷ См.: Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 год. Тезисы докладов. Уфа, 1966, стр. 36—41.

Присутствие почти во всех эпитафиях обязательных традиционных формул из Корана дает основание именовать указанные памятники арабско-булгарскими.

Оба булгарских памятника Башкирии обнаружены недалеко от поселения Красный Ключ Чишминского района. Текст первого из них, именуемого условно «Сынташским» (syntaş 'обелиск-камень'), был скопирован и впервые опубликован в 1909 г. уфимским муфтием в оренбургском журнале «معلومات» («Сведения»), но со множеством ошибок, особенно в датировке. Впоследствии эта публикация была частично исправлена известным эпиграфистом Г. В. Юсуповым (сам же памятник, к сожалению, не сохранился).

Обломки второго Красноключского памятника были обнаружены, описаны и переданы в Башкирский краеведческий музей Г. В. Юсуповым в 1953—1954 гг. Целиком восстановить текст не удалось, так как поверхность памятника сильно повреждена.

Ниже приводится перевод реконструированного текста основной (фронтальной) надписи первого памятника:

«Слава Аллаху
Он живой, который не умирает
Суд Аллаха высок и велик
Хабиба сына Масъуда покойного...
Милость Аллаха над ним — милость обширная
Кончины его
Дата — 731 год раджаб месяц...⁸ день был»

Переводы боковых надписей (с арабского):

«Самый терпеливый к страхам не умирает ранее предназначенного срока».

«Смерть принесет тебе известие, а могила есть сундук деяний».

От второй же надписи осталось всего несколько не связанных друг с другом слов.

Собственно булгарский компонент надписей, как уже отмечалось, состоит из полутора-двух десятков слов, среди которых выделяются числительные, обозначения периодов времени, термины родства и глаголы. Они сведены нами в таблицу, в которой для сравнения указаны также их соответствия в современных тюркских языках Урало-Поволжья — башкирском, татарском и чувашском:

Булг.	Башк.	Тат.	Чув.	Значение
بیر	ber	ber	per	‘один’
جیات	jete	ž'ide	s'ie'e	‘семь’
وطر	utȳδ	utȳz	vȳtȳr	‘тридцать’
جور	jōδ	jōz	s'er	‘сто’
كوان	k'ōn	k'ōn	kun	‘день’
ایح	aj	aj	ujȳx	‘месяц’
جال	jāš	jāš	s'ul	‘год’ (о возрасте)
اول	ul	ul	yvȳl	‘сын’
ات	ine	ide	-c'e	‘он был’

⁸ Раджаб 731 г. хиджры соответствует апрелю 1331 г. христианского летоисчисления.

Материальное родство всех сопоставляемых элементов очевидно. причем наибольшую близость между собой обнаруживают интересующий нас в данном случае болгарский язык и его нынешний преемник — чувашский.

Выявляется также следующее: хотя графика текстов не дает полной картины вокализма (неясно, например, существовали ли в болгарском ё, ѱ и вообще редуцированные звуки), однако можно постулировать наличие *a* (вероятно, и *e*, возможно, даже *ä*), *i* (по-видимому, в паре с *y*) и огубленного звукоряда *u*, *ü*, *ö*, а также (под вопросом) *o*. В целом болгарский вокализм, должно быть, все еще во многом совпадал с пратюркским, но в то же время в нем уже могли намечаться и некоторые тенденции, сходные с имевшимися в чувашском языке, например: тюрк. *jāš/булг. žal 'год (жизни)', *pīg/bīg 'один', *jūs/žur 'сто', *āj/ajx 'месяц', *ārti/āti 'он был'; однако булг. v? t? г/чув. vŭtŭg 'тридцать', žiāti/s'ič'ě 'семь'. Встречаются и совершенно специфические формы типа k'ūāp 'день' (если это не k'ūp — ведь алиф можно рассматривать и как показатель долготы при و; мягкость же всего звукоряда подчеркивается выбором буквы *кяф*, а не *каф*), بطوى 'успокоение', طنروى 'бытие' и других, которые не имеют прямых соответствий ни в одном из известных тюркских языков.

Анализ консонантизма проводился также по линиям сохранения или изменения согласных в болгарском языке сравнительно с пратюркским, чувашским и остальными тюркскими языками. Выяснилось, что общетюркские процессы выпадения *r* (*ārti > āti), замены *γ* звукосочетанием с *v* (*oγul > yvli), веляризации *k* до ступени *x* (*aj + yk > ajx) также наблюдаются в языке памятников. Установлено, что ротацизм и ламбдаизм проходили в болгарском лишь в одном («противоположном») направлении: как *z* > *r* и *š* > *l*, но не наоборот; ср. vytyg и jur, но bir; jal, но yvli.

Таким образом, по системе гласных (и тем более согласных) болгарский язык гораздо ближе стоит к чувашскому, нежели к башкирскому и татарскому, в которых вокализм в общем совпадает (частичные различия связаны с характером соответствия башк. *a* / тат. *a*^o, длительностью губного притяжения, соотношением *y* и *ŷ*).

В оформлении арабоязычной части памятников часто наблюдаются случаи написания слов без соответствующих диакритических знаков. Объясняется это либо недостаточной грамотностью гранильщиков, либо тем, что уже в то время турки не различали специфики арабских фонем ح и خ, د и ذ, ع и غ и т. д. Наконец, некоторая неясность и неразборчивость арабских текстов вызвана их частичной порчей от времени.

В целом судить о распространенности болгарского языка в древней Башкирии на основании только лингвистических данных чрезвычайно затруднительно. Во всяком случае нет оснований говорить о каком-либо существенном влиянии болгарского языка XIII—XIV вв. на язык коренных обитателей края.

Если воздействие болгарского языка Башкирии на речь местного тюркского населения оказывается пока трудно учитываемым, то нет никакой необходимости во что бы то ни стало выискивать некую «близость» болгарского языка с башкирским (или татарским) и уж вовсе неправильно отождествлять их, выдавая болгарский язык за «болгарско-татарский»⁹.

⁹ См.: М. Р. Федотов. [Рец.:] Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». М., 1963, т. XXII, вып. 5, стр. 435—439.

Переходя к проблеме установления фоно-морфологического состава письменных источников на языке тюрки и типологических (изоморфных) соотношений в современных башкирском и татарском языках, следует иметь в виду, что процедурная часть исследования полностью совпадает с описанной ранее — поэтому мы ее повторять не будем.

Несколько слов о термине «тюрки». Как известно, в русском дореволюционном востоковедении для обозначения письменного языка исламской восточно-среднетюркской литературы употреблялся, а на Западе и поныне употребляется, термин «чагатайский язык».

Впоследствии в советской ориенталистике термин «чагатайский» был заменен термином «староузбекский».

Что касается других терминов, то они по разным причинам еще не стали в тюркологической литературе общепринятыми. Так, например, название «старотюркский» удобнее употреблять как обозначающее не видовое, а родовое понятие — во множественном числе, возможен также вариант термина — «среднеазиатский» и т. д.

В данной статье предпочтение отдано традиционному «тюрки», ибо так издавна называли этот язык многие тюрки. Кстати, в одном из хранящихся в Ленинграде неопубликованных писем видного башкирского просветителя дореволюционной поры М. Уметбаева нами обнаружен оригинальный русский перевод выражения *törk'i töl* — «туркейский язык»¹⁰.

В Башкирии тюрки выступал преимущественно как письменно-деловой, канцелярский язык и в меньшей мере как литературный. Средством устного общения этот язык скорее всего не был.

Из текстов на тюрки следует упомянуть различные рукописные «ярлыки», приказы, обращения и манифесты, а также, с некоторой оговоркой, так называемые *šäžägä* (от арабск. *شجره* «древо») — родословные башкир. Кроме того, с проникновением в Башкирию и прилегающие области книгопечатания на тюрки начинает выпускаться довольно разнообразная литература, как духовная, так и светская. Вся эта литература была доступна только грамотной части башкирского населения, в первую очередь имущих его слоев, что имеет существенное значение при оценке общественных функций языка тюрки в старой Башкирии.

Одним из наиболее ранних документов на тюрки является «Письмо башкир Ногайской дороги уфимскому воеводе князю Волконскому о возвращении взятых аманатов» от 16 ноября 1663 г., а также «Ярлык султана Кучука башкирскому пятидесятнику Татлы-баю о запрещении чинить насилия при сборе продовольствия», датированный началом 1664 г.¹¹

Среди опубликованных шежере лишь пять датируются XIX веком (1806—1895 гг.). Остальные (более 60) генеалогии составлены или скопированы позднее¹².

Что касается других рукописей на тюрки, то подробные сведения о них можно найти в работах, изданных в Башкирии за последнее десятилетие¹³.

¹⁰ Т. М. Гарипов. Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — В кн.: «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 40.

¹¹ См.: Материалы по истории Башкирской АССР, ч. I. М.—Л., 1936.

¹² «Башкирские шежере». Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа. 1960.

¹³ См., например: Р. Х. Халикова. Язык исторических, юридических, деловых и архивных документов башкир XVIII века. — В кн.: «Ученые записки Стерлитамакского госпединститута, серия филологическая», 1962, вып. VIII, № 1; Әхнәф Харисов. Башкорт халқының әзаби мирасы. Өфө, 1965.

Перейдем к краткому описанию морфологических особенностей языка документов на тюрки в сравнении их с аналогичными данными современных тюркских языков Урало-Поволжья.

Известно, что арабский алфавит располагает тремя знаками для кратких гласных, с помощью которых в тюрки могли передаваться фонемы [a], [ä], [y], [i], [o], [ö], [u], [ü], возможно, [e].

Наиболее важным явлением в области аффиксального вокализма представляется небо-губной сингармонизм гласных с частичными его нарушениями, например: *الادور* 'он берет', *كوج اينماسونلار* 'насилия пусть не чинят', *سوزوميز* 'наши слова', *نچوك* 'как', *قولوم قيلوم* 'я свою руку приложил' и другие.

В сфере консонантизма необходимо учитывать неразличение графической глухости—звонкости, в силу чего были возможны написания типа: *الماشغه* 'на замену', *توتغان* 'он держал', *ايتب* 'сказав', *اوزوميز كه* 'нам самим', *تابساق* 'коли найдем', *يبارساقدا* 'хотя мы и посылали'.

Отметим далее архаичные грамматические формы, ныне утраченные почти во всех тюркских языках: *اول ترور* 'состоит в том', *يباردى ايرسا* 'если посылал', *برلان* 'если советовал', *كينكاشب* 'не обижайся', *اولوغ* 'великий', *اوغلى* 'его сын', *بولغيداي بسالو* 'коли от него будет', *يبار كين* 'посылай', *يردين* (форма исходного падежа от *ير* 'земля').

С другой стороны, в изученных материалах проявляются и отдельные черты, сохранившиеся до наших дней: *توتقاريتماي* 'не задерживая', *ييامايدور* 'не присылает'.

Рамки статьи не позволяют привести остальные примеры, столь же интересные и многообразные.

Попытаемся теперь определить свое отношение к вопросу о преемственности тюрки в современных тюркских языках. Как известно, в Узбекистане (и не только там) тюрки рассматривается как «староузбекский». В 1965 году Казанский университет выпустил офсетным способом «Тексты по старотатарскому языку», куда вошли известные поэмы «Хосров и Ширин» Кутба и «Махаббат-намэ» Хорезми. Исследователи башкирских документов на тюрки вслед за некоторыми историками предлагают считать этот язык «старобашкирским». Отсутствие близкого сходства тюрки с тем или иным современным тюркским языком объясняется обычно стремлением авторов и переписчиков прошлого придать своему письму изысканность, отличную от простоты разговорной речи тюрков.

Нам представляется, что здесь своеобразно переплелись две логические операции, обычно именуемые *ignotacio elenchi* («замена тезиса») и *post hoc, ergo propter hoc* («после этого, следовательно, из-за этого»). Исследователи объединяют под одним названием различные языки, которые, однако, решительно невозможно втиснуть в уготованные для них схемы.

Что же касается отдельных совпадений, то остроумную догадку высказали те авторы, которые видят в этом лишь влияние диалектной речи писцов на литературные каноны чужого, хотя бы и родственного, языка.

Наш обзор будет неполон, если мы не упомянем еще об одном источнике изучения рассматриваемой проблемы — тюркской ономастике. Мы имеем в виду русские летописи, грамоты, послания и доношения XV—

XVII вв. Образцы подобной письменности, рассыпанные по многочисленным документальным фондам, не только еще не изучены, но даже и не собраны.

Итак, в каком же соотношении находятся между собой отмеченные языковые явления? Если для булгарского и чувашского языков можно выдвинуть рабочую гипотезу о существовании некогда двух близкородственных наречий, то с тюрки дело обстоит гораздо сложнее. Все-таки среди всех черт, характеризующих данный язык, ведущими являются те из них, которые указывают на связь со среднеазиатским языковым миром, хотя нельзя отрицать и наличие огузских элементов (например, начального *j*). По отношению же к башкирскому и татарскому языкам, которые в предшествующие столетия существовали в своих диалектальных формах, тюрки выступает как отдаленно родственный язык, воспринявший в каждом более или менее обширном районе своего функционирования и некий местный колорит, например, озвончение анлаутного *b*: بادشا 'царь' для позднего «башкирского» тюрки.

На «татарском» тюрки определенно сказывалась близость культурных традиций Булгара, Сарая и позднее Казани; для более же раннего периода можно предположить, вслед за некоторыми тюркологами, идентификацию татарских говоров с наречием йемеков, о которых писал еще Махмуд Кашгари.

В заключение хотелось бы призвать лингвистов, филологов, историков, этнографов и краеведов объединить свои усилия по исследованию и публикации рукописных материалов, имеющих неоценимое значение для изучения прошлого тюркских народов нашей страны и их культур. В частности, башкироведам необходимо продолжить начатую А. П. Чулошниковым серию изданий документов из московских архивохранилищ, из «сибирского» рукописного наследия академика Г. Ф. Миллера в Ленинграде, из богатого собрания тюркских книг и рукописей Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, а также частично из фондов Центрального Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири, обнаруженных за последние годы в Уфе.

Э. А. УМАРОВ

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ НАВОИ

Важное место в фразеологическом составе языка Алишера Навои занимают иноязычные фразеологизмы. Большая их часть имеет персидское происхождение, арабские же фразеологизмы немногочисленны.

Обилие персидских фразеологизмов объясняется, во-первых, широким распространением персидского языка в эпоху Навои¹. Во-вторых, учителями Навои, как пишет он сам в одной из *кыта*², были выдающиеся персоязычные поэты Ходжа Хафиз, Хисрав Дехлеви и Абдурахман Джами. В-третьих, Навои владел персидским языком как родным и писал по-персидски под псевдонимом Фани. Широко известен его персидский диван «Дивани Фани», состоящий из 6197 бейтов³.

Персидские фразеологизмы встречаются у Алишера Навои в трех формах: в исконной, воспринимающейся как инородные элементы в узбекском языке; в частичном переводе на узбекский язык, то есть в полукалькированном виде; и, наконец, в буквальном переводе на узбекский язык — в виде калек.

Среди персидских фразеологизмов выделяются именные и глагольные словосочетания.

В произведениях Навои представлены следующие именные фразеологизмы в персидской форме: *rok doman* (БВ 700) 'целомудренный', *garon xob* (ЛМ 444) 'глубокий сон', *xobi xarguŝ* (ФШ 282) 'беспечность', *baxti xufta* (ДФ I 280) 'несчастье', *baxti bedor* (ЛМ 430) 'помощник', *alo-honu alomon* (ФС 453) 'неимущий', *amri mahol* (ФС 761) 'трудно', 'неосуществимое', *baxti nekhoh* (ФС 563) 'счастливый', *dardi bedavo* (БВ 206) 'обуза', *baxti zavon* (ДФ II 110) 'дающий надежду', *baxti gumrah* (СИ 785) 'несчастный', *dili tijra* (ДФ I 136) 'печальный', *dario dil* (ДФ I 40) 'щедрый', *xajoli xom* (ДФ II 346) 'пустая мечта', *lab ba lab* (ДФ II 236) 'полный', *sang dil* (СС 557) 'жестокий', *sabuk sang* (ХА 81) 'легкомысленный', *savdoi xom* (ТМ 188), 'бесполезный', *noma sijax* (ХА 53) 'виновный', *kõtah nazar* (ЛТ 166) 'несмышленный', *zinda dil* (ЧХ 61) 'веселый', *zahr çaŝm* (НШ 128) 'дурной глаз', *dardi sar* (ФС 264) 'обуза', 'нечто доставляющее беспокойство', *jak sagi mu* (ДФ I 176) 'очень мало'.

¹ См.: С. Усмонов. Узбек тилининг составида тожик-форсча ва арабча сўзлар. — В сб.: «Навойга армуғон». Тошкент, 1968, стр. 108—127.

² Алишер Навоий. Хазойин-ул-маоний, т. IV. Фавойид-ул-кибар. Тошкент, 1960, стр. 731.

³ См.: Хамид Сулейман. Текстологическое исследование лирики Алишера Навои. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1961, стр. 39.

Пример:

Bar tanam dar har buni mö, bas, ki neši hažri tust,
Jak sari mö nest zoe, k-on dar ö afgor nest (ДФ I 176)

‘Под каждым волоском на моем теле есть жало разлуки,
И нет места без раны даже размером с кончик волоска’.

Некоторые из указанных фразеологизмов употребляются с вспомогательными глаголами узбекского языка: *dil tang* (НШ 296) ‘печальный’ — *dil tang bōlmok* (СС 596) ‘быть печальным’, *pok doman* (БВ 700) ‘целомудренный’ — *pok doman ajlading* (БВ 352) ‘сделал целомудренным’.

Примеры:

Pok doman zuafodin neki zojanda bōlur
Ruhparvardur, zombaxš zihi hilkatı pok (БВ 700)

‘Тот, кто рожден целомудренной женщиной, —
Благороден духом, благожелателен и благонравен’.

Aj Navoiy, hirka zailidin aritting durdi xum,
Bizni bu dajri fanoda pok doman ajlading (БВ 352)

‘О Навои, ты вытер остатки вина с подола *хырки*⁴,
И сделал нас в этом бренном мире целомудренными’.

Подобным превращением именных сочетаний в глагольные достигается некоторая модальность высказывания, то есть выражение отношения автора к изображаемому.

Большую часть фразеологизмов в исконной персидской форме составляют глагольные сочетания: *xun xurdan* (ДФ I 54) ‘страдать’, *xun giristan* (ДФ I 274) ‘горько плакать’, *čašm doštan* (ДФ I 10) ‘ждать с надеждой’, *doman kašidan* (ДФ I 178) ‘отрекаться’, *dast ba dil nihodan* (ДФ I 58) ‘завоевать душу’, *dil bastan* (ДФ II 356) ‘полюбить’, *xun rex-tan* (ДФ I 312) ‘убить’, ‘пролить кровь’, *pušti dast gazidan* (ДФ I 154) ‘сожалеть’, *gōšan čašm afgandan* (ДФ I 10) ‘смотреть благосклонно’, *čašm zadan* (ДФ I 152) ‘в мгновение ока’, *ostin afšondan* (ДФ II 75) ‘отрекаться’, *dast ba domani zadan* (ДФ I 434) ‘быть последователем’, *dast šustan*⁵ ‘отрекаться’.

Если именные фразеологизмы в иноязычной форме употребляются как в узбекских, так и в персидских произведениях, то глагольные сочетания встречаются только в произведениях, написанных на персидском языке.

Примеры:

Po kašand az mardumi, čun sarnixi bar pojašon,
Az čunin nomardumon doman kašidan xuštarast (ДФ I 178)

‘Хоть поклонись им в ноги, они не станут человечнее,
От таких, не знающих человечности, лучше быть подальше’.

Значительное число фразеологизмов Навои составляют полукалькированные словосочетания⁶, меньшая часть которых — именные фразеологизмы: *baxt uikusi* (ФС 613) ‘несчастье’ (ср. перс.-тадж. *baxti xob*), *ažal uikusi* (СИ 826) ‘смерть’ (ср. перс.-тадж. *xobi ažal*), *pok ātak* (БВ 447) ‘целомудренный’ (ср. перс.-тадж. *pok doman*), *pok juz* (НШ 122) ‘честный’ (ср. перс.-тадж. *pok ru*), *gaz kizi* (ФК 79) ‘вино’ (ср. перс.-тадж.

⁴ *Хырка* — рубище, одежда дервиша.

⁵ Пример взят из фотокопии рукописи «Дивани Фани», хранящейся в Парижской национальной библиотеке, инв. № 1345.

⁶ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 97.

duxтари raz), karo ruzgor (НШ 108) 'несчастный' (ср. перс.-тадж. *tijra ruzgor*), karo baxt (ФК 754) 'несчастный' (ср. перс.-тадж. *sijah baxt*), *bir sari mu* (МН 156) 'очень мало' (ср. пер.-тадж. *jak sari mu*).

Навои очень умело использует в своих произведениях эти фразеологизмы, стилистически обыгрывая их и употребляя в разных формах. Например, фразеологизм *baxt ujkusi* представлен около десяти раз в разных лексико-грамматических вариантах: *baxtim ujkudin kōz očmas* (БВ 175) — *ujkuga kolib baxti* (СС 610) — *baxt kōziga soldi ujku* (ЛМ 400) — *ujkusi kelmas baxt* (СС 24) — *ujkuluk baxtim* (ФК 485)...

Кроме того, Навои дополняет полукалькированные именные фразеологизмы различными многозначными глаголами, меняет их структуру, вводя их, таким образом, в узбекский язык и обогащая фразеологию последнего: *tijra ruzgor* (БВ 578) — *karo ruzgor* (БВ 100) 'несчастный', *ajladi ruzgorimni karo* (БВ 234) — *karo kildi ruzgorin* (НШ 356) 'сделал несчастным'; *sijah baxt* (ФК 734) — *karo baxt* (ФК 754) 'несчастный', 'злосчастный', *baxti karo bōlmok* (БВ 614) 'быть несчастным'.

Примеры:

He deb Zurzonga bordi ul *sijah baxt*,
Karo tōn birla solib *kōngliga zōš* (ФК 734)

'Для чего пошел в Джурджан тот несчастный,
Черной одеждой внеся в сердце волнение'

Cirmabon ilgiga umdo joyliq ul koši karo,
Men karo *baxtim bila urjon tanimda juz jaro* (ФК 754)

'Когда та чернобровая (стоит), завернув руки в платок,
У меня несчастного на голом теле сто ран'.

Mening baxtim juzi yam kočidin ul kun karo bōldi,
Ki kōnglum ul kōzi, koši karoga muhtalo bōldi (БВ 614)

'Я стал несчастным от печали,
Потому что полюбил ту черноглазую и чернобровую'.

Другую, большую часть полукалькированных фразеологизмов составляют глагольные сочетания, глагольная часть которых переводится на узбекский язык, а именная остается неизменной: *zeru zabar kilmok* (FC 773) 'уничтожить' (ср. перс.-тадж. *zeru zabar kardan*), *bozori sinmok* (FC 557) 'застой на рынке' (ср. перс.-тадж. *bozor šikastan*), *dast bermok* (FC 11) 'удаваться' (ср. перс.-тадж. *dast dodan*), *zanax urmok* (НШ 117) 'болтать' (ср. перс.-тадж. *zanax zadan*), *zahri xand ajlamok* (ФК 131) 'едко высмеять' (ср. перс.-тадж. *zahri xand kardan*), *kamar čust ātmok* (FC 725) 'приняться с усердием' (ср. перс.-тадж. *kamar čust zadan*), *kor kilmok* (FC 249) 'действовать' (ср. перс.-тадж. *kor kardan*), *lof urmok* (ФК 470) 'преувеличить' (ср. перс.-тадж. *lof zadan*), *nali bozguna urmok* (ФШ 234) 'вводить в заблуждение' (ср. перс.-тадж. *nali bozgun zadan*), *oʻziga muhri sukut solmok* (ЛТ 87) 'не говорить' (ср. перс.-тадж. *muhri dar daxon budan*), *ohani sard kokmok* (ФШ 238) 'делать бесполезное дело' (ср. перс.-тадж. *ohani sard guftan*), *kadam ranza kilmok* (ФК 576) 'удостоить своим посещением' (ср. перс.-тадж. *kadam ranza farmudan*), *tavba sindurmok* (ФК 413) 'отрекаться от обещания' (ср. перс.-тадж. *tavba šikastan*), *kolibini tihi ajlamok* (ЛМ 443) 'умереть' (ср. перс.-тадж. *gardida tihi kolab*), *rajmonasi tōlmok* (НШ 608) 'переполниться чаше жизни' (ср. перс.-тадж. *pur šudani rajmona*).

Пример:

Har nekim deb ul *sōzi šonlarga kut*,
Solib *oʻziga alar muhri sukut* (ЛТ 87)

‘Что бы он ни сказал, его слово для души — пища,
Они положили на его уста печать молчания’.

Исследование языка поэтов — предшественников Навои показывает, что большинство полукалькированных фразеологизмов впервые ввел в узбекский язык Навои.

Например, фразеологизм *ohani sard kokmok* (ФС 238) не встречается ни у одного из тюркоязычных предшественников поэта. Как верно указал С. Айни⁷, данную полукальку впервые употребил Навои:

*Amas bu teša urmok, išga darxurd,
Keša kunduz kokarbiz ohani sard* (ФС 238)

‘Эта теша⁸ не годится для дела,
День и ночь мы куем холодное железо’.

Употребляемая иногда Навои персидская полукалька является синонимом собственно узбекского словосочетания. Так, узбекское широко-распространенное *bel boylatmok* (НШ 285) и персидское *kamar čust ātmok* (ФС 725) обозначают одно и то же — «приняться с усердием». Используя оба эти выражения, Навои разнообразит свой стиль:

*Dajr piri xizmatiga, aj kõngul, bel boylading,
Bilkm ušbu boylamokka bor ādi zunvor šart* (НШ 285)

‘О сердце, ты усердно взялось служить хозяину питейного дома,
Знай, чтобы привязаться к нему, зуннар⁹ — необходимое условие’.

*Kimki ātar mahluk xizmatiga kamar,
Čust ātar jaxširok, ušolsa beli* (ФС 725)

‘Если кто-либо будет служить недостойному,
Пусть уж лучше у него переломится спина’.

Навои мастерски создает варианты полукалек, обогащая тем самым фразеологический фонд узбекского языка. Например, полукалькированный фразеологизм *zeru zabar kilmok* он употребляет в следующих новых вариантах: *zeru zabar istar* (БВ 132) — *zeru zabar ajlatmok* (НШ 721) — *zeru zabar ölyon* (БВ 490).

Примеры:

*Kim šilvagar ārdi gar kičik, joxud uluy
Bir-bir harakatin ajladi zeru zabar* (НШ 721)

‘И малые, и великие являли свой блеск,
Но все их деяния одно за другим она перевернула вверх дном’.

*Dahrni raхši agar zeru zabar istar, ne tong,
Kim ārur ham öjnamoyi tundu ham raftori tund* (БВ 132)

‘Неудивительно, что его конь хочет мир перевернуть вверх дном, —
Ведь повадки у него грубые, и походка тоже груба’.

*Išk ičra kani men kibi zeru zabar ölyon,
Har kimki jök ondin batari andin batari ölyon* (БВ 490)

‘Бывал ли в любви такой же погранный и разбитый, как я,
Я ведь хуже того, хуже кого уж никого нет’.

Как уже отмечалось, Алишер Навои широко использовал калькированные фразеологизмы персидского языка. Кальки, созданные Навои,

⁷ См.: *Əlişer Navaij*. Нəмса. Ташкент, 1940, стр. 127.

⁸ Теша — небольшой ручной инструмент типа топорика.

⁹ Зуннар — пояс, который носили зороастрийцы.

4 Советская тюркология, № 4

имеют разную степень приближения к персидскому оригиналу, что объясняется разносистемностью персидского и узбекского языков.

При точном переводе персидских фразеологизмов Навои сохраняет их лексико-грамматический состав. В других случаях он пословно переводит персидский фразеологизм с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче отдельных компонентов.

Именных фразеологических калек, переведенных точно, в произведениях Навои не так много: *karo kun* (ХА 20) 'несчастный день' (ср. перс.-тадж. *sijah ruz*), *toš köngul* (НШ 412) 'жестокый' (ср. перс.-тадж. *sang dil*), *kizil jyz* (БВ 720) 'веселый' (ср. перс.-тадж. *surx ru*). Все они являются стилистическими вариантами синонимичных узбекских словосочетаний и вводятся Навои в текст из стилистических соображений. Например, наряду с используемым им широкораспространенным в узбекском языке выражением *ba'ri toš* 'жестокый' поэт вводит персидский фразеологизм *toš köngul* с тем же значением.

Глагольных фразеологизмов в произведениях Навои также немного: *eng silkimok* (ХА 65) 'отрекаться' (ср. перс.-тадж. *ostin afšondan*), *ātak tortmok* (СИ 825) 'отрекаться' (ср. перс.-тадж. *doman kašidan*).

Интересными образцами представлены в языке Навои и неточные фразеологические кальки. См., например, именные словосочетания: *aʔal ujkusi* (СИ 826) 'смерть' (ср. перс.-тадж. *xobi aʔal*), *oyir ujkui* (ФС 531) 'глубокий сон' (ср. перс.-тадж. *garon xob*), *tovuškon ujkusi* (ФШ 282) 'беспечность' (ср. перс.-тадж. *xobi xargōš*), *kil uči* (ЛТ 97) 'очень мало' (ср. перс.-тадж. *jak sari mu*), *marg ujkusi bosgan* (НШ 582) 'спать глубоким сном' (ср. перс.-тадж. *xobi marg*).

Калькированные фразеологизмы Навои в своих произведениях часто употребляет параллельно с их исконной персидской формой:

*Kissamni ašitgan öladur išk aro vahkim,
Armas ul oyir ujkui bu afsonadin ajru* (ФС 531)

'Услышавший повесть обо мне будет сражен смертью, ведь в любви, увы,
Не бывало более тяжкого сна, чем эта притча'.

*Köp kördi bu nav peč ila tob,
Köz otmadi mahvaši garon xob* (ЛМ 444)

'Он приложил много стараний,
Но луноликая не открыла глаз в тяжелом сне'.

К числу неточных фразеологических калек относятся также следующие глагольные фразеологизмы, встречающиеся в произведениях Навои: *karo tufrokka ölturmok* (ФС 419) 'сделать несчастным', ср. перс.-тадж. *dar hoki sijah nišastan* (ДФ I 130); *ātagiga ilik urmok* (ХА 106) 'быть последователем', ср. перс.-тадж. *dast ba domani zadan* (ДФ I 344).

Следует отметить, что и калькированные фразеологизмы Навои употребляет в различных авторских вариантах. Например, *ātagiga ilik urmok* — в вариантах: *ātagin tuta olmajdurmen* (МЖ 10) — *ātagin ʔon iligi birla tutubmen* (ФС 448).

Примеры:

*Dast dar domani pironi tarikat či zanam,
Ki dilam volai on turfa ʔavon ast, ki bud* (ДФ I 344)

'Как мне следовать по пути, указанному наставником,
Если сердце мое все еще очаровано красавицами'.

*Hohi özlik jomonligigin özligim bila ota olmajdurmen va
Jaxšilarning ātagin jomonligim ujatudin tuta olmajdurmen* (МЖ 10)

'О боже, несовершенства эгоизма я не могу преодолеть сам,
И не могу от стыда за свое несовершенство следовать за совершенными'.

Isking ātagin šon iligi birla tutubmen,
Sen kirgali jodimya ōzumni unutubmen (FC 488)

'Рукой души я хватаюсь за полу любви к тебе,
Когда вспоминаю тебя, забываю себя'.

Netti Navoiy kōjybon telbalik,
Sen doyi ursang bir ātakka ilik (XA 106)

'Чего достиг Навои, впад в безумие,
А ты еще цепляешься за него'.

Наряду с очевидным влиянием на узбекские произведения Навои персидской фразеологии наблюдается и обратный процесс — под воздействием узбекского языка в персидском диване поэта появляются узбекские фразеологизмы. Только влиянием узбекского языка можно объяснить, например, возникновение фразеологизма *šabro šab guj, ruzgo ruz* (ДФ I 402) 'беспрестанно', которого, как показывают древние персидские словари, в персидском языке не существовало.

Это выражение создано на базе узбекского варианта — *kečani keča demaj, kunduzni kunduz demajin* (FC 462).

Примеры:

Jyzu zulfingni soynib kelmišam, aj mahžabin,
Kečani keča demaj, kunduzni kunduz demajin (FC 462)

'О луноликая, когда я думаю о твоих кудрях и лице,
Ночь не ночь и день не день для меня'.

Dilo, šab bahru on mab puj to ruz,
Na šabro guj šab, ne ruzgo ruz (ДФ I 402)

'О сердце, не разбирая ни дня, ни ночи,
Следуй по пути той луны'.

Фразеологизм *čašm munir kardan* (ДФ I 10) 'радоваться' является калькой с узбекского *kōzini munavvar kulmok* (FC 744):

Vasling bōlubon šonja mujassar, jo rab,
Sehrang kilibon kōzni munavvar, jo rab (FC 744)

'Свидания с тобой удостоилась душа, о боже,
Твое лицо просветило мой взор, о боже'.

Az on didori didj ki ham nuri ilohj kard,
Munir az surmai mozoy čašmoni sijahatro (ДФ I 10)

'Твои черные глаза осветились сурьмой поцелуя,
Поэтому ты одна можешь смотреть в глаза бога'.

Можно предположить, что следующие персидские словосочетания также возникли под воздействием соответствующих узбекских фразеологизмов: *čašm paridan* (ДФ I 260) 'ждать' — узб. *kōzi učmok*; *xun xurda* (ДФ I 54) 'страдать' — узб. *kon jytmok*; *xun guristan* (ДФ I 274) 'горько плакать' — узб. *kon jiplamok*; *xuni gardanaš* (ДФ I 434) 'вина на нем' — узб. *koni bōjnida*.

Пример:

Koški imruz monad xuni dar gardanaš,
To tavonas dasti xud fardo zadan dar domanaš (ДФ I 434)

'Как было бы хорошо, если бы она взяла мою вину на себя,
В день страшного суда я держался бы за ее подол'.

Некоторые созданные Навои фразеологические единицы являются результатом контаминации двух семантически близких словосочетаний узбекского и персидского языков. Так, на основе узбекского фразеологизма *bel boylamok* (ЛТ 119) 'приняться с усердием' и его персидского варианта *kamar bastan* (ДФ II 252) Навои создает новое выражение *kamar boylamok* (СИ 677):

Adovatka boylab kamar ikki šoh,
 Zahon ahlini ajlab ikki sipoh (СИ 677)
 'Два шаха, посвятив себя вражде,
 Разделили людей мира на два войска'.

Контаминацией словосочетания *bel boylamok* с другим персидским фразеологизмом с тем же значением *kamar čust ätmok* (ФШ 235) образовано выражение *bel čust kilmok* (ЛМ 363) 'приняться с усердием'.

Как уже отмечалось, фразеологизмы арабского происхождения в языке Навои немногочисленны. Все они имеют исконную форму и встречаются только в поэтических произведениях.

Фразеологизм *min xabl-ul-varid* 'очень близко' зафиксирован только три раза (ФС 145, ЛТ 22, НМ 167), например:

Siz tušub ul šohdin behad baid,
 Ul jokinrok sizga min xabl-ul-varid (ЛТ 22)
 'Вы очень привязаны к этому шаху,
 Вам он ближе, чем самый близкий человек'.

Чаще встречается другой арабский фразеологизм — *turfat-ul-ajp* 'мигом':

Tušta ul mahvaš jyziga to köz oçtim har keča,
 Istamasmen turfat-ul-ajni köz oçmok, ujkudin (FC 472)
 'Появилась во сне та луноликая, и я еженощно открывал глаза,
 И теперь я не хочу ни на миг просыпаться'.

Впервые введенные Алишером Навои в узбекский язык персидские фразеологизмы в дальнейшем закрепились в языке других поэтов, особенно XVII—XIX вв. Некоторые созданные Навои фразеологизмы широко употребляются и в настоящее время, являясь неотъемлемой частью узбекской фразеологии¹⁰.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ФС — Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сиғар («Диковины детства»). Тошкент, 1959.
 НШ — Алишер Навоий. Наводир-уш-шабоб («Редкости юности»). Тошкент, 1959.
 БВ — Алишер Навоий. Бадоеъ-ул-васат («Диковины средних лет»). Тошкент, 1960.
 ФК — Алишер Навоий. Фавойид-ул-кибар («Назидание старости»). Тошкент, 1960.
 ДФ — Алишер Навоий. Девони Фоний («Диван Фани»), кн. I и II. Тошкент, 1969.
 ЛТ — Алишер Навоий. Лисон-ут-тайр («Язык птиц»). Тошкент, 1968.
 ХА — Алишер Навоий. Хайрат-ул-аброр («Смятение праведных»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.

¹⁰ У. Турсунов, Ж. Мухторов, Ш. Раҳматуллаев. Хўзирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965, стр. 155—157.

- ФШ* — Алишер Навоий. Фарҳод ва Ширин («Фархад и Ширин»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
- ЛМ* — Алишер Навоий. Лайли ва Мажнун («Лейли и Меджнун»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
- СС* — Алишер Навоий. Сабъан сайёра («Семь планет»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
- СИ* — Алишер Навоий. Садди Искандарий («Стена Искандера»). — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
- ЧХ* — Алишер Навоий. Чиҳил хадис («Сорок преданий»). Тошкент, 1968.
- ТМ* — Алишер Навоий. Тарихи мулки аҷам («История иранских царей»). Тошкент, 1966.
- МН* — Алишер Навоий. Мажолис-ун-нафоис («Собрание утонченных»). Тошкент, 1961.
- НМ* — Алишер Навоий. Насойим-ул-муҳаббат («Зефиры любви»). Тошкент, 1968.
- МЖ* — Алишер Навоий. Муножоат (Гимн-пролог). Анкара, 1968.
-

ОДОНИМИКА

Т. РАХМАТОВ

ОДОНИМЫ САМАРКАНДА

«Одонимия» как термин, обозначающий один из разделов топонимии, была введена в науку в начале 50-х годов французскими лингвистами¹.

По мнению Л. Совера, одонимия, «младшая сестра гидронимии», включает в себя названия всех существующих видов путей: городских и сельских дорог, улиц, проспектов, бульваров, переулков². Известный французский лингвист Марсель Коэн под «одонимией» понимает только названия дорог, путей³.

Нам кажется наиболее логичным под термином «одонимия» подразумевать названия всех видов водных и сухопутных путей и дорог, а также улиц, переулков и т. п., точно так же, как под термином «оронимия» понимают названия всех географических возвышенностей, а под «гидронимией» — наименования всех водных источников.

Задача данной статьи — дать краткую характеристику и историко-лингвистический анализ ряда названий дорог и путей Самарканда и его окрестностей.

Несколько общих замечаний и наблюдений. Для обозначения понятия «дорога» в узбекском и других тюркских языках Средней Азии издревле применяется общий географический термин *jol||zöl*. Различные названия, характеризующие дороги, связаны с их внешними признаками, например, с рельефом, направлением, или же с их назначением, и образуются путем сочетания этого термина либо с аффиксом, либо с определяющим его словом (морфологическим либо синтаксическим способом); например, сочетания *ʔädür-büdüŕ jöl* 'бугристая, неровная дорога' (определяется состояние дороги), *toŕŕŕ jöl* 'прямая дорога' (определяется направление), *mäšinä jöl* 'автомобильная дорога' (в соответствии с назначением), *terä jöl* 'дорога через холм, холмистая дорога' (в соответствии с рельефом).

В Узбекистане широко распространено словосочетание *jalyŕŕ ajak jöl* (досл. 'одинокая нога дорбга'), а в некоторых местностях еще *bir*

¹ См.: J. Herbillon. Les Dialectes belgo-romans, t. IX. Bruxelles, 1952, стр. 156; A. Cornoy. Essai d'hodonymie. — «L'Antiquité classique», t. XXII. Bruxelles, 1953, стр. 297.

² Laurent S'auveur. Une science à promouvoir: l'Odonymie. — «Vie et Langage», № 32, novembre, 1954, стр. 491—492. По-гречески *odos* — 'дорога', *opota* — 'имя'. Автор не согласен с мнением, что названия улиц должны обозначаться термином «*agyonymie*» ('*agüia*' по-гречески «улица»).

³ Marcel Cohen. L'odonymie. — «L'Humanité», 10 mai. 1971, стр. 10.

ajak jol (досл. 'одна нога доро́га') в значении 'тропа, тропинка, узкая пешеходная дорога в предгорьях, на возвышенности, вообще вне населенных пунктов'. Обычно по такой дороге (тропинке) не могут идти рядом два человека. Отсюда и значение определительной группы (big ajak, jalıyuz ajak), сопровождающей слово (номенклатурный термин jol) 'дорога для движения ног только одного человека'.

Появление и употребление термина soktak 'тропа' связано с названием такого рода дорог (ср.: sokkābaš⁴ 'одинокий; холостяк', sok⁵ > sokkā — 'одинокий', baš — 'голова'). Исходное значение корневой основы sok, нам кажется, связано с глаголом soktak 'ударять, бить, стучать' (другая инфинитивная форма — sokušmak 'стучаться друг о друга, биться' и т. д.). Аффикс -так, образующий имя существительное, давно утратил свою продуктивность и сохранился лишь в нескольких именах существительных, иногда он имеет два значения: название предмета, орудия действия, его результат и само действие (инфинитив)⁶. Например, ulmak 'крючок' (название предмета), 'зацеплять, подвешивать' (инфинитив), soktak 'тропа' (название предмета), 'бить, стучать' (инфинитив).

Другие существительные, означающие понятие «тропинка», образуются путем присоединения уменьшительных аффиксов -ak > -āk', -k'ä. Но в современном узбекском языке, особенно в городской речи, термин jol в сочетании с этими аффиксами имеет другие значения. Например, jöläk' 'проход (небольшой, узкий проход)', 'коридор', jölk'ä 'тротуар, дорожка'.

Древнетюркское слово jolak⁷ и другие его фонетические формы в значении «тропа» употребляются в горных животноводческих районах республики (например, в Фаришском районе Сырдарьинской области, Галляларальском районе Самаркандской области и др.).

Есть и другие названия дорог, путей, в которых заключены характеристики их отличительных признаков: например, направления: äjriliš 'развилка', bigiliš 'поворот'. Эти названия, образованные при помощи именного аффикса -iš, базируются на вторичном использовании их прямого значения. С другой стороны, они обозначают какую-то часть дороги и могут употребляться без номенклатурного термина jol. Для обозначения понятия «перекресток» применяется давно заимствованный таджикско-персидский термин čāggāhā (досл. 'четыре дороги'). Следует отметить, что в разговорном языке стали часто употребляться русские термины: *поворот*, *перекресток* (конечно, с некоторыми фонетическими изменениями). Например, место, где кончается одна из главных улиц Самарканда — Карла Маркса и начинается Октябрьская улица, называется *Поворотом*, то есть нарицательное имя превратилось в одоним. Остановка троллейбуса, трамвая и автобуса носит то же название. *Перекресток* около правления колхоза им. XXII партсъезда Джамбайского района (место скрещения ташкентской и районной дорог) тоже является теперь названием-одонимом.

К дорожным терминам можно отнести k'ešūv, k'ešik' (глагольные основы — именные аффиксы), тадж.-перс. gūzār с общим значением «брод, переправа». Последний из них употребляется только в западных

⁴ Узбекско-русский словарь. М., 1959, стр. 395.

⁵ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк (Индекс-луғат). Тошкент, 1967, стр. 227.

⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 116.

⁷ Махмуд Кошгарий. Указ. соч., стр. 135.

районах Самаркандской области, вдоль бассейна реки Зеравшан. Но термин *güzār* (от инфинитива *güzāštān* 'проходить') в Самарканде, Каттакургане, в поселке Ургут и в некоторых примыкающих к ним населенных пунктах означает «квартал», то есть синонимичен с *māhällā* (араб. *محلة*, мн. ч. *محلات*).

По сообщению О. А. Сухаревой, в XVII в. *гузар* стал единственным термином, обозначающим квартал во всей западной половине междуречья⁸. Полагаем, что этот термин и до XVII в. употреблялся в значении «проход, маленькая, узкая дорожка», по которой можно было пройти из одного городского квартала в другой. В пользу последнего предположения говорит то, что в дореволюционных среднеазиатских городах центром считалось место пересечения главных улиц с главными дорогами. Остальные улицы составляли сетку тупиковых ответвлений от главных. «Селитебная часть города представляла собой идущие вдоль улиц голые дувалы (девор) и глухие стены на фасад»⁹. В свою очередь, ряды домов, целые кварталы были отделены один от другого общей стеной, образующей тупики. Естественно, между кварталами, *диварами* пролегли проходы, узкие дорожки, которые могли называться только *güzār*, *güzārgah* (-*gah* — аффикс, обозначающий место, где происходит то, что выражено исходной основой). До XVII в. в значении «квартал» употреблялись другие термины — араб. *māhällā*, тадж. *k'ō* (меньшие кварталы)¹⁰. В связи с изменением этнического состава городского населения и последующим влиянием различных языков (особенно узбекского и таджикского) этот термин постепенно утратил свое прежнее значение. В сельских же местностях, где географические названия устойчивее, он сохранил свое исходное значение.

Известно, что в прошлом для обозначения перевала, кроме узбекского *bel*, *art*, *ašuv*, употреблялось арабское *ākābā* (*akbā*, *āybā*, *ābyā*), монгольское *k'ötāl*¹¹ — синонимы общеизвестного *davan* (монг.). Эти географические термины (из них *ākābā*, *k'ötāl*, *art* ныне не употребляются в значении «перевал») сохранились только в топонимии и непосредственно связаны с дорогами. Известно, что перевал — это путь, проложенный через горы. Синонимы слова *перевал* стали нарицательными именами дорог. В этих названиях обычно характеризуется состояние поверхности, дороги, рельеф местности и т. д.

Если слова, обозначающие перевал, в оронимии выступают как номенклатурные термины (например, *Tāxtākārāčā davanu* 'перевал Тахтакарача'), то в одонимии они употребляются для обозначения дорог, проходящих в горных или возвышенных местностях. В некоторых районах Самаркандской области под *авуа* подразумевается «крутая дорога, ведущая к перевалу». В географических и исторических трудах на арабском и персидском языках (IX—X вв.) этот термин также означает «горная дорога, дорога к перевалу»¹².

Монгольское *k'ötāl* 'низкий перевал', то есть место, где дорога проходила не через горы, а просто по возвышенной местности, встре-

⁸ О. А. Сухарева. О терминологии, связанной с исторической топографией городов Средней Азии (ку, махалла, гузар). — «Народы Азии и Африки», 1965, № 6, стр. 104.

⁹ Госархив Самаркандского облисполкома, фонд 26, оп. 13, ед. хр. 3.

¹⁰ О. А. Сухарева. Указ. раб., стр. 101; Уменьшительная форма от термина *k'ō* с аффиксом *-ša*, то есть *k'ōšā*, в значении «улица» стал применяться с начала XX в.

¹¹ С. Қораев. Географик номлар маъносини биласизми? Тошкент, 1970, стр. 5, 20, 68.

¹² В «Узбекско-русском словаре» (стр. 47) *ākābā* (устн. книжн.) — 'горная тропа'; См.: С. Қораев. Указ. раб., стр. 20.

чается и в топонимах Самарканда. Народный географический термин *kujā* 'склон, спуск, косогор' полисемантичен, являясь одновременно и орфографическим, и дорожным названием, означающим «дорога в предгорье, перевал». Топонимы *Kuzylkujā*, *Kaḡakujā*, *Akkujā*¹³ в основном встречаются в горных районах Узбекистана.

Рассмотренные нами дорожные термины и наименования бытуют в топонимах, требующих специального исследования. Представляет интерес распространение топонимов с географическим термином *jol*. В Узбекистане, особенно в Самаркандской области, много местных географических терминов, например, *terā* 'холм', *bulak* 'ключ, родник'. В роли определения в оронимических и гидронимических терминах чаще всего выступают прилагательные, обозначающие цвета: *kuzyl* 'красный', *sāguk* 'желтый', *ak* 'белый', *kaḡā* 'черный', *k'ök* 'синий', 'голубой'.

Термин же *jol* в сочетании с прилагательными, обозначающими цвет, семантически переосмысливается и приобретает новое значение, например: *ak jol* 'счастливого пути', *kuzyl jol* 'красная полоса' и др. Сочетание этого термина с существительными, прилагательными (обозначающими пространственные признаки или оценивающими предмет в целом), а также с именными аффиксами, образует различные наименования, многие из которых превратились в топонимы и собственные названия. Приведем некоторые примеры:

Топонимы: *jolsaj* *досл.* 'дорога+сай' (название холма в Ургутском районе), *jāngi jol* *досл.* 'Новая дорога' (название колхоза, района Ташкентской области), *Lenin joli* — калька с русского *Ленинский путь* (назв. колхоза, областной газеты).

Зоонимы: *jolčivin*, *jolpāššā* 'большая муха' (ее появление в комнате, по поверью, предвещает приход гостя); *jolbārs* 'тигр'; название третьего года по двенадцатилетнему животному циклу.

Антропонимы: *Joldaš* (-*daš* — именной аффикс) 'Юлдаш', личное имя от нариц. «спутник, попутчик»; *jolči* (-*či* — именной, топонимобразующий аффикс) 'Юлчи', личное имя от нариц. «путник, путешественник».

Космоним: *Saman joli* 'Млечный путь'.

В Зеравшанской долине с давних времен дороги прокладывались через горные перевалы и равнины. Самарканд с трех сторон (с юга, востока и севера) окружен горными хребтами, а на запад от него простирается обширная долина по течению реки Зеравшан. Здесь нет труднопроходимых лесных массивов и заболоченных мест. Поэтому в названиях дорог почти не нашли отражения термины, связанные с техникой дорожного строительства, распространенные в славянских языках¹⁴. В эпоху, когда верблюды и лошади являлись основным транспортным средством, не было нужды в специальной прокладке дорог (если не считать горных перевалов и малочисленных водных препятствий).

Развитие дорог и возникновение их названий, как известно, тесно связано с историей. В истории Самарканда часто упоминается древний «великий шелковый путь». Немыслимо представить себе далекое прошлое Согдианы, с широким развитием ремесел, торговли, культуры, науки, без проходивших здесь древних международных трактов.

¹³ См.: С. Қораев. Указ. раб., стр. 152.

¹⁴ Л. В. Куркина. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках. — «Этимология». М., 1968, стр. 93.

Древнегреческие авторы Геродот, Птолемей, арабские и среднеазиатские ученые IX—XIV вв. много писали о дорогах Согдианы, нанося их на карты Средней Азии. В начале нашей эры существовали своеобразные путевые справочники для путешественников и купцов. Ими пользовался и Птолемей (II в. н. э.) при создании своего фундаментального труда «География».

Географические сведения картографического характера о территории Средней Азии сохранились со времен арабского халифата и в так называемых Книгах дорог. Все эти географические данные можно найти в арабской литературе, в которую они вошли как «наука о почтовых станциях»¹⁵.

Но древние названия дорог, торговых путей не сохранились до нашего времени. Одним из древнейших одонимов, существовавшим до недавнего времени, было название Самаркандско-Бухарской дороги *Sāhrāh* 'Царская дорога'¹⁶. По нашему мнению, это название означало не только «дорога, по которой ездит царь» или «дорога, принадлежащая царю», но и включало также понятие главного караванного пути. Видимо, крупные города Мавераннахра были связаны и другими дорогами.

К числу старых узбекско-таджикских названий относится *Ārsu*, — единственное здание гражданского назначения, возведенное в 90-е годы XVIII в. Оно было построено рядом с ансамблем Регистана, на пересечении четырех главных дорог, ведущих из Ташкента, Бухары, Кеша (Шахрисябза) и Пенджикента. Когда-то здесь размещались лавки, торговавшие головными уборами. Поэтому термин *ārsu* означает и «рынок», и «перекресток главных дорог». Это — стяженная форма от авестийского *čavrusuk'* *досл.* 'четырёхсторонний'¹⁷. В других городах Средней Азии в центре на пересечении главных дорог также располагались *čārsu*.

Ряд одонимов связан с торговой жизнью Самарканда. Так, например, на территории Ургутского района и сейчас существуют дороги *k'ārgvan joli* 'караванный путь' (второе название — *ürgüt joli* — проходит через селение Джагалбайли от Кенегаса до райцентра), *Sāvdagārlār joli* 'дорога купцов' (название Термезской дороги в селении Курганча), *Tūjači* *досл.* 'дорога погонщика верблюдов' (большая дорога, пролегающая от Термезского тракта через селение Кенегас). По словам местных жителей, по этой дороге возили на верблюдах соль из Карши и ткани из Самарканда. Эти названия свидетельствуют о существовании давних торговых связей между Ургутом и другими крупными городами на территории нынешнего Узбекистана и Таджикистана. Ургут был не только одним из самых красивых городов, расположенных вблизи Самарканда, но и славился своими базарами, ремеслами и особенно коврами.

Некоторые топонимы — названия географических объектов, населенных местностей, являются одновременно и одонимами. К ним мы относим *Zam* (селение в Пастдаргомском районе), *Lāngār* (Нарпайский район), *Planōtti* (второе название *Temūrlān dārvazāsi* — ущелье

¹⁵ В. Н. Федчина. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967, стр. 7—17.

¹⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху Монгольского нашествия. — «Сочинения», т. I. М., 1963, стр. 148.

¹⁷ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согды. М., 1970, стр. 128. Ср. в «Узбекско-русском словаре» (стр. 527) *čārsi* — «перекресток, пересечение главных улиц в центре города; четырехугольный, квадратный».

в Сангзарской долине на границе Самаркандской области), *Gyšk'örpür* (*Gyšk'örprik'*) (Булунгурский район).

Известно, что после монгольского нашествия в Средней Азии, в том числе на территории Зеравшанской долины, на главных дорогах появилось много почтовых станций, получивших название «*jam*». По сообщению В. Л. Вяткина, недалеко от Самарканда было несколько таких ямов. Например, селение Чумичли в XVII в. называлось *Jam*¹⁸. У Бабура тоже встречается *jam* как «почтовая станция» и название местности¹⁹. С. Караев в своем словаре приводит ряд топонимов с терми-

ном *jam*, *zam*²⁰. Думается, что и селение *Zam* в Пастдаргомском районе также было почтовой станцией и находилось на большом тракте. Значит, через это селение по равнине проходила дорога в Кашкадарьинскую долину. Предполагается, что греко-македонские войска проходили не через перевал, известный ныне под названием Тахта-Карача, а по более удобной дороге²¹, то есть через Джам по степи. Степь эта еще в конце XIX в. называлась «степью Искандера» (*дашт-и Искандер* или *Искандар чули*). Возможно, что и сама дорога носила то же название.

Längär — название, часто встречающееся в топонимике Узбекистана. По мнению Э. М. Мурзаева, этот термин — индоевропейского происхождения. Он заимствован разными народами в разные эпохи, но во всех языках имеет близкие по смыслу значения²². Э. М. Мурзаев отмечает, что этот топоним встречается в местностях, по которым в старину пролегли караванные пути²³.

А. З. Розенфельд, анализируя употребление слова *лянгар* в восточных текстах, приходит к выводу, что его «общее наиболее полное значение (кроме «якорь») — остановка, стоянка»²⁴. Этот термин не встречается в древнетюркских памятниках. У В. В. Радлова *лянгар* также означает «якорь», «плоское блюдо», «поплавок удочки», «балка, к которой привязывают шнурки с удочками»²⁵. В узбекском языке *лянгар* — «якорь», «шест, которым балансирует канатоходец»²⁶.

На основании сказанного можно сделать вывод, что самаркандский топоним *Лянгар* происходит от нарицательного существительного со значением «остановка, стоянка, почтовая станция». Географическое положение *Лянгара* подтверждает, что он находился у дороги и служил местом привала, гостиницей для путешественников, купцов, воинов. Не исключено также, что это древний местный географический термин, характеризующий орографический объект или дорогу.

В Джамбайском районе в 13 км к северу от реки Зеравшан расположено селение Миср, вблизи которого проходила старая Самаркандско-Ташкентская дорога. Местные жители называли ее *Gyšk'örpür* «кирпичный мост». Такое название встречается и в Ташкенте. Географ Х. Хасанов относит этот термин к гидрографическим названиям²⁷. Нарича-

¹⁸ В. Л. Вяткин. Материалы исторической географии Самаркандского вилайета. — «Справочная книжка Самаркандской области». Вып. VII. Самарканд, 1902, стр. 23—24.

¹⁹ З. М. Бобир. Бобирнома. Тошкент, 1960, стр. 98—99, 421.

²⁰ С. Караев. Указ. раб., стр. 50.

²¹ «История Самарканда», т. I. Ташкент, 1969, стр. 52.

²² Э. М. Мурзаев. Топонимика Синьцзяна. — «Географические названия» (сб.: «Вопросы географии», № 58. М., 1962, стр. 127).

²³ Там же.

²⁴ А. З. Розенфельд. Название «Лянгар» в топонимике Таджикистана. — «ИВГО», т. 72, вып. 6, стр. 861—864.

²⁵ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. I. СПб., 1905, стр. 744—745.

²⁶ См.: «Узбекско-русский словарь», стр. 238.

²⁷ Х. Хасанов. Урта Осиё жой номлари тарихидан. Тошкент, 1965, стр. 41.

тельные имена, став топонимами, как правило, утрачивают свое первоначальное значение, обозначая отдельные населенные пункты, реки, дороги. Но происхождение самаркандского топонима *Gushk'örüg* непосредственно связано с характером дороги и означает «дорога, имеющая кирпичный мост» (видимо, имеется в виду мост через Зеравшан). В Самарканде и его окрестностях широко известен исторический памятник — огромная кирпичная арка, представляющая собой один из пролетов средневекового водного сооружения — моста-вододелителя, построенного там, где Зеравшан разделяется на Акдарью и Карадарью. Мост был сооружен в период правления хана Шейбани в самом начале XVI в., точнее в 1502 г.²⁸ Все арки (семь, по мнению А. Р. Мухамеджанова) были возведены из обожженного кирпича. Это сооружение представляло собой огромную преграду на подступах к Самарканду. Караванная дорога, проходившая через этот мост, соединяла Самарканд с Ташкентским оазисом, Ферганской долиной и, через Нурату, с Бухарой. Возможно, название старой Ташкентской дороги связано именно с этим мостом.

Встречающийся в Булунгурском районе одоним *Kun'ig jol* 'Извилистая дорога' является собственным названием тропы (на окраине селения Тайпаксай). Там же проходит еще одна тропа, носящая то же название, что и селение.

Название ущелья между Нуратинским хребтом и Мальгузарской горой — *Pañötti* *досл.* 'змея проходила', то есть примерное значение «извилистая дорога», «узкий, извилистый проход». Этот топоним является одновременно названием и ущелья, и Самаркандско-Ташкентской дороги. В отношении названия *Temürlän dārvazäsi* следует признать правильным мнение С. Караева, который считает, что это неудачный перевод древнетюркского *Temür karıu* 'Железные ворота' — старинного названия ущелья²⁹. Древний караванный путь, соединявший Самарканд с Индией, проходил через ущелье *Temir dārvazä* 'Железные ворота', находящееся между Шахрисябзем и Термезом. Это же название было дано и дороге. Ущелья и дороги с подобным названием, не имеющим, кстати, никакого отношения к Тимуру, встречаются и в других республиках. *Temir dārvazä* — географический термин, означающий «узкое, труднопроходимое горное место».

Одоним *Sārijazä*³⁰ — название Самаркандско-Бухарской дороги на территории колхоза «Ленин юлы» Каттакурганского района, одновременно является и названием давно исчезнувшего озера, на котором якобы жили герои народной поэмы «Язы и Зебо». Как название дороги этот одоним употребляется только жителями селения Чавли.

Следует отметить, что ряд топонимов играет большую роль в установлении и уточнении древних путей. К подобным топонимам можно отнести названия населенных пунктов *Tūt* (Нарпайский район), *Päj-šānbä*, *Zūmä* (*Bazar*). Два последних широко распространены в Самаркандской области.

Термин *tūt* встречается в согдийских текстах и мусульманской литературе. Согдийское *tūt* в значении «лавка, торговое помещение,

²⁸ А. Р. Мухамеджанов. Мост-вододелитель Шейбани-хана (на узб. и русск. языках). Ташкент, 1969, стр. 6.

²⁹ С. Қараев. Указ. раб., стр. 83.

³⁰ Сам термин *jazi*, *jazä* — местный географический термин, означающий «степь, равнина, открытая местность». См.: Махмуд Кошғарий. Указ. соч., стр. 105; Э. Фазылов. Староузбекский язык, т. I. Ташкент, 1966, стр. 461; С. Қараев. Указ. раб., стр. 47.

постройка» заимствовано из китайского языка (кит. tien), «что указывает на раннее, во всяком случае доисламское происхождение в Средней Азии таких торговых единиц»³¹. По сообщению самаркандского географа М. А. Абдуджабарова, в этом селении находится старинный памятник-мавзолей, построенный по типу мавзолея Исмаила Самани. Согласно надписи на портале, он сооружен в 977 г. (367 г. хиджры). Недалеко от селения расположена местность, носящая название *Kultor* досл. 'группа рабов'. В центре кишлака находятся остатки развалин древней крепости. Здесь были обнаружены старые монеты, черепки глиняных сосудов и т. д.³² Все это указывает на то, что на этом месте в прошлом находился большой рынок (шла даже работорговля) и проходил караванный путь из Бухары через Тым к Самарканду, Карши и к другим городам. До наших дней Тўт дошло только в качестве топонима.

Названия Pājšānbā, Zūtmā связаны с базарами, которые устраивались в определенные дни недели. К селениям, в которых устраивались базары, вели главные дороги, получавшие то же название. Так, например, в Каттакургане есть кишлак Joḡām, ведущая к нему дорога также называется Joḡām.

Несколько слов о названиях улиц. В Самарканде, втором после Ташкента промышленном, культурном и научном центре Узбекистана, более 830 улиц.

Названия этих улиц слагаются из двух компонентов: первый — собственно название, второй — сопровождающее слово-термин. В синтаксическом плане первый из компонентов — определение (существительное), второй — определяемое с притяжательным аффиксом -si. Полная конструкция выглядит так: Nāvaij pamidāgi (или pamli) k'ōčā 'улица имени Навои', как это принято в названиях школ, вузов, предприятий, колхозов (если определение — личное имя). Думается, что в подобных конструкциях нет необходимости и что удобнее называть улицы по схеме: Zāḡāryk k'ōčāsi 'улица Джарарыкская', как это делается и на русском языке.

Поэтому структурный анализ названий улиц (вообще всех видов топонимов) отличается от анализа нарицательных составных имен. Например, словосочетание šāhār k'ōčāsi означает «улица, принадлежащая городу». Здесь определение может принимать аффикс родительного падежа -piḡ, что неприменимо по отношению к названиям улиц, так как подобные названия, не отражая сущности предмета, являются лишь ориентирами для их распознавания.

³¹ О. И. Смирнова. Указ. раб., стр. 133.

³² М. А. Абдуджабаров. Амир Темур ғори. Тошкент, 1970, стр. 11.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Н. Е. ПЕТРОВ

О. Н. БЁТЛИНГК И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ*

Академик О. Н. Бётлингк в своих трудах, особенно во введении к «Über die Sprache der Jakuten», справедливо критикуя недостатки сравнительного изучения языков, показал несостоятельность фактов, якобы подтверждающих преимущества флективных языков над агглютинирующими. Он выдвинул основополагающий тезис о том, что для определения общности урало-алтайских языков, для классификации языков и наречий каждой семьи необходимо в первую очередь подробно и всесторонне изучить каждый язык в отдельности, составляя сравнительные грамматики по каждой языковой семье. И только на основании сопоставления древнейших языковых фактов, установленных сравнительно-историческим методом, можно сделать научно обоснованные выводы об общих языковых чертах. По сей день не потеряли научной ценности слова О. Н. Бётлингка о том, что «прежде всего нужно, по моему мнению, тщательно и со всех сторон исследовать каждый член каждой фамилии поодиночке и потом, через сравнение всех членов, перейти к определению первобытных форм, корней и грамматических окончаний еще не разделившейся фамилии»¹. И далее: «Но пока отдельные фамилии не исследованы точнее и не составлена их сравнительная грамматика, до тех пор надобно поставить в обязанность не допускать появления подобных сочинений², которые, при обширности своего размера, столько же бедны положительными результатами, сколько по методу не способны в настоящее время достигать истинно ученого достоинства»³.

Труд «Über die Sprache der Jakuten» в целом явился практическим осуществлением этой идеи О. Н. Бётлингка, весомым вкладом ученого в сравнительное изучение урало-алтайских языков. Этот труд содержит большой сравнительный материал при глубоком анализе вопросов фонетики, словообразования, словоизменения и этимологии якутского языка, в том числе послелогов и других служебных слов.

Рассматривая вопросы классификации языков мира, базирующейся на формальных признаках слов, О. Н. Бётлингк много внимания уделил

* Основные положения статьи были доложены на конференции, посвященной 120-летию выхода в свет труда академика О. Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten», состоявшейся в ноябре 1971 г. в Якутске.

¹ О. Н. Бётлингк. О языке якутов. — «Ученые записки Императорской Академии наук», 1853, т. I, вып. 4, стр. 422—423.

² Здесь О. Н. Бётлингк имеет в виду работы Шотта и других (см. «Введение» к труду О. Н. Бётлингка).

³ О. Н. Бётлингк. Указ. соч., стр. 424.

важным теоретическим вопросам языкознания, в том числе словосложению, материальным и формальным элементам слова, происхождению аффиксов и их отношению к служебным словам. При этом он внес конструктивные поправки в утвердившееся в науке этого периода представление о природе аффикса и служебного состава.

Предшественники и современники О. Н. Бётлингк — авторы тюркских грамматик и работ по общему языкознанию считали падежные аффиксы урало-алтайских языков послелогоми. Даже А. М. Казембек, написавший первую общую грамматику ряда тюркских языков, получившую высокую оценку специалистов, утверждал, что «буквы или слоги, характеризующие падежи в склонении имен или местоимений, как-то: *нин, дан, да* и проч. суть падежные послелогов»⁴.

Такое представление об аффиксах теоретически основывалось на мнении, что урало-алтайские языки, в отличие от индоевропейских, не достигли в своем развитии высшей степени абстрагирования и образования настоящих форм. Практически это соображение поддерживалось тем, что значения падежей урало-алтайских языков при переводе часто соответствуют предлогам индоевропейских языков. О. Н. Бётлингк теоретически доказал, что падежные аффиксы урало-алтайских языков по своему происхождению и абстрактности значения не отличаются от окончаний падежей в индоевропейских языках и «представляют в себе материального отнюдь не более, чем индогерманские в своих окончаниях»⁵.

Мнение о том, что падежные и другие аффиксы являются послелогоми, О. Н. Бётлингк убедительно опроверг в своих «Критических замечаниях», изданных еще в 1848 г.⁶, теоретически обосновав и доказав на практике правильность своих идей в знаменитой работе «О языке якутов»⁷. Он писал, что падежные аффиксы, хотя исторически и восходят к самостоятельным словам, ныне стали неотъемлемой частицей основ и под влиянием ассимиляции звуков совершенно изменили свой первоначальный облик. Так, например, дательный падеж в якутском языке имеет двадцать различных фонетических вариантов окончания⁸. «Падежные окончания, — подчеркивал О. Н. Бётлингк, — тем отличаются от послеположений, что всегда прикладываются к теме (то есть основе. — Н. П.) имени, не могут быть отделены от нее и вовсе не обнаруживают в себе самостоятельной жизни»⁹.

Что касается случаев отдельного написания флексивных окончаний у монголов и тюрков, то это обстоятельство О. Н. Бётлингк считал подтверждением того, что сами тюрки и монголы признают эти окончания отдельными словами. Он объяснял этот факт следствием принятого у них письма, которое графически не отражает наличия гласных в окончаниях слова. «В якутском языке, — писал он, — по всей вероятности, никому не придет в голову писать формальный элемент отдельно от материального, во-первых, потому, что здесь материальный элемент (то есть основа слова. — Н. П.) часто подвергается, как мы видели, боль-

⁴ А. М. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846, стр. 312.

⁵ О. Н. Бётлингк. Указ. соч., стр. 382.

⁶ O. Böhlingk. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's Türkisch-tatarischen Grammatik, zum Original und zur deutschen Uebersetzung von Dr. J. Th. Lenker. SPb., 1848.

⁷ O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851.

⁸ См.: O. Böhlingk. Kritische Bemerkungen..., стр. 17—20.

⁹ О. Н. Бётлингк. О языке якутов, стр. 420.

шим переменам, и, во-вторых, потому, что формальный элемент (то есть аффикс. — Н. П.) беспрестанно изменяет свой вид»¹⁰.

Данное орфографическое положение, выдвинутое О. Н. Бётлингком на основе его теоретических исследований, было в те времена весьма актуальным. Дальнейшее развитие оно получило в его специальной статье, посвященной вопросам якутской орфографии¹¹, в которой нашла отражение точка зрения ученого, впервые разработавшего идеальный алфавит якутского языка и научно сформулировавшего основы якутской письменности.

Рассматривая в своей грамматике служебные слова, О. Н. Бётлингк наибольшее внимание уделил послелогам и служебным именам. Согласно своей концепции, он подвергнул детальному анализу этимологии этих категорий, указав на их параллели в других языках, особенно в тюркских и монгольских. В разделах, посвященных склонению и изменению имен существительных, местоимений и глаголов, им были выделены подразделы об образовании неизменяемых слов, в том числе послелогов, от имен и глаголов. Этимология отдельных послелогов рассматривается им в параграфах 402, 417, 425, 431, 438, 525, 527, 528 и др.

Кроме того, в разделе «Неизменяемые» О. Н. Бётлингк рассмотрел, наряду с другими служебными и неизменяемыми словами, несколько послелогов, заимствованных в готовом виде (§ 531).

Все эти замечания об этимологии послелогов О. Н. Бётлингк обобщил в специальном разделе о послелогах (§§ 773—777). Здесь именными послелогами названы *ураты* 'особенный', выступающий в значении «кроме», *утары* 'против', *тула* 'вокруг, около', *турхары* 'в продолжении', *иһин* 'за, ради', *устун* 'вдоль', *саһана* (ошибочно у Бётлингка *сааһына*) 'во время', *аайы, ахсын, ахсыгар* 'каждый' (§ 773). Отглагольными послелогами автор считал *ааһа* 'за, сверх', *ыла* 'с, начиная с', *диэри* 'до', *кытта* 'с', *быһа* 'поперек, через', а также *кэчэһэ* 'против', *төгүрүччү* 'вокруг, около' (§ 777). Отдельно им выделены имена: *атын* и *өтүн* 'сторона', *үрүт* 'верх', *алын* 'низ', *илин* 'перёд', *кэлин* 'зад', *тус* 'перед чем-нибудь лежащая сторона', *орто* 'середина', *ис* 'внутренность', *арыт* 'промежуток', которые в косвенных падежах притяжательного склонения служат послелогами (§ 775).

Таким образом, О. Н. Бётлингк классифицировал послелогии на основе генетического принципа. Этот принцип классификации служебных слов ныне широко применяется в якутском и других тюркских языках¹².

Остановимся подробнее на высказываниях О. Н. Бётлингка об этимологии отдельных послелогов, происхождение которых для современно-го якута не совсем ясно, ибо они утратили связь с другими частями речи.

Послелогии *иһин* 'за, ради', *устун* 'вдоль, по' О. Н. Бётлингк считает усиленной или более полной формой неопределенного (основного) падежа имен *ис* 'внутренность' и *уста* 'его длина' (§§ 774 и 402). Послелогии *ахсыгар, ахсын* он производит от *ахсыы-ты-гар* 'в его числе' (дат. п.), *ахсын* от *аахсыы-бын* 'его число' (вин. п.), но в то же время допускает происхождение этих послелогов от *абыс* 'восемь', выраженного как круглое число и стоящего в дательном и винительном падежах притяжательного склонения в 3-м лице единственного числа. Послелог *саһына* возведен О. Н. Бётлингком к форме имени *сааһа* 'его возраст' в местном падеже, *диэри* 'до' — к побудительному залогу от глагола *тий* 'достигнуть' с

¹⁰ О. Н. Бётлингк. Указ. соч., стр. 407—408.

¹¹ О. Böttlingk. Zur Orthographie im Jakutischen. — «Mélanges Asiatiques...». Tome VII. SPb., 1876, стр. 761—767.

¹² См. работы Е. И. Убрятовой, Н. Е. Петрова по якутскому языку, Н. А. Баскакова — по каракалпакскому и другим языкам, Дж. Мураталиевой — по киргизскому языку и другие.

аффиксом *-и*, что убедительно подтверждается происхождением послелогов типа *кытары* 'с, вместе', восходящего также к форме побудительного залога *кытар* от глагола *кыт* (*кытын*) 'участвовать'.

Этимология якутского послелога *диэри* 'до', предложенная О. Н. Бётлингком, стала общепринятой в тюркологии. Так, достигаемый послелог, имеющийся во многих тюркских языках, исследователи связывают с глаголом движения со значением 'достигать, касаться'.

Однако в этимологические изыскания О. Н. Бётлингка можно внести кое-какие поправки. Например, послелог *сабына* (современная литературная форма *сабана*) явно происходит от имени *сах* 'время, пора' в местном падеже притяжательного склонения. На это указал еще Э. К. Пекарский¹³ и вслед за ним С. В. Ястремский¹⁴. Послелог *тула* следует признать деепричастием на *-а* от устаревшего глагола *тул* 'ходить вокруг' (см. «Словарь» О. Н. Бётлингка, стр. 109), а послелог *утары* 'против' прежде всего является наречием глагольного происхождения, а не именем: *утар-а* > *утары* (ср. *түннэр-э* > *түннэре* > *түннэри* 'опрокидывая' > 'вверх дном').

В первом случае О. Н. Бётлингка подвело ошибочное употребление долготы в послелоге (*саабына*), а в последних случаях — по-видимому, ограниченность материала бывших в его распоряжении источников.

О. Н. Бётлингк считал *тула* именем потому, что оно принимает падежные аффиксы (*тулабар*, *тулатынан* и т. д.). Однако некоторые наречия деепричастного происхождения, приобретая признаки имен, могут принимать именные аффиксы в притяжательной форме, например, глагол *ыгыс* — совместно-взаимный залог от глагола *ык-* 'теснить' образует деепричастие *ыкса*, которое выступает и как наречие (*ыкса кэл* 'подходить вплотную'), и как служебное имя (*мин ыксабар* 'вблизи от меня'). О. Н. Бётлингк считает *утары* именем только потому, что оно сочетается с именами в основном (по терминологии О. Н. Бётлингка, *неопределённом*) падеже. Однако некоторые глагольно-наречные послелоги ослабляют способность управлять именами в винительном падеже: *тыалы утары бар* > *тыал утары бар* 'идти против ветра', *миигин тула тураллар* > *мин тула тураллар* 'стоят вокруг меня'.

Кроме того, признавая весьма интересными и оригинальными этимологические изыскания О. Н. Бётлингка, можно выдвинуть новые объяснения этимологии отдельных послелогов. Например, наличие элемента *-ин* в якутском послелоге *иһин* и в его вариантах в других тюркских языках тюркологи объясняли по-разному: К. Г. Залеман характеризовал его как наречную усилительную форму¹⁵, авторы алтайской грамматики считали его аффиксом винительного падежа притяжательного склонения¹⁶. По нашему мнению, это аффикс древнего инструментального падежа. Послелоги *иһин* 'за' и *устун* 'по' происходят от служебных имен, переходящих в послелог только в форме пространственных падежей: дательного, исходного и орудного, совместившего в современном якутском языке значения древнего инструментального падежа. К тому же значение послелогов *устун* (по-нашему предположению, с аффиксом инструментального падежа) и *устунан* (с аффиксом орудного падежа), образованных от одного и того же корня *уст* 'длина', абсолютно совпадает. Что же касается развития значения послелога *иһин* 'за, ради', происходящего от

¹³ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Выпуск седьмой. Л., 1925, столб. 2019.

¹⁴ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. М., 1938, стр. 210—211.

¹⁵ С. Salemann. Noch einmal die Seldschukischen Verse. — В сб.: «Mélanges Asiati-ques», X, СПб., 1890, стр. 212.

¹⁶ Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 102 и сл.

формы инструментального падежа имени *ис* 'внутренность', то это мы попытаемся объяснить, исходя также из значений послелога *иһинэн*, являющегося формой имени *ис* 'внутренность' в современном орудном падеже.

Форма *иһинэн* выступает в качестве послелога и выражает отношения распространения действия в промежутке пространства, времени, в пределах предмета, понятия, состояния, названного именем, предшествующим послелогу: *көс иһинэн* 'в пределах десяти километров'; *сыл иһинэн* 'в течение года, за год', *санаа иһинэн* 'по душе', *кыах иһинэн* 'по возможностям, соответственно с возможностями'.

Как видно из этих примеров, послелог *иһинэн* выражает пространственные, временные отношения и отношения соответствия. Аналогично этому послелог *иһин* в древности, видимо, употреблялся при обозначении предмета, внутри или в пределах которого совершалось действие. Например: *суол иһин* (читайте: *суол иһинэн*) *бар* 'иди по дороге', *көс иһин* (чит.: *көс иһинэн*) *сырыт* 'ходить, находиться в пределах десяти километров'. Из этого последнего значения, по-видимому, должно образоваться новое, выражающее отношения соответствия. Например, в предложении *А пуунтан В пуун ырааҕа көс иһин* (чит.: *көс иһинэн*) 'Расстояние между пунктами А и В в пределах десяти километров' мы видим, что *иһин* (*иһинэн*) обозначает отношения соответствия, то есть расстояние между пунктами А и В воспринимается как расстояние, равное приблизительно десяти километрам. Затем значение, указывающее соответствие, стало переосмысливаться как значение, выражающее возмездительные отношения. Например, предложение *Аты ынах иһин биэрдим* 'Лошадь я отдал за корову' исторически, вероятно, понималось так: «Лошадь я отдал «по внутренности» коровы (то есть в пределах ее стоимости)». Значит, лошадь соответствует корове, следовательно, лошадь дается за корову, между ними существуют возмездительные отношения, выражаемые послелогом *иһин*. Из этих значений, выражающих отношения соответствия и возмещения, в свою очередь развились значения, обозначающие объективные, целевые и причинные отношения, аналогично развитию значений русского предлога *за*. Послелоги *ахсыгар*, *ахсын* возводятся нами к слову *аҕыс*, но в значении 'счет, число', а не 'восемь'. Древнетюркское *saḡuṣ* 'число, счет' в якутском языке имело форму *аҕыс*, и отсюда *ахса* (*аҕыс-а—аҕыса > ахса*) 'его число, его счет'. А современное якутское слово *ахсаан* 'счет' образовалось от слияния компонентов парного слова *аҕыс-саан* (ср. древнетюрк. *saṇ-saḡuṣ* 'число, счет').

О. Н. Бётлингк, проследив пути образования категории послелога, пришел к выводу, что в якутском языке почти нет настоящих послелогов, соответствующих предлогам индоевропейских языков и образующих отдельную часть речи. Вместо них выступают имена в определенной падежной форме и различные деепричастия (§ 773).

Этот вывод вполне соответствовал состоянию развития послелогов в якутском языке того времени. Вместе с тем автор подчеркивал, что послелоги нельзя называть ни предлогами, ни падежными аффиксами. Развивая данное положение О. Н. Бётлингка, мы предлагали для выделения служебных частей речи дополнительный критерий, опирающийся «на наличие слов, представляющих как бы основной словарный фонд данной части речи, т. е. на определенное количество слов, выделившихся из состава лексики других частей речи и употребляющихся только в специальном значении той или иной части речи»¹⁷.

¹⁷ Н. Е. Петров. О месте служебных имен и послелогов в системе частей речи якутского языка (К вопросу о классификации частей речи). — Труды ИЯЛИ, вып. 4 (9). Якутск, 1963, стр. 101.

Значения и употребление послелогов довольно подробно раскрыты в разделах о падежах и послелогах, а также в «Словаре». Было бы несправедливо сейчас упрекать О. Н. Бётлингк в том, что многие современные значения послелогов им не были описаны. Материалы О. Н. Бётлингк в основном отражают состояние развития послелогов в середине XIX в. и являются надежным источником для разработки исторической грамматики якутского языка.

О. Н. Бётлингк служебные имена назвал именами, употребляющимися в форме косвенных падежей как послелоги. При этом, как видно из приведенных автором примеров, под косвенными падежами он подразумевал дательный, местный, исходный и орудный. Он показывал преимущественно конкретно-пространственные и временные значения служебных имен, а также отражение целевых, причинных отношений послелогов, образованными от имен *тус* 'сторона, лежащая перед кем-, чем-либо'.

Примечательно, что служебные имена названы прямо именами и выделены среди послелогов. Такой взгляд на служебные имена получил дальнейшее развитие в трудах крупных советских тюркологов Н. К. Дмитриева, Л. Н. Харитоновой и других, выделявших особую промежуточную группу слов — служебные имена, «которые имеют двоякую функцию: первую, прямую, т. е. употребляются по своему материальному значению, и вторую, служебную, т. е. употребляются в ином, более абстрактном значении, передавая оттенки разного рода пространственных отношений»¹⁸.

Ученые разработали критерии различения этих двух разных функций служебных имен по их падежной форме. «Если служебное имя, — писал Н. К. Дмитриев, — употребляется не в качестве служебного, то оно ставится в так называемых грамматических падежах; в противном же случае оно должно стоять в одном из так называемых пространственных падежей»¹⁹. Однако при подробном описании функционирования каждого служебного имени в языке этот формальный критерий проявляет свою односторонность и условность.

Сочетания типа *имя существительное + служебное имя* могут быть лексикализованными или терминологическими сочетаниями, например, в якутском языке сочетание *кун анна* (досл. 'низ солнца') обозначает «мир, вселенная», *дьиэ таһа* (досл. 'внешность дома') — «двор», *книгэ таһа* (досл. 'внешность книги') — «переплет, обложка книги» и т. д. Конечно, второй компонент подобных сочетаний и в форме пространственных падежей грамматикализации не поддается. Служебное имя также не подвергается грамматикализации тогда, когда оно обозначает конкретную часть предмета. Например, второй компонент сочетаний *хонуу орто* 'середина поляны', *уу үрдэ* 'поверхность воды' в любом падеже остается именем, так как в сознании носителей языка такие сочетания сохраняют вещественное значение имен типа *орто* 'середина', *үрүт* 'верх' и в форме пространственных падежей (*хонуу ортотугар* 'на середине поляны', *уу үрдүгэр* 'на поверхности воды'), подобно своим русским соответствиям *середина поляны*, *поверхность воды*, которые, например, в дательном падеже не превращаются в предложно-именную конструкцию: *среди поляны*, *на воде*.

В связи с этим для различения именного и служебного употреблений имен типа *илин* 'перед', *кэлин* 'зад', *алын* 'низ', *үрүт* 'верх', *ис* 'внутрен-

¹⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 229.

¹⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 184—185.

ность' и т. п. целесообразно пользоваться новым критерием, учитывающим и семантические, и формальные признаки служебных имен: «Если служебное имя обозначает известную часть конкретного предмета и имеет материальное значение, то оно во всех падежах остается именем, т. е. не подвергается грамматикализации. Если служебное имя обозначает сторону конкретного предмета в пространстве, то оно в пространственных падежах становится семантически обезличенным служебным словом, выполняющим чисто грамматическую функцию»²⁰.

Служебные глаголы О. Н. Бётлингк не выделялись в отдельный разряд служебных слов. Однако в «Словаре» автор довольно подробно раскрыл их значения, показал роль некоторых служебных глаголов в образовании видов, времен и наклонений глагола. Так, о видовых значениях служебных глаголов он писал: «В якутском языке, как и в родственных языках, есть глаголы общего значения, которые в соединении с дееспричастием занимают место главного понятия, но, с нашей точки зрения, придают только тот или иной оттенок деятельности, выраженной формой, синтаксически подчиненной. Сюда принадлежат, например, *эр* 'быть', *олор* 'сидеть', *ыл* 'брать', *ис* 'ходить', *кэбис* 'бросать', *кэл* 'приходить', *көр* 'видеть', *хаал* 'оставаться'. *тур* 'стоять', *бар* 'уходить', *сыт* 'лежать', *сырыт* 'ходить'». Эту мысль О. Н. Бётлингк подкрепил такими примерами: *кини тахсан ээрэ* 'он теперь выходит' (раньше он не выходил), *оборон ыл* 'высосать', *төннэн ис* 'находиться на обратном пути' (продолжительная деятельность), *быһан кэбис* 'отрезать', *чугаһаан кэл* 'приближаться', *көтөн көр* 'пробовать летать', *убайан хаал* 'загореться', *суруйан бар* 'начать писать' и т. д. Как видно из примеров, О. Н. Бётлингк вполне разобрался в видообразующих значениях служебных глаголов.

В «Грамматике» О. Н. Бётлингка отсутствует раздел о частицах. Однако в «Словаре» зафиксировано 20 частиц (собственно частицы и функциональные). Это довольно внушительная цифра, если принять во внимание, что в «Словаре», содержащем около 5 тысяч слов, отражено (в виде отдельных словарных статей или внутри статей в форме заглавных слов) более 80 различных служебных слов: послелогов, служебных имен, служебных глаголов, частиц, союзов и модальных слов. Из этих 20-ти частиц только слово *дуо* 'ли' определено как энклитическая частица, а *даҕаны* названо частицей в сочетании *кырдьык даҕаны* 'и в самом деле' (стр. 114). Преобладающему большинству частиц посвящены отдельные словарные статьи, в которых довольно подробно раскрываются их значения. Например, статья о частице *эрэ* занимает примерно полтора столбца. В ней автор различает пять групп значений этой частицы:

1) именно, только что, только: *оччону эрэ биэрдэ* 'именно столько дал он', *субу эрэ кэллэ* 'он только что пришел', *биэс эрэ* 'только пять', *баҕардар эрэ* 'если только он пожелает';

2) вопросительные местоимения посредством прибавления *эрэ* становятся неопределенными: *туох эрэ* 'что-то', *хас эрэ* 'несколько', *хайалара эрэ* 'кто-то из них', но: *төһө эрэ үөрэр этим* 'как я радовался бы!';

3) после родового понятия *эрэ* указывает только на род, поэтому не исключает ни одного индивидуума этого рода: *киһи эрэ* 'каждый человек, всякий', *күөлгэ эрэ* 'на каждом озере';

4) ставится после утверждения и повторяется после отрицания, непосредственно следующего за ним, чтобы отметить сомнительность высказанного: *танара билэр, төрөөбүт дойдубун эмиэ көрүөм эрэ* 'бог знает, увижу ли я опять мою родину или нет';

²⁰ Н. Е. Петров. Служебные имена в якутском языке. — В сб.: «Материалы первой научной конференции молодых специалистов. Секция гуманитарных наук». Якутск, 1961, стр. 66—67.

5) в следующих примерах *эрэ* просто усиливает предшествующее ему слово: *балай эрэ* 'довольно-таки, в достаточной мере', *маннай эрэ* 'в первый раз', *буолла эрэ буолла* 'это случилось и должно было случиться', *көрүн эрэ* 'смотрите-ка' (стр. 16).

Как видно из этого сокращенного изложения словарной статьи, О. Н. Бётлингк выявил почти все значения частицы *эрэ*: ограничительно-выделительное, словообразующее, собирательное и усилительное. Он даже отметил эмоционально-усилительное значение *эрэ* в сочетании типа *төһө эрэ үөрэр* этим 'как я радовался бы!'.¹

На основе наблюдения над современным якутским языком к установленным О. Н. Бётлингком фактам можно лишь добавить, что *эрэ* с повелительной формой глаголов имеет модальное значение, выражающее строгое предупреждение и угрозу (*тугу да гыммакка олор эрэ!* 'попробуй сидеть, сложа руки!'). Следует также отметить ее союзное значение, указывающее на то, что действие главного предложения совершается сразу после действия придаточного предложения (*оһонньор кэллэр эрэ, оһолор тарбаһан хаалаллар* 'как только приходит старик, ребята тут же расходятся'). Кроме того, в порядке уточнения можно заметить, что с вопросительным местоимением *төһө* частица *эрэ* образует неопределенное местоимение (*төһө эрэ харчыны биэрбитэ* 'он дал сколько-то денег'); в предложении типа *Танара билэр, төрөөбүт дойдубун эмиз көрүм эрэ, көрүмүм эрэ* 'Бог знает, увижу ли я опять мою родину, или нет' сомнения говорящего выражается контекстом, а *эрэ* имеет значение раздельного союза или. В «Словаре» О. Н. Бётлингк не зафиксированы устойчивые сочетания с частицей *эрэ*; большинство из них ныне имеет модальное значение: *аатыгар эрэ* 'для вида', *аат эрэ харата эле* 'спустя рукава', *баара эрэ* 'всего навсего', (*сылдыа*) *баһалаа эрэ* 'не посмей (ходить)', *бэйи (бэйэ) эрэ* 'постой, погоди', *көр эрэ!* '(ух), смотри!', *көр эрэ маны* 'ишь какой', *саатар (сатаатар) эрэ* 'с удовольствием', 'пожалуйста', *хорум эрэ* 'но-но!', *эгэ эрэ* 'тем более, недавно'.

Таким образом, в «Словаре» О. Н. Бётлингк остались не раскрытыми модальное и союзное значения частицы *эрэ*. Конечно, упрекать автора в этом также было бы несправедливо, ибо источники, которыми располагал О. Н. Бётлингк, в том числе и труды А. Я. Уваровского, не отражали в полной мере все модально-экспрессивные тонкости якутского языка, да и сам якутский язык в прошлом столетии в этом отношении, вероятно, был не столь совершенным. Союзы и союзные слова получили свое подлинное развитие в процессе становления современного якутского письменного литературного языка. Во времена О. Н. Бётлингк научная разработка служебных слов и лексических средств выражения модальности находилась в начальной стадии.

Именно этими обстоятельствами объясняется то, что в «Словаре» значения модальных частиц (*эбит, үһү, үһүө, кэриннээх* и др.) полностью не раскрыты, а модальные слова представлены весьма бедно. О. Н. Бётлингком были лексикографически обработаны отдельные модальные значения лишь некоторых слов: *хата, арай, бука, син* и других.

Возьмем для примера модальное слово *бука*, которое довольно развернуто описано в отдельной словарной статье. О. Н. Бётлингк переводит его немецкими словами *gerade* 'прямо, именно, как раз', *durchaus* 'совсем, непременно, вполне', *ja!* («mit einem Imperativ») 'да!' («только с повелительной формой глагола») и иллюстрирует следующими примерами: *бука түөстэринэн* 'как раз в грудь им', *бука уордаах хара хааннара уотунан оргуйа турдагына* 'как раз в то время, как их гневная черная кровь огнем кипела', *бука барыта* 'вполне все', *бука биир да таммаҕы хаалларымына иһэн кэбистим* 'я выпил, совсем не оставивши ни капельки', *бука кэл* 'да приди'.

Из этих значений *бука*, выявленных О. Н. Бётлингком, в современном якутском языке известны усиительное значение в сочетаниях типа *бука бары* 'решительно все', *бука оҕо эрдэхтэн* 'с самого детства', *бука былыргыттан* 'с самых древних времен, испокон веков, искони' и значение, выражающее просьбу говорящего с повелительной формой глагола. Вместе с тем в «Словаре» О. Н. Бётлингка не были зафиксированы главные модальные значения слова *бука*, выражающие: предположение говорящего (*эн, бука, алҕаһаатаҕын* 'ты, наверно, ошибся'), его сомнение (*эн кыайаргын бука билбэтим* 'не знаю, вряд ли ты победишь'), сетование, негодование, порицание (*бука ити идэҕин сөбүлээбэт буоллаҕым ээ!* 'ох, как не нравится мне эта твоя привычка!'). Не приведены в «Словаре» сочетания *бука* с частицами *эрэ, диэн*, выражающие усиленную просьбу, например, *бука эрэ көһүт* 'пожалуйста, жди', *бука диэн умна-айаҕын* 'пожалуйста, не забудь'.

По указанным нами выше причинам О. Н. Бётлингк смог выявить в якутском языке только четыре собственно союза: *да* 'также, и, однако, именно' (при повторении *да...да* 'как...так и'), *даҕаны* 'также, и' (при повторении *даҕаны...даҕаны* 'как...так и'), *дуу...дуу* 'или...или', *биэтэр* 'или' (при повторении *биэтэр...биэтэр* 'или...или'). Ученый был склонен также причислить к союзам постпозитивное слово *аата* 'все-таки, все же, хотя и'. «Если кто-либо, — писал О. Н. Бётлингк, — еще причисляет к союзам *аата*, которое соединяется с аффиксами сказуемого настоящего времени, то я тоже не возражаю» (§ 778).

Следовательно, О. Н. Бётлингк не только признал союзами постпозитивные слова *да, даҕаны*, но и одобрил действия тех современных ему авторов, которые включили в число якутских союзов и постпозитивные служебные слова.

В якутском языкознании имеются две различные точки зрения на союзы: одни ученые (Л. Н. Харитонов и др.) собственно союзами считают только те выполняющие союзные функции слова, которые не примыкают к какому-либо члену предложения: *уонна* 'и', *итиэнне* 'затем, и, еще', *оттон* 'а', *эбэтэр* 'либо, или', *илии, илиибэ* 'либо'²¹; другие исследователи (Е. И. Убрятова и др.), как и О. Н. Бётлингк, собственно союзами считают и постпозитивные служебные слова. Например, Е. И. Убрятова не только *да* и *даҕаны* называет древнейшими союзами, но и утверждает, что «некоторые формы связки (деепричастия *эрээри, эбэтэр, буолан, баран, буолбакка*) превратились в союзы»²².

Л. Н. Харитонов считал слова *да* и *даҕаны* частицами, выступающими в значении союза²³. В действительности же это абсолютные омонимы. *Да, даҕаны* представляют собою, как говорил О. Н. Бётлингк, собственно союзы, притом встречающиеся почти во всех тюркских языках и формах *да/де, та/те*, одновременно *да, даҕаны* являются и частицами (как квалифицирует их Л. Н. Харитонов), активно употребляющимися не только в якутском, но и в других тюркских языках.

О. Н. Бётлингк привел в «Словаре» довольно много примеров на союзное употребление слов *да, даҕаны*, показав при этом и словообразующее значение их как частиц: *ким да* 'кто-нибудь', *туох даҕаны* 'что-нибудь'. Кроме того, он в своем словаре выявил союзное значение отдельных слов: *икки* 'и', *эрэ* 'или', *диэн* 'чтобы' и др.

²¹ См.: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 277.

²² Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., стр. 251.

²³ Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 277.

Место служебных слов в грамматике О. Н. Бётлингк определил в ряду неизменяемых слов, наречий, междометий и т. п. Разделяя точку зрения О. Н. Бётлингка, Л. Н. Харитонов включил служебные слова в класс неизменяемых слов совместно с наречиями, звукоподражательными и образными словами, а также междометиями²⁴. Однако служебные слова должны быть отделены от неизменяемых самостоятельных слов и объединены в отдельную группу, которую можно назвать классом служебных слов. Это правомерно потому, что служебные слова с неизменяемыми частями речи имеют общее только по части внешней морфологической формы (неизменяемость), но зато они, будучи знаменательными и служебными словами, имеют более значительные отличия друг от друга. Сами же разряды служебных слов имеют между собой более существенные общие моменты²⁵.

Таким образом, мы рассмотрели весь теоретический и фактический материал о служебных словах, имеющийся в труде О. Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten», в котором из числа этих слов особенно глубоко и подробно были исследованы ученым послелоги и служебные имена, имеющие непосредственное отношение к сравнительно-историческому изучению языков.

Подобная направленность в изучении категорий служебных слов, начало которой было положено О. Н. Бётлингком и поддержано влиянием русистики, по сей день сохраняет в алтаистике свое значение.

Ценность труда О. Н. Бётлингка заключается и в том, что он убедительно раскрыл богатства и совершенство еще не известного науке языка небольшого народа.

Труд «Über die Sprache der Jakuten», написанный на немецком языке, стал особенно доступным специалистам и читателям России благодаря книге С. В. Ястремского²⁶, представляющей собой по существу перевод грамматики О. Н. Бётлингка.

Работа О. Н. Бётлингка имела и большое практическое значение. Все прикладные грамматики по якутскому языку, начиная с сочинения Д. Хитрова²⁷ и кончая советскими школьными грамматиками, были написаны на основе этого классического труда.

В тюркологии по сей день остаются слабо изученными частицы, модальные слова и союзы. Работы о служебных словах в тюркских языках, созданные за последнее время, к сожалению, страдают почти всеми теми недостатками, о которых еще в прошлом столетии говорил О. Н. Бётлингк, критикуя работы Шотта и других авторов по общим вопросам языкознания. Особую актуальность сейчас приобретают слова О. Н. Бётлингка о том, что для сравнительного изучения языков необходимо прежде всего тщательно и всесторонне изучить каждый язык в отдельности.

Это положение целиком и полностью относится и к изучению служебных слов в тюркских языках.

²⁴ Л. Н. Харитонов. Указ. раб., стр. 95.

²⁵ Н. Е. Петров. О месте служебных имен и послелогов в системе частей речи якутского языка. (К вопросу о классификации частей речи), стр. 107.

²⁶ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900.

²⁷ Д. Хитров. Краткая грамматика якутского языка. М., 1858.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. О. ОРУЗБАЕВА

СОВРЕМЕННАЯ КИРГИЗСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Терминология является наиболее интенсивно развивающимся лексическим пластом литературных языков народов СССР. В этом отношении особенно показательны языки, не имевшие до Октябрьской революции своей письменности. В этих языках научно-техническая терминология не получила в свое время соответствующего отражения. Развитие терминологической лексики в послереволюционное время является одновременно показателем и лексического обогащения, и межъязыкового взаимовлияния. В этой связи чрезвычайную актуальность приобретает сбор, систематизация и унификация терминов по отраслям знаний, установление теоретических принципов создания новых терминов, обобщение опыта работы над терминологическими словарями, контроль за внедрением терминов в литературный язык. Одна из основных задач такой разносторонней работы заключается в том, чтобы терминосистемы отвечали высоким требованиям передовой науки и техники, способствовали как всемерному их развитию, так и широкой пропаганде знаний среди разноязычных народов, населяющих нашу многонациональную Родину¹.

В разработке теоретических проблем терминологии в отечественной лингвистической науке большую роль сыграли труды ведущих советских ученых: В. В. Виноградова, С. Ч. Чаплыгина, А. М. Терпигорева, В. С. Кулебакина, Г. О. Винокура, Д. С. Лотте, Я. Климовицкого, А. А. Реформатского, Н. А. Баскакова, Т. А. Бертагаева и других².

В настоящей статье мы попытаемся дать краткий обзор актуальных задач в области разработки терминологических систем киргизского языка, поделиться опытом систематизации и упорядочения терминов и составления отраслевых двуязычных словарей, а также определить основные научно-теоретические проблемы киргизской терминологии.

Удельный вес терминологической лексики в общем словарном составе киргизского литературного языка значителен, и это во многом определяет его отличие от устного разговорного языка.

Научно-технический прогресс способствует все большему проникновению терминологии в литературный язык. В национальных языках большинство иноязычных заимствований, а следовательно, и неологизмов, относится прежде всего к терминологической лексике.

¹ Состояние и задачи терминологической работы в нашей стране были исчерпывающе охарактеризованы акад. В. В. Виноградовым на Всесоюзном терминологическом совещании, созванном Институтом языкознания АН СССР в мае 1959 г. (см. сб.: «Вопросы терминологии». М., 1961, стр. 3—10).

² Исчерпывающий список трудов по общим вопросам научно-технической терминологии приводится в разделе I библиографического указателя к сборнику статей «Проблемы языка науки и техники». М., 1970.

На заре формирования киргизского письменного литературного языка (вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции) для работников первого киргизского печатного органа — газеты «Эркин тоо», составителей школьных учебников и пособий, а также для переводчиков большую трудность представлял подбор терминов, отражающих проникшие в жизнь киргизского народа новые представления и понятия. В связи с этим специальным постановлением Академического центра от 8 мая 1926 г. в Киргизии была создана Терминологическая комиссия.

С самого начала своей деятельности Терминологическая комиссия исходила из принципов как максимального использования лексических ресурсов самого киргизского языка, так и заимствования интернациональных терминов без их перевода. В то же время специальным пунктом оговаривалось ограничение использования терминов арабо-персидского происхождения. Благодаря этим принципам киргизский литературный язык избежал чрезмерных пуристских тенденций. Постепенно были преодолены увлечения арабизмами типа *ynkylar*, а затем *töñk'ögüš* 'революция' или же стремление во что бы то ни стало отыскать для нового понятия лексический эквивалент в родном языке: *vegmaï* 'нефть', *ot araba* 'паровоз', *šajtanaraba* 'велосипед', *katyn tabur* 'акушерка', *puskooči* 'инструктор', *vik'čil* 'оппозиция', *tög aya* 'председатель'. Для передачи на киргизском языке новых понятий стали широко привлекаться готовые русские термины.

Для начального периода терминотворчества характерно использование терминов не только из русского, но и из родственных языков путем их калькирования. Начиная с 1926 г. списки терминов, утвержденные терминологической комиссией, публикуются в газете «Эркин тоо».

Появившиеся в середине 30-х годов первые терминологические словари содержали очень ограниченное количество терминов и их киргизских эквивалентов.

Интенсивная и планомерная работа по упорядочению терминологии различных отраслей знания была начата уже в послевоенный период. В настоящее время вопросами отбора, систематизации и публикации терминологических систем руководит функционирующая при Президиуме АН Киргизской ССР Терминологическая комиссия, созданная специальным постановлением Совета Министров республики.

К началу 1972 г. Комиссией издано 65 названий терминологических словарей: русско-киргизские терминологические словари по физике и математике, биологии, ботанике, ветеринарии, земледелию, экономике, сельскому хозяйству и промышленности, политической экономии, общественно-политическим знаниям, лингвистике и литературоведению, почвоведению, астрономии, геологии, горному делу, электротехнике, машиноведению, легкой промышленности, педагогике, черчению и рисованию, архитектуре и строительству, органической, неорганической, физической и биологической химии, лесному хозяйству и другим отраслям науки и техники. Каждый киргизский термин сопровождается кратким объяснением его значения. Эти словари можно в какой-то мере отнести к двуязычным толковым словарям³.

Согласно выработанному Комиссией положению издание словарей распадается на два этапа: сперва выпускается проект словаря, который на основе детального обсуждения дополняется и уточняется, после чего издается окончательный вариант, рекомендуемый к широкому использо-

³ Одновременно Комиссия занимается и систематизацией дунганской терминологии. За последние годы изданы русско-дунганские словари филологических, общественно-политических и сельскохозяйственных терминов.

ванию. Таким образом, в известной мере обеспечиваются необходимые требования систематизации и унификации терминов.

Накопленный материал и опыт по созданию терминосистем на киргизском языке позволил сделать и некоторые теоретические обобщения. Первые работы в области теории терминологии принадлежат известному киргизскому лексикографу Д. Ш. Шукурову⁴.

Позднее в кандидатских диссертациях были разработаны проблемы, связанные с ролью традиционной профессиональной лексики в формирующихся научно-технических и общественно-политических терминосистемах⁵. Эти работы представляют собой определенный вклад в развитие теоретических основ национальной терминологии.

Отдельные исследователи обращают внимание на методику отбора терминов при составлении киргизской части двуязычных терминологических словарей, а также на роль русского языка и переводческой практики в формировании терминологических систем⁶.

Надо признать, что изданные словари не отвечают полностью всем лексикографическим и терминологическим требованиям. Так, например, составители киргизских терминосистем не всегда используют в качестве основы системы (то есть словника) терминологические бюллетени и рекомендации, выпускаемые Комитетом научно-технической терминологии АН СССР. Обычно они составляют словник на основе учебной литературы для школ и вузов.

В целях устранения несоответствий при разработке терминосистем и для их унификации в общесоюзном масштабе необходимо налаживание тесной связи между всеми организациями, работающими в области упорядочения терминологии.

Серьезным недостатком выпущенных словарей является разрыв между утвердившимися терминосистемами и постоянной необходимостью их пополнения в процессе развития науки и появления новых отраслей знания. Отсутствие единой методики составления словарей связано с недостаточной разработанностью отдельных теоретических проблем в области терминологии тюркских языков⁷ и прежде всего проблем тюркской лексикографии. Процесс терминотворчества происходит при непосредственном участии специалистов, которые и создают терминосистемы. Следовательно, в каждой терминосистеме, наряду с устоявшимися бесспорными терминами, могут существовать и единичные лексемы, используемые тем или другим автором в определенном значении, могут также появиться качественно новые термины (ср., напр., в киргизском *k'ejirk'eg*, наряду с *kaartman* — литературоведческий термин «герой».

⁴ Д. Шукуров. Принципы киргизской терминологии. — «Труды ИЯЛИ Кирг. ФАН ССР», 1952, вып. 3; *его же*. О киргизской терминологии и мерах ее улучшения. — Журн.: «Коммунист», 1954, № 9 (на кирг. языке); *его же*. Вопросы киргизской терминологии. — «Труды ИЯЛ АН Кирг. ССР», 1958, вып. 6; *его же*. Выступление на Всесоюзном терминологическом совещании. — В сб.: «Вопросы терминологии». М., 1961, стр. 100—102.

⁵ Т. Дуйшеналиева. Киргизские народные животноводческие термины. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1969; Т. Назаралиев. Киргизские народные строительные термины. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1971.

⁶ См.: А. Исабекова. Общественно-политическая терминология в киргизском литературном языке и вопросы ее упорядочения. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1971; сб.: «Вопросы киргизской терминологии», вып. I и II за 1969, 1971 гг. См. также: В. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, ч. I. Фрунзе, 1959; Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964; Я. Я. Янишансин. Развитие лексики киргизского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1953 (на кирг. языке); И. Н. Бажина. Русская лексика в современном киргизском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1954 и др.

⁷ Систематизации терминологии посвящен ряд исследований. См. сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971.

k'üjörgtöp — спортивный термин «болельщик», okigman наряду с okuŋŋu — в значении «читатель» и некоторые другие).

Возможны случаи, когда устоявшийся термин может быть употреблен в новом значении. В конечном счете это порождает в языке синонимию и омонимию и приводит иногда к нежелательным результатам.

В каждой упорядоченной терминосистеме всегда можно встретить и синонимичные термины, и номенклатурные названия, и термины, имеющие омонимичные признаки.

Это указывает на то, что вопросы систематизации, упорядочения и унификации терминологии не могут быть успешно решены без выявления главных критериев терминотворчества на основе анализа самих терминов в каждом конкретном языке и определения их структурно-семантических свойств.

Как известно, в практической работе по упорядочению терминологии при отнесении того или иного слова к разряду терминов обычно исходят из следующих требований: однозначность, возможность избежать синонимии и омонимии, односоставность по структуре и пр. Хотя эти признаки и считаются наиболее существенными, однако ни морфологическая структура, ни семантика слов, выступающих в роли термина, не укладываются в эти рамки.

Прежде всего вызывает сомнение требование односоставности структуры термина⁸.

Практически наряду с односоставными терминопостроениями типа tamur и ŋur (первое в значении математического, второе — лингвистического термина) имеется немало составных терминов, представляющих собой не только устойчивые, но и свободные словосочетания. Ср. например, kaŋara idiŋ ustakanasy 'гончарная', tuz kaŋnatuŋŋuvaj 'солеварня', ötük'itö bölmösü 'гладильня', наряду с ŋarykŋu 'точильня', uŋtyk 'копильня' и др. При этом многие терминосистемы в киргизском языке (особенно в области естественных наук и техники) создаются на основе перевода с русского языка и передаются только словосочетаниями (ср.: *иноземщина* — ŋet eldik', *отчизна* — ata meken или ata vurt, *зависимость* — k'öz kaŋandylyk и многие другие). Как и в русском языке, закономерно образование терминов, состоящих из структурно сложных сочетаний (типа *диалектический материализм*, *кайнозойская эра*, *каменный век* и др.).

Предъявляемые к термину требования предусматривают его употребление для выражения лишь одного понятия, то есть термин должен быть однозначным, моносемантическим. Омонимия в таком случае оценивается как нежелательное для терминологии явление⁹. На практике же при разработке терминосистемы это требование не удается полностью удовлетворить. Каждое из значений отдельных слов и словосочетаний, обладающее омонимичностью, в определенной области выступает в качестве термина. Например, talkuu — 'мялка' (орудие, применяемое для обминки кожи), в переносном значении — 'обсуждение, дискуссия'. Volŋu употребляется в значении «проводник» и «дорожный работник». В этом отношении весьма характерны омофоны и омоформы типа *май* — означает название месяца и «жир»; *март* — название месяца и «щедрый», *ток* — «электрическая энергия» и «сытость»¹⁰ и др. Семантические особенности таких образований опасений не вызывают, ибо значение по-

⁸ См.: Д. С. Лотте. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961 (Введение), стр. 5, 30—31.

⁹ Там же, стр. 61—71.

¹⁰ В современном киргизском алфавите заднеязычный *k* и переднеязычный узкий *k'* графически изображаются одинаково, как *k*.

добных слов в качестве термина в конечном счете определяется контекстом. Поэтому у киргиза не возникает неясностей, когда он сталкивается с термином *katuuluk*, употребляющимся в значении «громкость» и в значении «твердость», хотя в обоих случаях это физические термины.

Нежелательным явлением при систематизации считается синонимия¹¹. Сравним, например, такие слова, как *šojuuučuluk* или *sozuluučuluk* (в физике) и *ileešk'ičtik* (в химии) в значении «тягучесть», *karšylyk k'örsötö aluučtyk* (политический термин) и *turuštuk bere aluučuluk* физический термин, означающий «сопротивляемость», в каждом случае представляющие собой самостоятельные термины¹². При соблюдении требования избирательного употребления в качестве термина лишь одного из пары или множества абсолютных синонимов пострадала бы стилистическая сторона литературного языка. При создании терминосистем нельзя отказываться от употребления в качестве терминов синонимов и по другой, не менее существенной причине: в киргизском языке (как и в других тюркских языках) так называемая интернациональная лексика внедряется довольно широко через переводную литературу. Она стала одним из существенных пластов современной киргизской лексики. Но наряду с этим успешно применяются и соответствующие эквиваленты, рожденные в результате их полного калькирования средствами родного языка (ср., например, *сингармонизм* и *ündöštük' zak'onu*, *ультразвук* и *ultra ün*, *классификация* и *top* или *toptošturuu*, *председатель* и *başkarma*, *правление* и *başkarma*, но *управление* — *başkarma* или *başkaruu*).

Таким образом, абсолютная синонимика, развившаяся за счет иноязычных заимствований, для современного литературного киргизского языка является фактом и, как показывает практика, при создании терминосистем избежать ее невозможно.

Сформулированные в свое время Д. С. Лотте требования, предъявляемые к терминам, впоследствии критически пересматривались в трудах других исследователей. Лингвистический анализ материалов различных терминосистем и дальнейшее определение стыков терминологии с другими составляющими семиотики ставит под сомнение изложенные выше принципы определения термина.

В этом отношении характерны выступления некоторых участников симпозиума «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики»¹³, созданного проблемной группой по семиотике филологического факультета МГУ в декабре 1971 г.

Проблемы, обсуждавшиеся на этом симпозиуме, а также на ранее состоявшемся симпозиуме «Место терминологии в системе современных наук» (декабрь 1969) еще раз говорят о том, что терминология выходит уже за рамки чисто лингвистической дисциплины и ее роль в современной науке возрастает. Проблема терминологии тесно соприкасается с проблемой типологии языка науки и информатики, включающих не только терминологию, но и другие знаковые системы.

Само собой разумеется, что и национальная терминология должна стать объектом специального исследования как в лексикологическом, так и лексикографическом планах. Здесь следует выделить вопросы о понятии системы в терминологии, о критериях определения самого термина, о его структуре и семантике, о соотношении термина со словом, понятием, номенклатурой и дефиницией, о роли межъязыковых взаимо-

¹¹ См.: Д. С. Лотте. Указ. раб., стр. 21—24.

¹² На практике во всех терминосистемах наблюдаются подобные явления.

¹³ Б. И. Головин. О некоторых проблемах изучения терминов. Сб. тезисов. Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики», ч. I, 1971, стр. 64—67.

связей в образовании терминосистем и семантическом развитии слов, о месте терминологии в литературном языке, о литературной норме, о методике систематизации и построения терминологических справочников¹⁴. Следует также заняться вопросами унификации терминологии конкретных национальных языков.

Тюркские языки дают богатый материал для решения актуальных терминологических проблем. Давно назрела необходимость широкого обсуждения этих проблем как в печати, так и на специальных межреспубликанских совещаниях. Целесообразно ввести на филологических факультетах республиканских вузов специальный курс по основам терминологии.

¹⁴ Некоторые рекомендации лексикографической систематизации и обработки терминологии киргизского языка изложены нами в «Руководстве для составления терминологических словарей и упорядочения научно-технической и общественно-политической терминологии» (Фрунзе, 1971).

Н. А. БАСКАКОВ

О ПРОЕКТЕ ПРОГРАММЫ КАНДИДАТСКОГО МИНИМУМА ПО ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ ДЛЯ АСПИРАНТОВ

Проект «Программы по тюркскому языкознанию» для аспирантов, сдающих кандидатский минимум, составлен, с одной стороны, на основе длительного опыта подготовки кадров тюркологов в Институте языкознания Академии наук СССР, а с другой — на базе, подготовленной еще в 1952 году «Программы курса Введения в изучение тюркских языков», который читался мною несколько лет для аспирантов-тюркологов того же института. Программа эта была учтена при дополнении и переработке моего исследования «Тюркские языки»¹ в специальный учебник «Введение в изучение тюркских языков», допущенный Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для государственных университетов².

В связи с повышением требований к теоретической подготовке высококвалифицированных кадров тюркологов, а также с развитием тюркологической науки, ознаменовавшимся появлением крупных обобщающих теоретических исследований, возникла необходимость в разработке четко сформулированной программы кандидатского минимума по данной специальности, то есть тюркскому языкознанию, в которой были бы охвачены все достижения современной тюркологической науки.

Отсутствие такой общей программы подготовки специалистов по данной отрасли филологии создавало трудности в определении требований, предъявляемых как к поступающим в аспирантуру, так и к заканчивающим аспирантскую подготовку, то есть сдающим экзамен по кандидатскому минимуму данной специальности.

Программа состоит из трех частей: 1) самой программы, излагающей общие требования к кандидатскому минимуму по тюркскому языкознанию; 2) списка рекомендуемой литературы, необходимой для аспиранта, готовящегося по специальности «тюркское языкознание» и 3) списка проблем и вопросов для кандидатских диссертаций по данной специальности.

Подготовка кандидата наук по тюркскому языкознанию складывается из следующих компонентов: во-первых, из экзаменов по общим дисциплинам, каковыми являются: 1) философия, 2) иностранный язык и 3) общее языкознание и история лингвистических учений; во-вторых, из экзамена по специальности «Тюркское языкознание» и, в-третьих, —

¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960.

² Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962; 2-е издание. М., 1969.

из диссертации — специального исследования на одну из тем по тюркскому общему языкознанию или конкретному тюркскому языку.

Кандидатские экзамены по философии, иностранному языку (немецкому, французскому, английскому) и общему языкознанию сдаются по существующим утвержденным программам. Кандидатский же экзамен по тюркскому языкознанию до настоящего времени не был строго регламентирован, не были четко сформулированы и требования, предъявляемые к кандидату филологических наук, специализирующемуся по тюркскому языкознанию. Требования определялись самим экзаменатором и членами экзаменационной комиссии, что не было лишено субъективности. Экзаменуемый часто не бывал знаком с некоторыми основными тюркологическими исследованиями, так как не существовало рекомендательного списка минимума специальной литературы, которую он должен был знать.

Отсутствие рекомендуемой проблематики по тюркскому языкознанию, а также слабая координация в этой области привносили элемент случайности в выбор тем диссертационных работ. В силу этого одни области тюркского языкознания оставались слабо исследованными, а другим — посвящалось чрезмерно большое число диссертаций.

Повышение требований как к докторским, так и в особенности к кандидатским диссертационным работам — одно из самых важных условий развития тюркологии. Поэтому необходимо обратить особое внимание на повышение научного уровня диссертаций, и с этой целью повысить требования к аспирантской подготовке. Для этого прежде всего следует разработать четкую программу и определить дисциплины кандидатского минимума, по которым аспирант должен получить необходимые знания.

Практика подготовки аспирантов в Институте языкознания Академии наук СССР по существу определила основные предметы кандидатского минимума. Последние необходимо только детализировать и, возможно, дополнить некоторыми спецкурсами, которые подвели бы аспиранта к более углубленной исследовательской работе по конкретным проблемам.

Исходя из этой практики и наметившихся традиций, оптимальным представляется следующий план аспирантской подготовки по тюркскому языкознанию.

Кроме общих дисциплин, обязательных для всех языковедов: 1. Философии, 2. Иностранного языка (западно-европейского: немецкого, английского, французского) и 3. Общего языкознания, специальная подготовка могла бы состоять из следующих дисциплин.

1. Избранный основной тюркский язык: история, диалектология, лексикология, фонология, фонетика и грамматика.

2. Дополнительные языки:

- а) один из тюркских языков;
- б) один из вспомогательных языков (арабский, персидский, монгольский, китайский, финно-угорский, иберийско-кавказский, палеоазиатский и проч.).

3. Спецкурс в зависимости от специализации и темы диссертации:

- а) история конкретного языка;
- б) история литературного языка;
- в) древние и средневековые тюркские языки и их история;
- г) историческая грамматика конкретного языка;
- д) сравнительно-историческая грамматика тюркских языков;
- е) типология тюркских языков;

- ж) ареальная тюркология;
- з) диалектология;
- и) фонология и фонетика;
- к) экспериментальная фонетика;
- л) историческая лексикология;
- м) лексикография.

В качестве контрольной проверки могут быть установлены следующие формы:

1. Зачет по избранному тюркскому языку.
2. Зачет по дополнительному тюркскому языку.
3. Зачет по вспомогательному языку.
4. Зачет по специальному курсу.
5. Общий кандидатский экзамен по специальности «Тюркское языкознание».

В зависимости от специализации аспиранта в индивидуальный его план включаются, кроме обязательных общетюркологических дисциплин, также дополнительные специальные дисциплины, указанные в п. 3 (списке спецкурсов), которые могут быть проработаны либо лекционным способом с привлечением соответствующего специалиста, либо самостоятельно с использованием эпизодических консультаций специалиста или руководителя аспиранта.

Основным видом общей контрольной проверки знаний аспиранта является кандидатский экзамен, включающий проверку знаний по всем разделам данной «Программы». Экзамен производится после сдачи следующих необходимых зачетов: 1) избранного основного языка; 2) дополнительного тюркского языка; 3) вспомогательного языка и 4) спецкурса.

Таким образом, кандидатский экзамен по тюркскому языкознанию должен представлять собой контрольную проверку комплекса всех знаний по специальности.

Настоящий проект «Программы по тюркскому языкознанию» и проект плана аспирантской подготовки по данной специальности представляется на обсуждение в целях установления определенных и регламентированных требований для подготовки высококвалифицированных тюркологов-языковедов как в Институте языкознания АН СССР, так и в других научных учреждениях и высших учебных заведениях.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ КАНДИДАТСКОГО МИНИМУМА ПО ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ ДЛЯ АСПИРАНТОВ ТЮРКОЛОГОВ-ЯЗЫКОВЕДОВ

Основная дисциплина кандидатского минимума для тюрколога-языковеда — «Тюркское языкознание» — имеет целью дать аспиранту углубленные сведения по тюркской группе языков: о составе языков данной группы, о типологической и сравнительно-исторической характеристике тюркских языков, а также об истории их изучения. В практической же своей части программа познакомит с основными памятниками древних тюркских языков, их чтением, грамматическим разбором и комментированием.

Курс «Теоретические основы тюркского языкознания» включает вводные замечания общеметодологического характера, раскрывающие сущность основных методов изучения тюркских языков, и следующие четыре основных раздела: I. Обзор тюркских языков и наречий, их ареальных групп с классификацией; II. Типологическая, структурная и

сравнительно-историческая характеристика тюркских языков; III. История тюркских языков с практическими занятиями по древним и средневековым языкам; IV. История изучения тюркских языков в России, СССР и за рубежом с краткой характеристикой основных тюркологических работ западно-европейских ученых и восточных авторов.

I. Обзор тюркских языков и их классификация

1. Происхождение названия «тюрк» (предположения А. Ремюза, И. Бичурина, Н. А. Аристова, А. Вамбери, Ю. Ф. Немета, А. Н. Бернштама, А. Н. Кононова и др.).

2. Тюркские языки народов Сибири и Центральной Азии, их краткая характеристика и основные исследования по каждому языку. Древние тюркские языки на территории Сибири и Центральной Азии (язык енисейско-орхонских памятников, древнеуйгурский язык).

3. Тюркские языки народов Средней Азии и краткая их характеристика; основные исследования по каждому языку. Древние тюркские языки на территории Средней Азии (язык караханидских памятников и восточнотюркский язык «тюрк»).

4. Тюркские языки народов Европейской части СССР — Поволжья, Западных республик и областей, Крыма и Кавказа, их краткая характеристика. Древние тюркские языки на территории Европейской части СССР (булгарский, хазарский, печенежский, половецкий, золотоордынский).

5. Зарубежные тюркские языки: Турция (турецкий язык); Иран (азербайджанский и туркменский языки), Китай — Синьзян (уйгурский язык); Китай — Ганьсу (сарыуйгурский, саларский); Западная Монголия (хотоны); Афганистан (туркменский, узбекский, каракалпакский и др.). Древние языки (сельджукский и древнеосманский).

6. Проблема генеалогической классификации языков. Попытки классификаций и основные их критерии у восточных филологов (Махмуд Кашгарский, XI в., Джалал-эд-дин Ибн Муханна, XIV в.). Классификации тюркских языков русскими учеными: (В. В. Радловым, Ф. Е. Коршем, сводная классификация А. Н. Самойловича, классификация В. А. Богородицкого, С. Е. Малова и др., а также западноевропейских тюркологов (А. Ремюза, А. Вамбери, Г. Винклера и проч.). Этнолингвистическая классификация диалектных систем тюркских языков.

II. Типологическая, структурная и сравнительно-историческая характеристика тюркских языков

1. Тюркские языки как агглютинативные языки. Основные особенности агглютинативных языков в фонетической структуре, словарном составе и грамматическом строе, по которым тюркские языки сближаются с другими языками (алтайская и урало-алтайская теории).

2. Фонетическая структура тюркских языков. Специфические черты вокализма тюркских языков. Классификация гласных в трех аспектах (по работе языка, губ, челюсти) и их особенности в отдельных тюркских языках. Основные закономерности гласных: 1. Спонтанные или исторические чередования и соответствия гласных; 2. Комбинаторные изменения гласных: а) сингармонизм прогрессивный — палатальный и губной; б) сингармонизм регрессивный — палатальный и губной (обратное влияние гласных в тюркских языках, и в частности в уйгурском

языке). Редукция гласных в различных тюркских языках и в уйгурском языке. Долгие гласные (первичные и вторичные и теории их происхождения). Дифтонги и квази-дифтонги восходящие (губные и негубные) и нисходящие (губные и негубные). Специфические черты консонантизма. Классификация согласных по способу образования и по месту образования (гортанные, задненебные, средненебные, передненебные, альвеолярные, передненебные, губные, губнозубные, губогубные). Основные закономерности консонантизма. Спонтанные или исторические чередования и соответствия. Комбинаторные чередования: а) прогрессивная ассимиляция (по звонкости и глухости, спирализация); б) регрессивная ассимиляция; редукция и выпадение согласных. Долгие согласные (геминаты). Прочие закономерности согласных. Слог, ударение. Графика: орфография и алфавит. Транскрипция.

3. Характеристика словарного состава тюркских языков. Общее исконное ядро основного словарного фонда тюркских языков. Различия лексики в отдельных группах конкретных тюркских языков как результат развития этих языков. Периодизация развития тюркских языков. Историческое развитие их словарного состава. Общие для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков элементы в лексике тюркских языков. Древнетюркский период в развитии тюркских языков и китайские, древнеиранские, санскритские и арабо-персидские лексические элементы в восточных тюркских языках, славянские и финские элементы — в западных языках. Монгольский период в развитии тюркских языков и заимствования монгольской лексики, в особенности в языках Сибири и Центральной Азии. Период воздействия русского языка и развитие лексики тюркских языков — эпоха расцвета национальных тюркских языков и обогащения их словарного состава за счет интернациональных и русских слов. Изучение словарного состава языков с точки зрения процессов их изменения путем пополнения новыми словами и выпадения устаревших слов. Развитие лексики тюркских языков путем филиации значений слова. Слово и понятие. Лексическое и функционально-грамматическое значение слова. Омонимы. Синонимы. Антонимы. Табуированная лексика, эвфемизмы. Стилистические особенности лексики: просторечие, архаизмы, неологизмы, профессиональная лексика. Фразеология. Лексикография.

4. Характеристика грамматического строя тюркских языков. Процессы развития грамматического строя тюркских языков.

1) Морфология. Словообразование и словоизменение в тюркских языках. Морфологическая структура слова в тюркских языках. Общие сведения о корне слов и аффиксах лексико-грамматического словообразования (аффиксы образования новых слов-понятий, например, образования имен от глаголов, глагола от глагола и пр.); аффиксы функционально-грамматического словообразования (аффиксы образования грамматических функциональных форм слова); аффиксы словоизменения (категории числа, принадлежности, падежа, лица). Другие формы словообразования и словоизменения (лексический, синтаксический и проч. способы). Части речи: а) имена существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения, междометия и подражательные слова; б) глагол; в) служебные части речи: частицы, послелоги, союзы.

2) Синтаксис. Словосочетания и их основные типы. Классификация определительных словосочетаний: а) детерминативные непряжательные определительные словосочетания; б) притяжательные слово-

сочетания. Предложения и их основные типы: а) простые предложения (без развернутых членов предложения и с развернутыми членами предложения); б) сложные предложения: сложносочиненные и сложноподчиненные предложения (союзные, бессоюзные и с прямой речью); в) сложные высказывания. Особенности синтаксиса предложения монологической и диалогической речи. Порядок слов в предложении и в определительных сочетаниях. Характер и сущность способов грамматической связи слов в предложениях и словосочетаниях: а) субъектно-предикатная связь и категория лица и числа как формы грамматического выражения этой связи; б) объектно-предикатная связь и категория падежа, система послелогов как грамматическая форма выражения этой связи; в) определительная связь и категория принадлежности, как форма грамматического выражения этой связи. Примыкание во всех его вариантах как универсальное средство грамматической связи в тюркских языках.

III. История тюркских языков с практическими занятиями по древним и средневековым языкам

1. Алтайская эпоха. Алтайская, урало-алтайская, угро-тюркская теории и их сущность. Основные направления алтайской теории. Характеристика языков алтайской семьи.

2. Хуннская эпоха (до V в. н. э.), ее характеристика.

3. Древнетюркская эпоха (V—X вв.). Обзор основных памятников. Древнеогузские, древнеуйгурские и древнекиргизские памятники. Памятники-фрагменты булгарского, хазарского, печенежского и других древних языков.

4. Среднетюркская эпоха (X—XV вв.). Караханидские памятники. Развитие среднеазиатского литературного тюркского языка «тюркӣ» и его распространение. Язык сельджукских племен, старокипчакско-огузский язык и др.

5. Новотюркская эпоха формирования языков народностей (XV—XX вв.). Формирование языков современных тюркских народностей; на западе: азербайджанского, турецкого, кумыкского, карачаево-балкарского, ногайского, караимского, крымскотатарского, гагаузского, татарского, башкирского, чувашского, туркменского, узбекского, казахского, уйгурского; на востоке: киргизского, алтайского, хакасского, тувинского, шорского, якутского и др.

6. Новейшая эпоха развития литературных тюркских языков после Великой Октябрьской социалистической революции. Разработка литературных языков. Создание письменности у бесписьменных народов. Развитие и нормирование литературных языков, их орфографии и терминологии. Развитие общественных функций литературных языков тюркских народов СССР.

Параллельно с теоретической проработкой материала по древнетюркской и среднетюркской эпохам — практические занятия и визуальное знакомство с основными публикациями памятников: а) восточных языков: древнеогузского языка енисейско-орхонских памятников, древнеуйгурского и древнекиргизского языков; б) западных языков: булгарского, печенежского, половецкого, старокипчакского, золотоордынского, сельджукского, староосманского, караханидского, староузбекского языков.

*Это нужно
для истории
вопросов
нефтогазов*

Практические занятия по чтению, разбору и комментированию текстов на следующих языках:

- 1) древнеогузском (енисейско-орхонские надписи, например, памятник в честь Кюль-Тегина);
- 2) древнеуйгурском и древнекиргизском (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Л., 1951; его же: Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959; его же: Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952);
- 3) на языке караханидов («Кутадгу-билиг»);
- 4) на языке огузов в регистрации Махмуда Кашгарского («Дивану лугат-ит-тюрк»);
- 5) на староузбекском (например, «Бабур-намэ»);
- 6) на сельджукском (сельджукские стихи Султана Веледа и Джалал-эд-дина Руми);
- 7) на староосманском («Калила и Димна» и др. памятники);
- 8) на половецком (Codex Cumanicus) и старокипчакском (Абу-Хайян, Ат-тухфат... и др.).

IV. История изучения тюркских языков в России, СССР и за рубежом

А. Изучение тюркских языков в России и СССР

1. Период с древнейших времен до конца XVII в.

Практическое изучение языков. Проблема переводов деловых документов и ярлыков. Изучение топонимики и этнонимики и создание географических карт.

1) Начало изучения тюркских языков. Осведомленность в половецком языке русских князей — Владимира Мономаха, Всеволода Ярославовича (Юрьевича) и др. — автора «Слова о полку Игореве», а также летописцев.

2) Подготовка практических специалистов «татарского языка толмачей» во II половине XVII века (Анисим Васильев, Иван Горский и астраханский татарин Мурметка — участники первой русской экспедиции на Аму-Дарью в 1675 г.).

3) Изучение тюркской топонимики: карты П. И. Годунова — 1667 г. и Н. К. Витзена — 60 г. XVII в., а также его исследование «Северная и Восточная Татария».

2. Петровский и послепетровский период в изучении тюркских языков до середины XVIII века.

Основные проблемы: тюркская эпиграфика и палеография, изучение топонимики, первоначальное накопление словарных материалов по конкретным тюркским языкам.

1) Начало изучения тюркской эпиграфики (Петр I, осмотр болгарских памятников, перевод их Юсупом Ишбулатовым и издание в 1761—1771 гг. И. И. Лепехиным. См.: И. Н. Березин. Булгары на Волге. Каз., 1853 г.). Перевод Юсупом Ишбулатовым рукописи «Дербент-намэ», известной в нескольких азербайджанских версиях.

2) Продолжение изучения тюркской топонимики Семеном Емельяновичем Ремезовым (Чертежная книга Сибири и Тобольские летописи — 1701 г.), в том числе его карта Средней Азии 1697 г., и приоритет в регистрации древнетюркских памятников (орхун-камней).

3) Вторичная регистрация Ф. И. Таббертом (Страленбергом) — шведским пленным офицером — памятников енисейско-орхонских над-

писей и открытие им Сочинения Абуль-Гази, первый его перевод на русский язык русским анонимным писцом, а затем перевод шведом Шенстремом; французский перевод — 1726 г. и русский перевод с французского Тредьяковского; исследования Г. Шабера, Г. Гмелина, Г. Мюллера, И. Фишера и др.

3. Период — середина XVIII века до начала XIX века.

Основные проблемы: сравнительное изучение лексики, проблемы грамматики.

1) Значительный материал по лексике, собранный русскими путешественниками, издание в 1786—1788 гг. под руководством П. С. Палласа и при участии ориенталистов Г. Л. Бакмейстера (библиотекаря Академии наук), Г. Мюллера, И. Фишера, И. Гюldenштедта и др. «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею Высочайшей особы», позднее переработанных и изданных Ф. И. Янковичем де Мириево.

2) Университетские программы М. В. Ломоносова — 1754—1759 гг. и 1764 г.

4. Период, относящийся к первой половине XIX в. Основание научного (университетского и академического) изучения тюркских языков.

Основные проблемы: первые грамматики по конкретным языкам, лексикография, вопросы методики преподавания, переводческие словари, вопросы истории и диалектологии тюркских языков.

1) Россия XIX в. как передовая страна в области изучения востоковедения вообще и тюркологии в частности. Успех изучения восточных языков и роль в их изучении различных русских научных обществ (Русского Географического Общества в Санкт-Петербурге, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве и проч., а также экспедиций и путешествий, в частности экспедиции А. Миддендорфа в Сибирь в 1842—1845 гг., А. М. Кастрена в 1845—1849 гг. и проч.).

2) Первый университетский устав 1804 г. и образование кафедр восточных языков: а) в Москве: А. В. Болдырев и позже Н. Г. Коноплев, П. Я. Петров; б) в Петербурге: Я. О. Ярцев, И. А. Сенковский, А. И. Мухлинский. Издание первых пособий по тюркским языкам (кроме турецкой грамматики П. Гольдермана, перевод которой был издан в 1776 г.): И. Гиганов. Грамматика татарского языка (тобольское наречие). СПб, 1801; *его же*: Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарского языка. СПб, 1801; *его же*: Словарь российско-татарский. СПб, 1804; А. Троянский. Краткая татарская грамматика. СПб, 1814 и 2-е издание, 1824; М. Иванов. Татарская грамматика, 1842 и Татарская хрестоматия, 1842.

3) Первый серьезный научный центр изучения тюркских языков в Казанском университете 1826—1845 гг. А. Казембек и его «Общая грамматика турецко-татарского языка»; И. Н. Березин и его «Турецкая хрестоматия».

4) Организация в 1845 г. факультета восточных языков в Петербургском университете (А. Казембек, 1845—1870; И. Н. Березин с 1845 г.; О. Бётлингк и его исследования по якутскому языку; В. А. Максимов и его «Опыт исследования турецких диалектов...» и др., а также историки В. В. Григорьев, Н. В. Ханыков, В. В. Вельяминов-Зернов и др.).

5) Изучение турецкого языка в Московском Лазаревском Институте (С. Ч. Саков, С. Г. Церуниан).

6) Изучение тюркских языков в Оренбургском училище. Демезон — преподаватель тюркских языков (совершивший в 1834 г. путешествие в Бухару переодетым муллой).

5. Период, относящийся ко II половине XIX в. и началу XX в.

Возникновение тюркологии как науки. Сравнительно-исторический метод в изучении тюркских языков.

Основные проблемы: сравнительная грамматика и лексикология, изучение диалектов и наречий тюркских языков, палеография и описание памятников, история языков, классификация языков.

1) Центр тюркологической науки в Петербурге в Академии наук и Санкт-Петербургском университете (В. В. Радлов, В. Д. Смирнов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, В. Писарев, П. А. Фалев, Н. Н. Мартинович, В. А. Мошков и др.). основополагающие работы В. В. Радлова (Опыт словаря тюркских наречий; Образцы народной литературы северо-тюркских племен; Сравнительная фонетика тюркского языка и др.). Открытие Н. М. Ядринцевым орхонских надписей и работы над их расшифровкой (В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский) и др. Открытия В. Д. Смирнова по турецкой литературе и его исследования в этой области. Открытия древнеуйгурских памятников и работа С. Е. Малова над живыми тюркскими языками.

2) Тюркологический центр в Москве — Московский университет и Лазаревский институт (С. Г. Церуниан, А. Е. Крымский, Ф. Е. Корш, В. А. Гордлевский, И. Лаптев, Вс. Миллер, В. К. Трутовский, В. Ф. Минорский, О. Олесницкий и др.). Исследования Ф. Е. Корша в области фонетики и грамматики тюркских языков, тюркской системы стихосложения, истории и классификации тюркских языков и проч. В. А. Гордлевский как тюрколог-литературовед и фольклорист. основополагающие исследования В. А. Гордлевского в области грамматики тюркских языков («Грамматика турецкого языка»).

3) Казанский центр (И. Я. Яковлев, Н. Ф. Катанов, В. А. Богородицкий, Н. И. Ашмарин, Н. И. Золотницкий, Каюм Насыри и др.).

4) Изучение тюркских языков миссионерами (Н. И. Ильминский, Г. С. Саблуков, Ев. А. Малов — в Казани, В. И. Вербицкий — на Алтае, его «Алтайская грамматика»).

5) Изучение тюркских языков в Средней Азии (Н. Н. Пантусов, В. П. Наливкин, Н. П. Остроумов, И. А. Беляев, Алтын-Сарин, В. Катаринский и др.) и в Сибири (Э. К. Пекарский, С. В. Ястремский, Н. М. Ядринцев, И. Гиганов, Д. Хитров и проч.).

6) Изучение тюркских языков на Кавказе (Н. В. Ханыков, М. Османов, И. А. Караулов).

6. Период после Великой Октябрьской социалистической революции.

Централизация изучения тюркских языков и продолжение традиций старого востоковедения. Провозглашение в 1926—1928 гг. национальных республик и областей и изменение не только проблематики, но и самих объектов изучения. Практические вопросы языкового строительства: разработка литературных языков, алфавитов, орфографии, терминологии, первых учебников по родному языку, теоретических грамматик по конкретным языкам, русско-национальные и национально-русские словари, вопросы истории и диалектологии.

Основные центры изучения: 1. Ленинград: Академия наук СССР, Ленинградский университет, Институт живых восточных языков; 2. Москва: Академия наук СССР, Всесоюзный Центральный Комитет нового алфавита, Институт востоковедения, Московский университет (в 1926—

1929 гг. и с 1942 г.), Научная ассоциация востоковедения, Научная ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем (Лингвистическая комиссия), Центральный научно-исследовательский педагогический институт национальностей; 3. Казань: Казанский университет, Научное общество татароведения; 4. Ташкент: Восточный институт, Восточный факультет Средне-Азиатского государственного университета, Курсы востоковедения двухгодичные; 5. Киев: Украинская научная ассоциация востоковедения, Киевские курсы восточных языков; 6. Баку: Азербайджанский университет, Комитет нового алфавита.

Крупнейшие тюркологи этого периода: В. А. Гордлевский (Москва), С. Е. Малов, А. Н. Самойлович, Е. Д. Поливанов (Ленинград), В. А. Богородицкий (Казань), Н. К. Дмитриев (Москва).

Значительная научно-практическая и исследовательская работа в тесном сотрудничестве тюркологов центра с тюркологами национальных республик и областей. Разработка учебных и практических пособий по грамматике и словарей, а также основных теоретических вопросов изучения фонетики, грамматики, лексики, истории и диалектологии конкретных языков. Крупнейшие тюркологи-специалисты: по азербайджанскому языку — М. Ш. Ширалиев, Э. В. Севортян, А. Демирчи-заде, А. Оруджев, Н. З. Гаджиева, С. Джафаров, М. Гусейнов, Х. Мирзазаде и др.; по узбекскому языку — А. К. Боровков, В. В. Решетов, А. Н. Кононов, А. Гулямов, Ф. Кямалов, С. Н. Иванов, Ф. Абдуллаев и др.; по каракалпакскому языку — Е. Д. Поливанов, С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, А. К. Кыдырбаев, К. Аимбетов, Д. С. Насыров, К. Убайдуллаев и др.; по казахскому языку — С. К. Кенесбаев, Н. Т. Сауранбаев, С. А. Аманжолов, М. Б. Балакаев, А. И. Исхаков, Г. Г. Мусабаев, В. А. Исенгалиева и др.; по туркменскому языку — А. П. Поцелуевский, П. А. Азимов, М. Н. Хыдыров, М. Я. Хамзаев, З. Б. Мухаммедова, Б. Ч. Чарьяров и др.; по киргизскому языку — К. К. Юдахин, И. А. Батманов, Б. М. Юнусалиев, К. Сартпаев, Б. О. Орузбаева и др.; по татарскому языку — М. Курбангалиев, Р. Газизов, Г. Шараф, Г. Алпаров, Л. Залаялэтдинов, Д. Т. Тумашева, М. Закиев и др.; по башкирскому языку — Н. К. Дмитриев, М. Билялов, А. Харисов, Т. Байшев, К. Ахмеров, А. Юлдашев и др.; по чувашскому языку — В. Г. Егоров, С. Горский, И. П. Павлов, И. А. Андреев и др.; по якутскому языку — Е. И. Убрятова, Л. Н. Харитонов, Е. И. Коркина, Г. Эргис и др.; по алтайскому языку — Н. П. Дыренкова, Т. М. Тощакова, Н. А. Баскаков, С. С. Суразаков, В. Н. Тадыкин, А. А. Табыкова и др.; по хакасскому языку — Н. Г. Доможаков, В. Г. Карпов, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Г. И. Донидзе и др.; по тувинскому языку — А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков, Ш. Ч. Сат, Бичеол и др.; по кумыкскому языку — Н. К. Дмитриев, А. Сатыбалов, А. Батырмурзаев и др.; по ногайскому языку — А. Джанибек, Н. А. Баскаков, С. Калмыкова и др.; по тагаузскому языку — Н. К. Дмитриев, Л. А. Покровская, Б. Гафаров, Б. П. Тукан, А. Г. Гайдарджи и др.; по караимскому языку — С. М. Шапшал, К. М. Мусаев и др.; по карачаево-балкарскому языку — А. К. Боровков, В. О. Филоненко, У. Б. Алиев, Р. Шаумян, И. Урусбиев, М. Хабишев и др.; по новоуйгурскому языку — К. К. Юдахин, А. К. Боровков, Н. А. Баскаков, В. М. Насилов, Э. Н. Наджип, Э. Р. Тенишев, Т. Р. Рахимов, А. Т. Кайдаров и др.; по турецкому языку — В. А. Гордлевский, А. Н. Кононов, Д. Магазаник, М. С. Михайлов, Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян и др.; по древним тюркским языкам — С. Е. Малов, Э. Н. Наджип, И. А. Батманов, Т. И. Грунин, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак и др.

Основными разделами работы в этот период являются:

1) Изучение истории и диалектологии языков, древних памятников письменности, палеография и эпиграфика: труды В. А. Гордлевского, содержащие записи многочисленных текстов народного языка, его работы по истории языка, работы этнографические и исторические, имеющие исключительно важное значение для истории языка («Государство сельджукидов в Малой Азии», «Что такое босый волк», его исследования о народных суевериях и культах и проч.). Труды С. Е. Малова по уйгурским памятникам («Сутра золотого блеска», анализ языка наманганской рукописи «Кутадгу билиг», уйгурские юридические памятники, работы над расшифровкой надписей на предметах материальной культуры, тюркизмы «Слова о полку Игореве», уйгурские диалекты Синьцзяна, вопросы истории казахского, каракалпакского и других языков).

Труды по истории и диалектологии: К. К. Юдахина, И. А. Батманова и Б. М. Юнусалиева — по киргизскому языку, А. К. Боровкова и В. В. Решетова — по узбекскому языку, А. П. Поцелуевского и П. А. Азимова — по туркменскому языку, М. Ш. Ширалиева и Э. В. Севортяна — по азербайджанскому языку, С. К. Кенесбаева и С. А. Аманжолова — по казахскому языку, Л. Заляя — по татарскому языку, Н. К. Дмитриева, А. А. Юлдашева и Т. Г. Баишева — по башкирскому языку.

2) Изучение вопросов грамматики: «Грамматика турецкого языка» В. А. Гордлевского, грамматики башкирского и кумыкского языков Н. К. Дмитриева и их значение в подготовке национальных кадров тюркологов. Грамматики и грамматические исследования И. А. Батманова (киргизский язык), В. А. Богородицкого (татарский и другие тюркские языки), С. В. Ястремского, Е. И. Убрядовой (якутский язык), Н. П. Дыренковой (алтайский, шорский, хакасский языки), Н. Т. Саурганбаева и С. К. Кенесбаева (казахский язык), Э. В. Севортяна, М. Ш. Ширалиева и А. М. Демирчи-заде (азербайджанский язык), А. П. Поцелуевского, П. А. Азимова, М. Н. Хыдырова, Б. Ч. Чарыярова (туркменский язык) и проч.

3) Лексикология и лексикография: завершение многотомных словарей по чувашскому (Н. И. Ашмарин) и по якутскому (Э. К. Пекарский) языкам, «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, русско-национальные словари К. К. Юдахина, Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, А. А. Юлдашева, К. З. Ахмерова и др.

4) Фонетические исследования по тюркским языкам (работы В. А. Богородицкого, Н. К. Дмитриева, В. В. Решетова, А. М. Щербака, И. А. Батманова и др.).

Б. Изучение тюркских языков за рубежом

Исследования тюркских языков ведутся также в странах народной демократии. Венгерские тюркологи XIX и начала XX в. (И. Кунош, А. Вамбери, Г. Куун, Б. Мункачи, В. Прёле, Л. Фехете, З. Гомбоц и др.) и их значительное научное наследие, главным образом по истории лексикологии и грамматике древних и современных тюркских языков. Современные венгерские тюркологи и алтаисты Ю. Немет, Л. Лигети, Л. Рашоньи, С. Телегди, С. Каккук, Г. Хазан, М. Палло, Е. Шютц и др.

Польские тюркологи (Т. Ковальский, А. Зайончковский, С. Калужинский, Э. Триярский, А. Дубинский и др.) и их исследования по турецкому и кыпчакскому языкам, а также труды в области истории и диалектологии.

Румынские ученые (Т. Лабель, М. Банеску, Л. Шайнеану, М. П. Губоглу, В. Дримба и др.) и их исследования в области взаимоотношений румынского и турецкого языков.

Болгарские тюркологи (С. Чилингиров, Д. Гаджанов, Г. Д. Гылыбов, С. Младенов, М. Моллова и др.).

Чехословацкие тюркологи (Я. Рыпка, К. Иречек, Ч. Трухелка, И. Блашкович и др.) и их исследования в области грамматики и диалектологии турецкого и гагаузского языков и различных наречий Балканского полуострова, а также работы в области истории древних тюркских языков, в частности болгарского и печенежского.

Исследования французских ученых Сильвестра де-Саси, А. Паве-де Куртейля, Ф. Гренарда, П. Пелио, К. Хуарта, Л. Бува, Ж. Дени, Л. Базена и других по основным проблемам тюркологии. Почетное место в истории изучения тюркских языков, занимаемое немецкими тюркологами: И. Клапротом, Г. Винклером, К. Фойем, К. Брокельманом, Г. Якобом, В. Бангом, А. фон Габэн, Ф. В. Мюллером, А. фон Лекок, М. Хартманом, Т. Менцелем, Г. Бергштрессером, И. Бенцингом и многими другими.

Значительный вклад в тюркологию австрийских ученых: М. Битнера, Ф. Миклошича, Г. Мейера, Ф. Краелиц-Грейфенхорста, Г. Дуда и др.; английских ученых: Э. Гибба, Ч. Уилса, А. Дэвидса, Денисон Росса, Дж. Клаусена, норвежских — К. Нильсена, Х. Фохта и др.; шведских тюркологов: Б. Коллиндера, Г. Ракета, Г. Ярринга и др.; датских — В. Грёнбека, К. Грёнбека и крупнейшего тюрколога, расшифровавшего орхонские надписи, — В. Томсена; голландских тюркологов: Т. Хоутсма, Крамерса и др.; финских ученых: М. Кастрена, Г. Паасонена, Г. Рамстедта, М. Рясанена и др.; итальянских — Л. Бонелли, Э. Росси, А. Бомбаччи и др.; американских — К. Менгеса, О. Прицака, Д. Шинора и др.; швейцарских — М. Спиро, Р. Годеля и др.; японских — К. Ширатори, Ямада Нобуо, Ш. Мураяма и др.

Публикации памятников древней и средневековой тюркской письменности, а также исследования в области турецкого языка турецких ученых: А. Вефик-паши, Ш. Сами-бея, Х. Тевфика, Б. Аталая, Н. Балхасаноглу, А. Джафероглу, А. Эмре, А. Н. Курата, Х. Н. Оркуна, Р. Ездема, Х. Эрена, А. Инана, Т. Бангуоглу, М. А. Агакая, Н. Атача, А. Дилачара, Н. Асыма, Т. Н. Генджана, Келисли Рифата и многих других.

Неоценимый вклад в тюркологию крупнейших арабских и других восточных филологов, и в первую очередь Махмуда Кашгарского — автора замечательного «Словаря тюркских наречий», Абу-Хайяна, Ибн-Муханны, Джамал-эд-дина Абу Мухаммада Абдулах ал-Турки и других.

Современная тюркология в процессе своего развития и охвата все большего количества проблем, а также в силу новых задач, возникших в связи с формированием многих тюркских литературных языков, дифференцируется не только в плане обособления отдельных разделов проблематики: истории и диалектологии, грамматики, лексикологии и проч., но и в плане обособления по отдельным языкам: азербайджанское языкознание, узбекское языкознание, татарское языкознание и проч.

ЛИТЕРАТУРА

I. Общeturkологические исследования

- Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен.—«Живая старина». СПб., 1896.
- [Л. Базэн] L. Bazin. Structures et tendances communes des langues turques. Philologiae Turcicae fundamenta, t. I. Wiesbaden, 1959.
- [В. Банг] W. Bang. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türkssprachen, I—II, SBAW. Berlin, 1916—1917.
- [В. Банг] W. Bang. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. Heidelberg, 1918.
- Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962; 2-е издание. М., 1966.
- Н. А. Батманов. Введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947.
- [О. Бётлингк] O. Böhtlingk. Ueber die Sprache der Jakuten. С., 1851.
- В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934; 2-е издание. М., 1953.
- [К. Брокельман] C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der Islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
- [А. ф. Габэн] A. v. Gabain. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1941.
- [А. ф. Габэн, О. Прицак] A. v. Gabain, O. Pritsak. Türkologie. Handbuch der Orientalistik. Bd. V, I, 1961.
- [К. Грёнбек] K. Grönbech. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936.
- [Ж. Дени] J. Deny. Langues turques, langues mongoles et langues tongouses. Les langues du monde. Paris, 1924; 2-е издание, 1952.
- [Ж. Дени] J. Deny. Principes de grammaire turque. Paris, 1955.
- [А. Джафероглу] A. Caferoğlu. Türk dili tarihi notları, I—II. İstanbul, 1943—1947.
- [А. Дильчар] A. Dilaçar. Türk diline genel bakış. Ankara, 1964.
- Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962.
- Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
- [Х. В. Дуда] H. W. Duda. Altaistik und Turkologie. WZKM, Bd. LII, Lief. 3—4. Wien, 1955.
- Н. И. Ильминский. Вступление в курс турецко-татарского языкознания. Ученые записки Казанского университета. Казань, 1861.
- А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
- Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.
- [Дж. Клаусон] G. Clauson. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.
- С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М.—Л., 1964.
- А. Н. Кононов. Грамматика современного литературного турецкого языка. М.—Л., 1956.
- Ф. Е. Корш. Происхождение настоящего времени в западно-турецких языках. — «Древности Восточные», т. III, в. I. М., 1907.
- Ф. Е. Корш. Классификация турецких языков. Этнографическое обозрение, 76. СПб., 1910.
- [В. Котвич] W. Kotwicz. Studia nad językami altajskimi Rocznik Orientalistyczny, t. XVI. Kraków, 1953; русский перевод: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. Перевод А. И. Толмачева под редакцией и с предисловием Н. А. Баскакова. М., 1962.
- С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951.
- П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- [К. Менгес] K. H. Menges. The Turkic languages and peoples An Introduction to turkic studies. Wiesbaden, 1968.
- [Ю. Немец] J. Németh. Die türkisch-mongolische Hypothese. ZDMG, 1912.
- [Ю. Немец] J. Németh. Der Sprache der Petschenegen und Komanen «Bibliotheca Orientalis Hungarica», 2. Budapest, 1932.
- [Н. Понпе] N. Poppe. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden, 1965.
- [В. В. Радлов] W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türkssprachen. Leipzig, 1882—1883.
- В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. I—X, 1893—1911.
- [В. В. Радлов] W. Radloff. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkssprachen. СПб., 1906.
- [Г. И. Рамштедт] G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. Helsinki, I, 1957; II, 1952; русский перевод: Г. И. Рамштедт. Введение в алтайское языкознание (II), перевод Л. С. Слоним, под редакцией и с предисловием Н. А. Баскакова. М., 1957.
- [М. Рясänen] M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Studia Orientalia, XV. Helsinki, 1949; русский перевод: М. Рясänen. Материалы по

исторической фонетике тюркских языков. Перевод А. А. Юлдашева, под редакцией и с предисловием Н. А. Баскакова. М., 1955.

[М. Рясänen] M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. *Studia Orientalia*, t. XXI. Helsinki, 1957.

А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922.

Сборник «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков», под редакцией Н. А. Баскакова.

[Д. Шинор] D. Sinor. Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. Wiesbaden, 1963.

[В. Томсен] V. Thomsen. Déchiffrement des inscriptions de L'Orkhon et de l'Jenissei. Notice préliminaire. Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres de Danemark. Copenhagen, 1894.

П. А. Фалев. Введение в изучение тюркских наречий и литератур. Ташкент, 1922. — *Philologiae Turcicae Fundamenta*, I. Wiesbaden, 1959.

А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. М.—Л., 1970.

[А. Дж. Эмре] A. C. Emre. Türkçenin yapılışı. İstanbul, 1942.

[А. Дж. Эмре] A. C. Emre. Türk lehçelerinin mukayesli grameri, I. Fonetik. İstanbul, 1949.

«Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966.

[Г. Ярринг] G. Jarring. On the distribution of turk tribes in Afganistan. Lund, 1939.

II. Словари

Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Казань-Чебоксары, I—XVII, 1910—1949.

Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1868—1871; 2-е издание. М., 1962.

[А. Вамберу] H. Vambery. Etymologisches Wörterbuch der türko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.

[К. Грөнбек] K. Grönbeck. Komanisches Wörterbuch, Kopenhagen, 1942, II.

«Древнетюркский словарь», под редакцией В. Д. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.

В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары. 1964.

[Махмуд Кашгарский] Mahmud al Kaşghari. Перевод на турецкий язык Besim Atalay «Divanü Lûgat-it Türk tercümesi», I—III. Ankara, 1939—1941, Endeks. Ankara, 1943. Перевод на узбекский язык С. М. Муталлибов. «Туркий сузлар девони», I—III. Ташкент, 1960—1963, Индекс. Ташкент, 1967.

Э. Пекарский. Словарь якутского языка, I—IV. СПб., 1907—1930; 2-е изд. М., 1959.

В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1888—1911; 2-е издание. М., 1963.

[М. Рясänen] M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

III. Историография и библиография

Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданный в СССР с 1918 по 1957 г., вып. I. М., 1958.

В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925.

[И. Бенцинг] J. Benzing. Einführung in das Studium der altaischen Philologie und Turkologie. Wiesbaden, 1953.

А. К. Боровков. Востоковедение в СССР за 30 лет. Известия ОЛЯ АН СССР, т. XI, вып. 5. М., 1947.

Н. К. Дмитриев. Труды русских ученых в области тюркологии. — «Ученые записки МГУ», вып. 107, т. III, кн. 2. М., 1946.

А. Н. Кононов. Тюркология в Ленинграде (1917—1957). — «Ученые записки ИВ АН СССР», т. XXV. М.—Л., 1960.

А. Н. Кононов. К истории русской тюркологии (до XIX в.). — «Исследования по истории культуры народов Востока». М.—Л., 1960.

А. Е. Крымский. Тюрки их мови та літератури. Тюркські мови, вып. II. Київ, 1930.

[Р. Ловенталь] R. Loewenthal. The Turkic languages and literatures of Central Asia. A bibliography. 'S—Grawenhage, 1957.

«Младописьменные языки народов СССР». Сборник. М.—Л., 1959.

[В. К. Мэтьюс] W. K. Mathews. Languages of the USSR. Cambridge, 1951.

«Словари, изданные в СССР». Библиографический указатель (1918—1962). М., 1966.

[Г. Хазай] G. Hazai. Sovietico-Turcica. Budapest, 1960.

СПИСОК ПРОБЛЕМ И ВОПРОСОВ ДЛЯ КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

I. История и диалектология

1. Проблема периодизации истории конкретных общенародных языков.
2. Периодизация литературного языка.
3. Периодизация старого литературного языка «тюркй».
4. История конкретного языка.
5. Историческая грамматика конкретного языка или группы языков.
6. Сравнительно-историческая грамматика и фонетика тюркских языков.
7. Проблемы ареальной тюркологии.
8. Развитие языка и процессы нормализации.
9. Взаимодействие языков в условиях территориального контактирования и в других условиях.
10. Тюрко-монгольские связи.
11. Тюрко-финно-угорские связи.
12. Тюрко-славянские связи.
13. Тюрко-иберийско-кавказские связи и проч.
14. Субстраты и адстраты, их роль в развитии языка.
15. Типы двуязычия народов СССР.
16. Роль русского языка в развитии конкретных тюркских языков.
17. Диалектная система конкретного языка или группы или всей тюркской семьи языков.
18. Монографическое описание отдельных диалектов и диалектных групп.

II. Фонология и фонетика

19. Фонологическая структура языка.
20. Реконструкция фонологической структуры тюркского праязыка или древних языков.
21. Исследование истории отдельной фонемы или группы фонем.
22. Типы вокализма тюркских языков.
23. Вокализм корневой морфемы.
24. Явления делябилизации и депалатализации и вариативности гласных по подъему в корневой морфеме.
25. Долгие гласные первичные и вторичные.
26. Передвижение гласных в языках Поволжья, Сибири и эволюция развития вокализма.
27. Дифтонги и дифтонгоиды.
28. Консонантизм корневой морфемы: развитие начального или конечного согласного и его соответствия и чередования.
29. Консонантизм аффиксальных морфем.
30. Сингармонизм, его сущность и функция в языке.
31. Тюркская акцентуация.
32. Интонационная структура.
33. Экспериментально-фонетические исследования.

III. Лексика

34. Развитие лексики конкретного языка.
35. Закономерности развития общего лексического фонда тюркских языков народов СССР.
36. Развитие терминологии.
37. Лексические особенности ареальных групп языков.
38. Лексические особенности генетических групп языков.
39. Семантическая, функциональная и стилистическая основа слова.
40. Лексико-семантическая структура слова.
41. Критерии различения полисемии и омонимии.
42. Синонимия.
43. Конкретные семантические цепочки (пучки, поля) в диахронии.
44. Опыт семасиологической реконструкции эволюции конкретной цепочки (пучка, поля).
45. Профессиональная лексика и терминология.
46. Тематические группы лексики, их структура и происхождение.
47. Топонимия конкретных ареалов.
48. Гидронимия, оронимия, антропонимия.
49. Эвфемизмы и табу.
50. Система терминов родства.

51. Арабские, персидские, монгольские, кавказские, русские, украинские и прочие заимствования в конкретном тюркском языке.
52. Отраслевая терминология (земледелие, орошение, скотоводство, ремесленные промыслы, одежда, строительная терминология и проч.).
53. Лексикографические вопросы, связанные с составлением толковых, двуязычных и прочих словарей.
54. Вопросы фразеологии.
55. Принципы составления этимологических, синонимических, переводческих, толковых и прочих словарей.

IV. Грамматика

Морфология

56. Морфологическая структура слов.
57. Система и типологическая классификация морфем.
58. Основные аффиксальные словообразовательные модели.
59. Специфика морфологической структуры конкретных языков.
60. Внутренняя реконструкция архетипов, основных типов конкретных грамматических форм.
61. Типы словосложения.
62. Словообразовательные модели сложных слов.
63. Грамматическая категория и грамматическая форма.
64. Описание конкретных систем грамматических категорий.
65. Нулевые формы и их оппозиции.
66. Проблема классификации именных частей речи.
67. Существительные, прилагательные, наречия и критерии их дифференциации.
68. Семантика временных, видовых и модальных форм глагола.
69. Ономатопозитические слова.
70. Проблема классификации служебных слов.
71. Категории числа, лица, времени и модальности в структуре сказуемого.
72. Происхождение падежной системы.
73. Способы выражения вида, модальности, временных отношений и проч.
74. Способы выражения грамматического числа.
75. Способы выражения отрицания.
76. Морфологическая синонимия.

Синтаксис

77. Специфика синтаксической структуры.
78. Основные типы синтаксических единиц.
79. Типы синтаксической связи и формы выражения.
80. Типы сказуемого.
81. Типы связи и их функции.
82. Предикация как выражение мыслительного акта обобщения.
83. Атрибуция как выражение мыслительного акта конкретизации.
84. Главные члены предложения.
85. Второстепенные члены предложения.
86. Определение и определяемое, их типы в составе словосочетания.
87. Вводные слова и обращения.
88. Функциональные типы предложений.
89. Безличные предложения.
90. Односоставные предложения.
91. Синтаксическая синонимия.
92. Прямая и косвенная речь.
93. Сложноподчиненное предложение и его основные типы.
94. Сложносочиненное предложение и его основные типы.
95. Придаточные и обороты.
96. Происхождение сложных предложений.
97. Природа и происхождение притяжательных словосочетаний.
98. Сложные словосочетания и их типы.
99. Слово, фразеологизм, словосочетание.
100. Структурные и функциональные стили.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Д. С. НАСЫРОВ

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

Каракалпакская диалектология сформировалась как наука лишь за последние десять лет и является самой молодой отраслью каракалпакского языкознания. Планомерному и всестороннему научному изучению диалектов и говоров каракалпакского языка способствовало создание при Институте истории языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР сектора истории и диалектологии каракалпакского языка, а также подготовка под руководством ведущих тюркологов страны Н. А. Баскакова, М. Ш. Ширалиева, С. К. Кенесбаева, В. В. Решетова высококвалифицированных специалистов-диалектологов.

Еще в 30-х годах изучением особенностей каракалпакского народного разговорного языка и его отдельных говоров занимались известные ученые С. Е. Малов, Е. Д. Поливанов, А. А. Соколов. Ими были созданы печатные и рукописные труды, имеющие большое научно-теоретическое и практическое значение для развития каракалпакского языкознания. Особенно значительную роль сыграли работы С. Е. Малова «Каракалпакский язык и его изучение»¹, «Заметки о каракалпакском языке»², Е. Д. Поливанова «Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка»³, А. А. Соколова «Материалы по каракалпакскому языку, литературе и истории»⁴.

Объектом изучения в ту пору был в основном язык каракалпакского населения северных районов ККАССР. Об этом свидетельствуют и названные выше работы.

С. Е. Малов, командированный в 1930 году в Каракалпакцию Центральным Комитетом нового казахского алфавита и Академией наук СССР, изучал особенности языка каракалпакцев Жегейлинского, Чимбайского и Тахтакулырского районов. На основании анализа собранных материалов ученый пришел к выводу, что «каракалпакский язык сохранился и сохранился очень неплохо со всеми своими качествами и особенностями»⁵.

¹ В сб.: «Каракалпакия», т. II. JL., 1934, стр. 200—207.

² С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966, стр. 5—12.

³ Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — «Труды Хорезмской экспедиции». Ташкент, 1933, стр. 27.

⁴ А. А. Соколов. Материалы по каракалпакскому языку, литературе и истории. (Рукопись). Турткуль, 1934, стр. 82.

⁵ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 5.

Изученные С. Е. Маловым материалы были систематизированы им в упомянутой работе «Заметки о каракалпакском языке», использованы для создания основ письменности и грамматики каракалпакского языка.

Е. Д. Поливанов, изучавший язык населения Кунградского района, в своей работе «Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка» дал подробный анализ фонетических особенностей языка жителей этой местности и охарактеризовал общие и частные фонетические и морфологические особенности каракалпакского языка в сравнении с казахским языком и собственно узбекским (или кыпчакским) диалектом узбекского языка. При этом он отметил, что диалектные различия отдельных территориальных районов Каракалпакии весьма незначительны⁶. Это замечание, видимо, следует отнести лишь к северным районам ККАССР.

А. А. Соколов назвал язык жителей северных районов собственно каракалпакским и, так же как Е. Д. Поливанов, не найдя ярко выраженных различий между диалектами, отметил лишь некоторые особенности отдельных говоров⁷.

Однако изучение каракалпакского языка этими учеными не носило еще систематического и всеобъемлющего характера, так как в первую очередь диктовалось необходимостью решения актуальных задач культурного строительства республики — создания письменности, разработки основ грамматики, составления учебников и пособий по каракалпакскому языку.

В области изучения диалектов каракалпакского языка особое место занимает двухтомный труд Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык»⁸. Эта работа положила начало систематическому изучению диалектных особенностей каракалпакского языка. Первый том был посвящен автором исключительно вопросам диалектологии: здесь дана классификация диалектов по территориально-лингвистическому признаку. Во втором томе исследовались вопросы фонетики и морфологии каракалпакского языка.

Диалектологии посвящена и другая работа Н. А. Баскакова «Очерки фонетики северных говоров каракалпакского языка» (с приложением образцов диалектологических текстов)⁹. Н. А. Баскакову принадлежит особая заслуга в сборе материалов по диалектологии каракалпакского языка, а также в их обработке, публикации и изучении.

С полным правом можно утверждать, что Н. А. Баскаков является основоположником каракалпакской диалектологической науки. Он впервые дал классификацию диалектов народно-разговорного языка каракалпаков, выделив два основных: северо-восточный и юго-западный¹⁰.

Первое упоминание о существовании территориальных особенностей в каракалпакском народно-разговорном языке мы находим у язы-

⁶ Е. Д. Поливанов. Указ. раб., стр. 27.

⁷ А. А. Соколов. Указ. раб., стр. 82.

⁸ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, тт. I и II. М., 1951—1952.

⁹ Н. А. Баскаков. Очерки фонетики северных говоров каракалпакского языка. (Рукопись). 1938, стр. 160.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. I. Материалы по диалектологии (тексты и словарь). М., 1951, стр. 3—12.

ковед и писателя Касыма Авезова. В своем предисловии к «Каракалпакскому букварю» (1929) он отметил, что данный букварь написан на языке «чимбайцев», составляющих основное каракалпакское население¹¹.

Изучением диалектов каракалпакского языка занимался и кандидат филологических наук Ж. Аралбаев. Он изучал говоры Кунградского района и свои наблюдения обобщил в статье «Некоторые вопросы диалектов каракалпакского языка». Признавая существование диалектов в каракалпакском языке, Ж. Аралбаев выделял соркольский диалект каракалпакского языка, являющийся разговорным языком жителей Кунградского и Муйнакского районов (в прошлом на территории этих районов располагались родо-племенные объединения *кыят* и *ашамайлы*). При этом он основывался на пятнадцати отличительных признаках фонетического и грамматического характера¹².

Планомерное и систематическое изучение диалектов и говоров каракалпакского народно-разговорного языка стало возможным после создания в конце 1959 г. Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР и организации сектора истории и диалектологии каракалпакского языка. Молодым каракалпакским диалектологам предстояло собрать материалы по диалектам и говорам каракалпакского языка в целях их монографического изучения. В течение 1960—1970 гг. было проведено девять экспедиций, состоялся ряд поездок отдельных диалектологов, обследовавших все районы Каракалпакской АССР и собравших богатый материал.

В диалектологических экспедициях и поездках участвовали сотрудники сектора диалектологии Д. С. Насыров, Т. Бегжанов, А. Ниязов, Х. Хамидов, О. Доспанов, О. Бекбаулов, Д. Саитов, Ш. Каримходжаев, Б. Бекетов, В. Бекназаров, К. Сагидуллаев и др.

Языковые особенности ферганских, самаркандских, ташкентских и афганских групп каракалпаков изучались Е. Д. Поливановым, Г. А. Юнусовым, Т. Ибрагимовым, А. К. Боровковым, В. В. Решетовым и Г. Яррингом¹³.

В результате фронтального диалектологического обследования всей территории Каракалпакии был накоплен значительный материал, дающий полное представление о диалектах и говорах каракалпакского языка.

В этот же период были созданы по каракалпакской диалектологии отдельные монографии, подготовлены диссертации, опубликованы научные статьи.

¹¹ См.: Каракалпак элибеси. Төрткүл, 1929, стр. 60.

¹² Ж. Аралбаев. Каракалпак тили диалектлерининг гейпара маселелери. — «Қызыл Қарақалпақстан», 1947, номер от 21 августа.

¹³ Е. Д. Поливанов. Указ. раб.; Olim G. Junusov. Ozbek Lahçalarini tasnifda bir taçriba. Taşkent, 1935; Tursun Ibrahim. Qaraqalpaq şevasınıñ ba'zi bir xususijatlari. — В сб.: «Til problemlari», san II. Taşkent—Samarkand, 1935, стр. 3—41; Иброхимов Турсун. Келишик аффиксларининг қарақалпоқ шевасидағи формалари ҳоқида. — «Труды Среднеазиатского государственного университета», вып. 54, кн. II. Ташкент, 1957, стр. 162—169; А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров. — «Известия АН УзССР», № 5. Ташкент, 1953, стр. 72—73; его же. Узбекские говоры Наманганской области. — «Научные труды Ташкентского университета», вып. 211, кн. 24. Ташкент, 1963, стр. 3—39; В. В. Решетов. Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке. — «Бюллетень АН УзССР», № 3. Ташкент, 1947, стр. 18—19; Gunnar Jarring. On the Distribution of turk tribes in Afghanistan. Lund—Leipzig, 1939, стр. 70.

В 1965 году коллектив авторов завершил монографическое изучение муйнакского и тахтакулырского говоров каракалпакского языка¹⁴.

В числе работ, выполненных каракалпакскими диалектологами, можно назвать кандидатские диссертации О. Доспанова «Лексика южного диалекта каракалпакского языка» (1965), Т. Бегжанова «Лексика муйнакского говора каракалпакского языка» (1966), О. Бекбаулова «Фонетические особенности южного диалекта каракалпакского языка» (1966) и Б. Бекетова «Казахский говор южной Каракалпакии» (1969). В последней работе рассматриваются особенности языка казахского населения южных районов Каракалпакии и исследуется процесс взаимовлияния и взаимообогащения казахского и каракалпакского языков.

Сотрудники сектора истории и диалектологии О. Доспанов, Б. Бекетов и Ш. Каримходжаев впервые составили «Краткий диалектологический словарь каракалпакского языка», охватывающий диалектную лексику северных и южных диалектов¹⁵. Старший преподаватель Каракалпакского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко А. Ниязов написал кандидатскую диссертацию «Чимбайский говор каракалпакского языка в его отношении к литературному языку»¹⁶.

Изучение и обобщение накопленных материалов по каракалпакскому народно-разговорному языку и его диалектам позволили выделить диалекты каракалпакского языка, установить опорный диалект, выявить междиалектные и внутридиалектные фонетические, морфологические, лексические особенности и отклонения от литературного языка. Эти вопросы получили освещение в ряде работ Д. С. Насырова¹⁷.

Исследования каракалпакских диалектологов подтвердили правильность некоторых выводов С. Е. Малова, Е. Д. Поливанова, А. А. Соколова и Н. А. Баскакова.

Каракалпакский народно-разговорный язык включает два диалекта: северный, внутри которого имеются лишь незначительные фонетические, грамматические и лексические различия (этот диалект лег в основу литературного языка), и южный, испытавший значительное влияние контактирующих с ним узбекского и туркменского языков.

Исследование и уточнение фонетических, грамматических и лексических особенностей двух территориальных диалектов, а также особенностей местных говоров внутри каждого диалекта является одной из важнейших задач каракалпакской диалектологии. Решение ее, безусловно, откроет новые возможности для изучения истории формирования каракалпакского языка и его диалектов, а также этногенеза каракалпакского народа. Следует отметить, что междиалектные и внутридиалектные особенности каракалпакского языка освещались во многих

¹⁴ Каракалпак диалектологиясы бойынша очерклер: I. Каракалпак тилиниң мойнақ говоры. Нөкис, 1962; II. Каракалпак тилиниң тахта көпир говоры, 1965. (Рукопись).

¹⁵ О. Доспанов, Б. Бекетов, Ш. Каримходжаев. Диалектологический словарь каракалпакского языка. Нукус, 1969, стр. 170. (Рукопись).

¹⁶ А. Ниязов. Чимбайский говор каракалпакского языка в его отношении к литературному языку. Нукус, 1969. (Рукопись).

¹⁷ Д. С. Насыров. Диалекты каракалпакского языка. М., 1966, стр. 50 (находится в печати); его же. Об изучении диалектов каракалпакского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968, стр. 85—93; его же. Диалекты каракалпакского языка и их основные особенности. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 1. Нукус, 1966, стр. 64—72.

статьях каракалпакских диалектологов¹⁸. Однако до сих пор еще мало уделяется внимания глубокому научно-теоретическому исследованию особенностей диалектов каракалпакского языка в этнолингвистическом и лингвогеографическом планах, а это одна из неотложных задач наших диалектологов и историков языка.

Изучением диалектов и говоров каракалпакского языка в республике в основном занимается сектор истории и диалектологии каракалпакского языка Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева. В последнее время сбором и изучением диалектологических материалов начала заниматься и кафедра каракалпакского языка Каракалпакского государственного педагогического института, разработавшая учебную программу по курсу диалектологии¹⁹. Кафедра организует также практику студентов-филологов по сбору фольклорных и диалектологических материалов.

Вопросы диалектологии каракалпакского языка находят свое отражение и в работах некоторых зарубежных тюркологов. Крупный американский тюрколог, профессор Колумбийского университета К. Г. Менгес в 1947 г. издал в Нью-Йорке свою «Каракалпакскую грамматику» (часть I. Фонология). В этой работе он рассматривает каракалпакский язык как диалект единого казахско-каракалпакского языка и исследует взаимоотношения каракалпакского и казахского языков на основе их фонетической структуры²⁰. После выхода в свет этой капитальной работы многие зарубежные тюркологи разделяют точку зрения К. Г. Менгеса и квалифицируют каракалпакский язык как диалект или подраздел казахского языка, не подтверждая, однако, этот тезис убедительными этнолингвистическими и социально-экономическими доводами.

Такая точка зрения на каракалпакский язык разделяется М. Рясененом, А. фон Габен, Н. Н. Поппе, И. Бенцингом²¹. Д. Синор отмечает, что по ряду признаков каракалпакский язык ближе к казахскому, чем

¹⁸ Д. С. Насыров. Указанные статьи по диалектологии; Д. С. Насыров, О. Доспанов. Халықтың сөйлеу тілін тереңірек үйренейік. — «Совет Қарақалпақстаны», 1966, 13 сентября; Т. Бегжанов. Об отношении муйнакского говора к каракалпакскому литературному языку (на материале лексики). — «Известия АН Азерб. ССР, серия литературы, языка и искусства», № 3. Баку, 1966, стр. 79—83; Д. С. Насыров, Т. Бегжанов. Тахта көпір районында жасаушы қарақалпақтардың тілі бойынша байқаулар. — «Вестник ККФАН УзССР», № 1. Нукус, 1962, стр. 51—60; О. Бекбаулов. Қарақалпақ тілінің мойнақ говорының дауыссыздар системасы (вокализм). — «Вестник ККФАН УзССР», № 4. Нукус, 1963, стр. 90—97; *его же*. Қарақалпақ тілі түслик диалектінің лексикалық және морфологиялық өзгешеліктері. — «Әмү дәрәя», № 9. Нукус, 1966, стр. 113—119; Х. Хамидов. Бухара қарақалпақтарының тілі бойынша байқаулар. — «Вестник ККФАН УзССР», № 3. Нукус, 1964, стр. 142—147; Д. Саитов. Қоңырат районында жасаушы қарақалпақтардың тілі бойынша байқаулар. — «Вестник ККФАН УзССР», № 4. Нукус, 1966, стр. 78—84; А. Ниязов. Чимбай говорының дауыссыздар (вокализм) системасы. — «Вестник ККФАН УзССР», № 3. Нукус, 1963, стр. 68—77.

¹⁹ А. Ниязов, О. Сеитов. Қарақалпақ диалектологиясының программасы. Нукус, 1968, стр. 24.

²⁰ К. Н. Menges. Qaraqalpaq Grammar. Part one. Phonology. New York, 1947, стр. 100. См.: *его же*. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic studies. Wiesbaden, 1968, стр. 40, где говорится, что «различия между каракалпакским и казахским языками так незначительны, что первый может быть определен как диалект последнего».

²¹ М. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki, 1949, стр. 249 (русский перевод: Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 31); А. Gabain. Charakteristik der Türkisprachen. Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung. Leiden—Köln, 1963, стр. 3—4; Nicholas Poppe. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965, стр. 46, 110, 117; Johannes Benzing. Einführung in das Studium der Altaischen Philologie und Turkologie. Wiesbaden, 1959, стр. 112.

к узбекскому²², а В. К. Мэтьюс характеризует общие и отличительные особенности фонетики и морфологии каракалпакского языка в сравнении с чувашским, ногайским, казахским и узбекским языками (парность гласных, дифтонгизация начальных гласных *е, о, ö*; то же количество согласных (22), что и в ногайском языке; аффикс множественного числа *-lar*; аффиксы причастных форм *-žak, -tugun* и др.). Он отмечает некоторое влияние казахского и узбекского языков на каракалпакский. По его мнению, каракалпакский литературный язык сформировался на основе северного диалекта²³.

Австралийский ученый С. А. Вурм в 1951 г. опубликовал в швейцарском журнале «*Anthropos*» (№№ 3 и 4) работу по каракалпакскому языку. С. А. Вурм имел в своем распоряжении два учебника-букваря, вышедших в 1933 г. в Москве, — «Жас өспирим (Эллипе)» и «Қарақалпақ ана тили». Кроме того, о живой разговорной речи каракалпаков он судил по языку трех представителей населения Кунградского, Бирунийского (бывш. Шаббазского) и Турткульского (бывш. Тамдынского) районов²⁴. Речь этих трех информаторов была записана и на магнитофонную ленту. Основываясь на полученных материалах, С. А. Вурм разделил каракалпакский язык на три диалекта (кунградский, шаббазский и карасакальский), указав их основные фонетико-морфологические и акцентуационно-интонационные отличительные черты. Нормой каракалпакского языка он считает шаббазский (по его терминологии — Шах Аббаз Вали) диалект²⁵. В другой своей работе, опубликованной позднее в Лондоне, С. А. Вурм считает каракалпакский язык «диалектом казахского языка» и характеризует его как язык жителей Каракалпакской АССР и каракалпакского населения Афганистана²⁶.

В связи с этим нельзя не отметить, что классификация диалектов каракалпакского языка, данная С. А. Вурмом, ни в коей мере не соответствует действительности. В материалах С. А. Вурма не представлены факты разговорной речи основных групп каракалпаков, проживающих в Чимбайском, Кегейлинском, Тахтакулырском, Нукусском и Муйнакском районах Каракалпакии.

Что же касается утверждения К. Г. Менгеса, С. А. Вурма и некоторых других ученых, что каракалпакский язык является диалектом казахского языка, то оно не имеет никаких оснований. Никем не оспаривается и не отрицается близость каракалпакского языка к казахскому, ибо оба они вместе с ногайским в классификационной системе тюркских языков, основанной на исторических и лингвистических данных²⁷, входят в кыпчакско-ногайскую подгруппу кыпчакских языков. Однако эта близость структуры указанных языков не дает оснований считать один из них диалектом другого. Как в свое время справедливо отметил С. Е. Малов, она объясняется родством, однотипностью и односистемностью указанных языков²⁸.

²² Denis Sinor. Introduction à l'étude de l'Eurasie Centale. Wiesbaden, 1963, стр. 68.

²³ W. K. Matthews. Languages of the USSR. New York, 1968, стр. 76.

²⁴ По утверждению С. А. Вурма, третий информатор является жителем деревни, расположенной недалеко от Карасакала, находящегося «в 22 милях к северу от границы Узбекской ССР и в 115 милях к востоку от Хивы».

²⁵ Stefan Wurm. The Karakalpak Language. — «Anthropos», Mai—August, 1951, Heft 3—4. Switzerland, стр. 487—610.

²⁶ Stefan Wurm. Turkic Peoples of the USSR. London, 1954, стр. 25.

²⁷ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 164—170.

²⁸ С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — В сб.: «Каракалпакия», т. II. Л., 1934, стр. 205.

Некоторые сведения о каракалпакском языке и его диалектах можно найти и в работе известного турецкого ученого А. Дилачара. Включив каракалпакский язык в арало-хазарскую группу кыпчакских языков вместе с казахским, киргизским, кыпчакско-узбекским и ногайским, он выделяет в составе каракалпакского языка две группы поднаречий (*alt-lehçe*) и говоров (*ağızlar*): 1) северо-восточные, казахизированные и 2) юго-западные, узбекизированные и туркменизированные. Однако в его работе мы не находим каких-либо лингвистических фактов, подтверждающих на материале каракалпакского языка подобное деление²⁹.

Становление и развитие каракалпакской диалектологии можно подразделить на два периода. Первый (30-е годы) является периодом изучения диалектов и говоров каракалпакского языка в практических целях установления диалектной базы, создания письменности и разработки основ фонетики и грамматики. В этот период были опубликованы отдельные труды С. Е. Малова, Е. Д. Поливанова, Н. А. Баскакова, в которых содержится глубокий научный анализ фактов каракалпакского языка. Эти работы не утратили своего значения и в наши дни³⁰. Второй период (60-е годы) — время окончательного становления и дальнейшего развития диалектологии как самостоятельной отрасли каракалпакского языкознания.

В 1960-е годы широко развернулось систематическое изучение диалектов и говоров каракалпакского языка путем монографического и лингвогеографического описания в синхронном и диахроническом планах. Были привлечены также данные сравнительно-исторического изучения тюркских языков, проведен лингвогеографический анализ с использованием изоглосс диалектных явлений.

В настоящее время перед каракалпакской диалектологией стоят задачи научной разработки вопросов возникновения, формирования и развития диалектной системы каракалпакского языка в этнолингвистическом и лингвогеографическом аспектах, выяснения соотношения народно-разговорной, письменно-литературной и устно-литературной форм каракалпакского языка, установления диалектной основы каракалпакского литературного языка и классификации диалектов. Необходимо провести тщательное описание диалектной системы каракалпакского народно-разговорного языка в фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом планах, а также изучение вопросов взаимовлияния и взаимообогащения диалектов каракалпакского языка, диалектов и говоров других тюркских языков, распространенных на территории Каракалпакской АССР.

Для успешного решения задач, стоящих перед молодой каракалпакской диалектологией, необходимо, по нашему мнению, сосредоточить внимание на следующем:

а) продолжать интенсивный сбор материалов по неизученным или малоизученным диалектам и говорам каракалпакского языка, а также переходным говорам, распространенным на территории ККАССР и за

²⁹ А. *Dulâçar*. Dil, Diller ve Dilçilik. Ankara, 1968, стр. 87—88.

³⁰ Помимо упоминающихся выше работ этих авторов, см. также: Н. А. Баскаков. Краткая грамматика каракалпакского языка. Турткуль, 1932, стр. 150; его же. Каракалпакская учебная книга по родному языку. — Журн.: «Национальная литература», № 3. М., 1933, стр. 1—6; его же. Замечания к проектам каракалпакской орфографии, составленным УМСом Наркомпроса и КНИИ Каракалпакской Автономной Республики. — В сб.: «Письменность и революция». М.—Л., 1933, стр. 142—144.

ее пределами, и приступить одновременно к их описательно-монографическому изучению в фонетическом, грамматическом и лексико-семантическом планах, что позволит подготовить материальную базу для дальнейших диалектологических разысканий³¹;

б) на основании тщательной камеральной обработки собранных материалов приступить к созданию вузовского учебника «Каракалпакская диалектология»;

в) установить основные принципы составления диалектологического словаря каракалпакского языка с учетом опыта работы в этой области лексикографов-диалектологов других тюркских языков (азербайджанского, татарского, узбекского, казахского и др.); приступить к сбору, систематизации материалов и составлению однотомного диалектологического словаря, охватывающего диалектную лексику северного и южного диалектов каракалпакского языка;

г) на основе подготовленной «Программы сбора сведений для составления диалектологического атласа каракалпакского языка» (программа-вопросник содержит около 180 диалектных изоглосс по фонетике, грамматике, лексике и семантике) создать диалектологический атлас каракалпакского языка с детальным географическим размещением отдельных диалектных изоглосс каракалпакского языка. Такой атлас, наряду с монографическим изучением каракалпакских диалектов, даст возможность сделать сравнительно-исторические обобщения в области диалектных данных тюркских языков.

Для решения этих больших задач необходим совместный труд всех каракалпакских диалектологов.

³¹ См.: С. С. Высотский. Методы изучения диалектов. — В сб.: «Доклады и сообщения Института языкознания», т. VI. М., 1954, стр. 129; В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968, стр. 6.

Ш. АТЕНОВ

ИНТОНАЦИЯ ПРИЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа является результатом экспериментального изучения интонационных характеристик приложения в современном казахском языке.

В казахском, как и в других тюркских языках, различаются не-обособленное приложение в пре- и постпозиции и обособленное приложение, которое всегда занимает постпозитивное положение относительно определяемого слова.

Теоретический и практический интерес представляет исследование интонации приложений и структуры определения «прилагательное+существительное» в простом повествовательном предложении. Экспериментальные исследования данного вопроса до настоящего времени не проводились. Различные точки зрения отечественных и зарубежных тюркологов основаны на чисто слуховых наблюдениях и языковой интуиции и, естественно, содержат много субъективных оценок.

Эксперимент был осуществлен в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи (ЛЭФ и ПР) Московского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ) им. М. Тореца под руководством проф. В. А. Артемова.

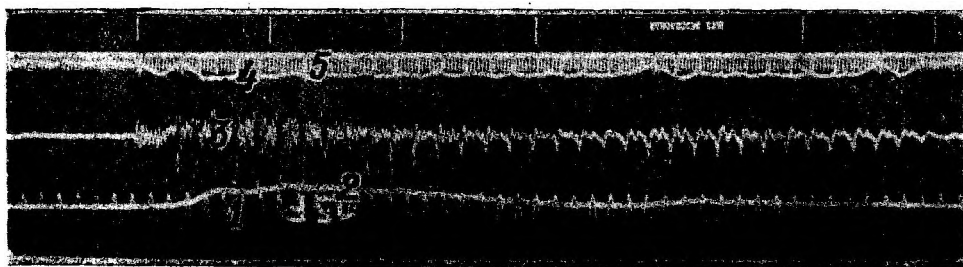
Для записи экспериментального материала использовались магнитофон МЭЗ-28А и интонограф типа ОФХАРС (основные физические характеристики речевого сигнала)¹; с помощью шлейфового осциллографа типа Н-102 со скоростью 250 мсек были получены интонограммы изучаемых структур на киноплёнке КН-4с. Весь ход записи фиксировался в протоколе.

Одной из главных составных частей метода структурного анализа речевой интонации является исследование первичных и вторичных физических свойств интонации. К первичным свойствам относятся: длительность звука, амплитуда интенсивности звука за каждые 20 мсек и количество периодов колебания за тот же интервал времени. В качестве вторичных физических свойств речевой интонации рассматривались:

¹ Данный тип интонографа позволяет автоматически вычислять частоту основного тона, определяет интенсивность и временную характеристику речи. Описание интонографа см.: В. А. Артемов. Метод структурного анализа речевой интонации. М., 1962, стр. 60—62.

- 1) движение частоты основного тона исследуемых структур во фразе;
- 2) частотные диапазоны компонентов структур приложения и определения;
- 3) частотный интервал на стыке I и II компонентов;
- 4) локализация тонального максимума;
- 5) пауза между I и II компонентами; пауза перед всей структурой приложения и определения и после нее;
- 6) ритмическая структура: сравнение длительности ударных и предударных гласных в исследуемых структурах;
- 7) темпоральная характеристика: сравнение длительности ударных гласных и ударных слогов I и II компонентов, а также локализация временного максимума ударных гласных;
- 8) локализация динамического максимума ($I_{\max}$)².

Приводим интонограмму, полученную нами после фотографической обработки:

На интонограмме представлены:

- 1) время (интервал равен 20 мсек);
- 2) огибающая амплитуда интенсивности;
- 3) осциллограмма речевого сигнала;
- 4) линия частоты основного тона (отклонение ее вверх показывает повышение частоты);
- 5) контрольные выбросы по частоте основного тона (импульсы основного тона).

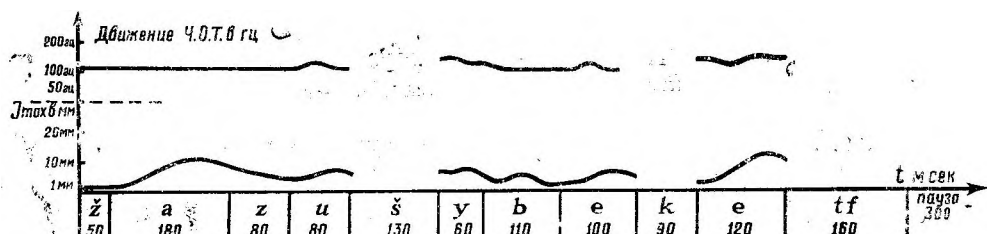
Обработка интонограмм проводилась по методике, принятой в ЛЭФ и ПР МГПИИЯ им. М. Горького. Полученная интонограмма прежде всего подверглась визуальному анализу — были определены границы фраз. Далее интонограмма каждой фразы расшифровывалась, то есть сегментировалась на звуки. Основным приемом разграничения звуков на интонограмме являлось наблюдение за изменениями формы осциллограмм, соответствующих звукам.

Таким образом, мы получили количественные данные для составления графиков и структурных таблиц. Графическое изображение интонации представлено следующим образом: на миллиметровой бумаге по оси абсцисс откладывается время звучания звука в миллисекундах, по оси ординат — частота основного тона в герцах и амплитуда интенсивности речевого сигнала в миллиметрах ($I_{\max}$).

Материалом исследования служили 125 экспериментальных фраз. Они были отобраны из числа 2000, выделенных из произведений раз-

² Подробное описание методики анализа данных параметров см.: В. А. Артемов. Указ. раб.

личных жанров современной казахской литературы. При отборе экспериментального материала особое внимание обращалось на звуковой состав фразы с целью облегчить вычленение на интонограмме образующих ее звуков.

Вариация фраз осуществлялась по следующим признакам:

- 1) в зависимости от расположения компонентов в структуре приложения: пре- и постпозиция;
- 2) в зависимости от локализации структуры во фразе: в начале, середине и конце фразы. Например:

1. Zazušy Beketov sšezge katysty.
 Sšezge žazušy Beketov katysty.
 Sšezge katyskan — žazušy Beketov.

2. Beketov žazušy sšezge katysty.
 Sšezge Beketov žazušy katysty.
 Sšezge katyskan — Beketov žazušy.

Экспериментальный материал был прочитан двумя дикторами, в совершенстве владеющими нормами казахского литературного произношения.

Для аудиторского анализа были приглашены три казаха-филолога, имеющие навык фонетического анализа произносимой фразы.

Аудиторский анализ должен был:

- 1) уточнить, отвечает ли чтение дикторов нормам казахского произношения;
- 2) определить, выделяется ли какой-либо из компонентов структуры приложения, или же они равноударны;
- 3) определить коммуникативную функцию приложения (разъяснение, уточнение, добавочное сообщение, напоминание и т. д.);
- 4) произвести синтагматическое членение фраз;
- 5) указать средства синтагматического членения фразы (паузы, движение тона, темп произнесения и т. д.)³.

Краткое описание результатов анализа интонационных характеристик исследуемых структур представлено в таблицах 1 и 2 (см. стр. 106—107).

Как видно из таблицы 1, интонационные особенности структуры приложения в препозиции сравнивались с интонацией необособленного приложения в постпозиции. В таблице 2 сравниваются интонация необособленного приложения в постпозиции с интонацией обособленного приложения, всегда находящегося, как известно, в постпозиции. Такой анализ позволил детально описать интонационные характеристики указанных видов определительных структур в современном казахском языке.

³ Результаты аудиторского анализа в этой статье не приводятся.

Исследование интонации приложений позволило решить некоторые вопросы теории определительных сочетаний.

При рассмотрении необособленного и обособленного приложений в плане логических отношений необособленное приложение характеризуется лингвистами как проявление атрибутивных связей⁴. Тем самым ставится под сомнение грамматическая самостоятельность необособленного приложения. В первую очередь, это относится к необособленному приложению в препозиции (И. А. Батманов, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, Г. М. Амиров и др.).

Таким образом, между определительными структурами «прилагательное+существительное» и необособленным приложением ставится знак равенства. Однако язык — это экономная коммуникативная система, и в нем не должно быть полностью омонимичных структур.

Структуру же обособленного приложения обычно причисляют к полупредикативным отношениям⁵, то есть к предикации, не образующей предложения⁶.

Следующая задача нашего исследования заключалась в изучении с помощью интонации логических отношений, выражаемых определительными сочетаниями.

Мы обратились к анализу интонации, так как «в плане коммуникативной теории речи существенно, что акустическое звено речи служит наиболее надежным индикатором всех остальных звеньев речи»⁷. В первую очередь, в интонации представлено смысловое содержание высказывания. Приступая к исследованию, мы предположили, что различие между структурами «прилагательное+существительное» и «существительное+существительное» в необособленном приложении выражает различные отношения. Первая структура выражает чисто атрибутивные отношения, а вторая — квазиатрибутивные.

Атрибут — это «неотъемлемое, существенное, необходимое свойство, признак предмета или явления...»⁸. Предикат же «отображает наличие или отсутствие того или иного признака у предмета»⁹. Таким образом, атрибут и предикат — близкие понятия, но, если в первом случае признак представляется как уже данный, то во втором — утверждается наличие связи предмета с признаком.

Итак, атрибуция — это смягченная предикация¹⁰. И необособленное приложение как синтаксическая структура выражает нечто среднее между простым названием признака и его утверждением. В приложении признак выражен существительным. Два существительных располагаются рядом, называя объект или его функцию. Сама этимология слова «приложение» говорит о том, что одно существительное допол-

⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1888, стр. 103—104; И. А. Батманов. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940, стр. 11—14; Э. В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. М., 1961, стр. 51 и др.; Н. А. Баскаков. Слово-сочетания в каракалпакском языке. — Там же.

⁵ А. А. Потебня. Указ. раб., стр. 103—104; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 280; В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса русского языка. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 418 и др.

⁶ В. Матезиус. Язык и стиль. — В кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 505.

⁷ В. А. Артемов. Конспект вводных лекций по курсу «Психология перевода». М., 1969, стр. 36.

⁸ Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 47.

⁹ Там же, стр. 413.

¹⁰ Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 284.

Таблица 1

Сравнительная таблица интонационных характеристик структур необособленного приложения в препозиции (1) и постпозиции (2)

Параметры	В начале фразы			В середине фразы			В конце фразы		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1. Движение основного тона			+			—			—
2. Частотный интервал на стыке I и II компонентов	4—5 полутонов	I полутонов	+	1—6 полутонов	I полутонов	+	1—5 полутонов	1—3 полутона	—
3. Локализация тонального максимума	II компонент	II компонент	—		I компонент	—		I компонент	—
4. Ритмическая структура приложения: ударный гласный > 1 предударного гласного; ударный гласный < 1 и 2 предударных гласных	II компонент	I компонент	+		I компонент	—		I компонент	—
	I компонент		—	I компонент	II компонент	+	I компонент	II компонент	+
5. Темпоральная структура: локализация временного максимума	на II компоненте		—	на II компоненте	на I компоненте	+	на II компоненте	на II компоненте	—
6. Локализация динамического максимума $I_{\max}$	на I компоненте	на I компоненте	—	на I компоненте	на I компоненте	—	на I компоненте	на I компоненте	—
7. Пауза перед структурой Пауза после структуры	— +	— +	— —	— —	— +	— +	— —	— +	— +

Примечание:

- а) в графе «3» указано, является ли данный параметр различительным признаком при сравнении соответствующих структур (+) или нет (—);
- б) в таблицах не приводятся показания по частотному диапазону структуры приложения, поскольку по данному параметру не выявлено какой-либо закономерности.

Таблица 2

Сравнительная таблица интонационных характеристик структур обособленного приложения (1) и необособленного приложения в постпозиции (2)

Параметры	В начале фразы			В середине фразы			В конце фразы		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
1. Движение основного тона			+			+			+
2. Частотный интервал на стыке I и II компонентов	3—5 полутонов	1 полутонов	+	5 полутонов	1 полутонов	+	2—4 полутона	1—3 полутона	—
3. Локализация тонального максимума	II компонент	II компонент	—		I компонент	—	I компонент	I компонент	—
4. Ритмическая структура приложения: ударный гласный > 1 предударного гласного; ударный гласный > 1 и 2 предударных гласных; ударный гласный < 1 и 2 предударных гласных		I компонент	—		I компонент	—		I и II компоненты	—
	I компонент		—	I компонент		—	I компонент		—
	II компонент		—	II компонент	II компонент	—	II компонент		—
5. Темпоральная структура: локализация временного максимума	на I компоненте		—	на I компоненте	на I компоненте	—	на I компоненте	на II компоненте	+
6. Локализация динамического максимума $I_{\max}$		на I компоненте	—		на I компоненте	—	на I компоненте	на I компоненте	—
7. Пауза перед структурой Пауза между I и II компонентами Пауза после структуры	 + +	 — +	 + —	 — +	 + —	 + —	 — +	 + —	 + —

няет другое, причем последнее является «главным» или «господствующим» словом¹¹. Такая зависимость должна быть отражена и в интонации, которая является «репрезентантом мысли»¹².

Экспериментальный анализ подтвердил нашу гипотезу.

Первое и наиболее существенное различие между двумя исследуемыми структурами и двумя видами логических отношений заключается в том, что приложение характеризуется интонационной системой с ведущим членом. Это противоречит высказываниям некоторых исследователей, которые рассматривают структуру необособленных приложений как сочетание без ведущего члена¹³. В необособленном приложении ведущим оказалось существительное: стоящее в препозиции — на втором месте, в постпозиции — на первом.

Например: 1) *okytyşy Tasbolat — bul iske žawapty* 'Учитель Тасболат отвечает за это'; 2) *Tasbolat okytyşy — bul iske žawapty* и т. д. В первом предложении «главным» существительным является *Tasbolat*, а приложением — *okytyşy*. Во втором случае приложение *okytyşy* имеет больший семантический вес, поэтому говорящий помещает его после субъекта, который оно определяет.

Главное существительное отличается тем, что именно на нем реализуются наибольшие значения интонационных параметров.

В том случае, когда необособленная структура приложения находится в начале предложения, главное существительное (II компонент) или иначе определяемое, характеризуется следующими параметрами: 1) реализацией максимального значения основного тона; 2) локализацией временного максимума; 3) наличием такой ритмической структуры слова, при которой ударный слог по длительности превышает безударные.

В середине фразы главное существительное маркировано: 1) локализацией временного максимума; 2) ритмической структурой слова, в котором ударный слог выделен по длительности; в конце же фразы: 1) локализацией временного максимума структуры; 2) большей длительностью ударного слога.

Существительное — собственно приложение, занимая любую позицию во фразе, имеет максимальное значение только одного из параметров — пиковую амплитуду интенсивности. Однако в постпозиции оно теряет даже этот параметр. В начале фразы отмечается тональный максимум. В середине фразы собственно приложение не выделяется каким-либо интонационным параметром. В конце фразы, то есть в наиболее ярко выраженной постпозиции, возникает усиление этого члена структуры тремя параметрами: темпоральным, ритмическим и терминальным тоном. Но главное существительное в этой позиции также характеризуется тремя параметрами: тональным и динамическим максимумами и ритмической структурой с выделенным по длительности ударным слогом. В других положениях во фразе (в постпозиции) главное существительное характеризуется динамическим максимумом и ритмической структурой (в начале фразы), тональным, темпоральным, динамическим максимумами и ритмической структурой (в середине и в конце фразы).

¹¹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 284.

¹² В. А. Артемов. Конспект вводных лекций..., стр. 36.

¹³ Л. С. Бархударов, Д. А. Штеллинг. Грамматика английского языка. М., 1960, стр. 26; И. Г. Сапрыкина. Типы аппозиционных структур в современном английском языке. Канд. дисс. Горький, 1965, стр. 42; Н. Авазбаев. Интонация простого предложения, содержащего структуру приложения в немецком языке. Канд. дисс. Москва—Ташкент, 1968, стр. 3.

В чисто атрибутивной структуре не наблюдается постоянного выделения какого-либо ее члена, хотя и прослеживается тенденция выделения прилагательного. Однако средства выделения непостоянны и многочисленны.

Наш эксперимент подтвердил высказывания А. А. Потебни о том, что определение, выраженное прилагательным, менее самостоятельно, чем приложение¹⁴.

Имеются и другие различия: на прилагательном (I компонент структуры) никогда не наблюдалась локализация динамического максимума, в то время как собственно приложение (I компонент) всегда было отмечено максимальным значением интенсивности. В начале фразы частотный интервал на стыке компонентов структуры приложения составлял 4—5 полутонов, в середине — 1—6 полутонов, в конце — 1—5 полутонов. В структуре определения оба компонента произносятся более слитно: в начале фразы частотный перепад составляет 1 полутоном, в середине — 1—4 полутона, в конце — 2—3 полутона. Различие в тональной структуре свидетельствует о смысловом единстве обоих компонентов в атрибутивной связи и о некотором противопоставлении компонентов в структуре необособленного приложения даже в препозиции.

Анализ интонационных особенностей обеих структур свидетельствует в пользу нашей гипотезы о том, что необособленное приложение представляет собой отклонение от чисто атрибутивных конструкций. Омонимичность этих структур не подтверждена интонацией. Это дает основание считать структуру необособленного приложения в препозиции — квазиатрибутивной структурой.

Однако мы все-таки относим данную структуру к атрибуции, поскольку интонационный анализ показал, наряду с различиями, наличие многих сходных черт в интонации обеих структур. Например, обе структуры всегда представляют собой одну синтагму. Направление движения основного тона в этой синтагме почти не меняется (если не считать различия в частотных интервалах на стыке компонентов). В различных позициях совпадают характеристики по одному и двум параметрам.

Неособобленное приложение в постпозиции является вторым шагом в отклонении от чисто атрибутивных отношений. Тот факт, что собственно приложение находится в постпозиции (порядок, непривычный для атрибутивных конструкций в тюркских языках), уже сам по себе придает оттенок предикативности данной структуре. Тем не менее сохраняется ведущее положение главного существительного. Существительное-приложение характеризуется смягченными интонационными значениями. Редко на II компоненте можно встретить максимальное значение какого-либо параметра. Второй компонент выделяется, в основном, благодаря своей синтаксической позиции по отношению к определяемому. Инверсия — основное средство для выделения II компонента. Интонационные средства прежде всего способствуют выделению главного, ведущего члена структуры приложения (I компонент), причем постпозиция и уменьшенные значения интонационных характеристик собственно приложения оказались настолько сильными средствами членения структуры на компоненты, что частотные интервалы на стыке компонентов в постпозиции весьма незначительны. Интонационная характеристика подтверждает положение А. А. Шахматова о том, что «приложение — то слово, на которое падает более слабое ударение»¹⁵.

¹⁴ А. А. Потебня. Указ. раб., стр. 43 и 77.

¹⁵ А. А. Шахматов. Указ. раб., стр. 284.

Все вышесказанное позволяет считать необособленное приложение в постпозиции более близким к предикативным отношениям, чем атрибутивным. Такое логическое отношение мы называем квазиполупредикативным.

Обособление приложения является следствием того, что говорящий или пишущий считает необходимым придать приложению определенную коммуникативную значимость в составе предложения. Синтаксическое обособление помогает говорящему точнее выразить свою мысль. Такое взаимодействие синтаксиса и интонации может быть охарактеризовано как параллелизм форм¹⁶.

Обособление создается двумя средствами: членением структуры на две самостоятельные синтагмы и выбором позиции собственно приложения.

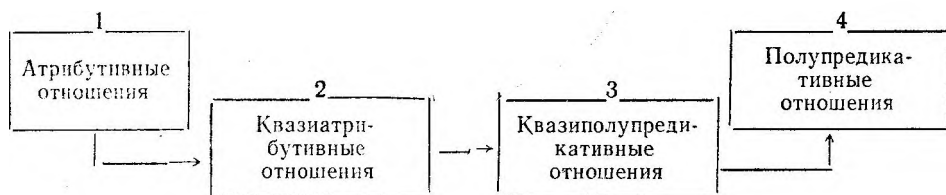
Анализ показал, что в качестве средств интонационного обособления выступают: 1) движение основного тона; 2) пауза между компонентами структуры приложения; 3) частотный интервал на стыке компонентов.

Наши данные по этому виду обособленного приложения совпадают с результатами, полученными Н. Авазбаевым, который изучал интонацию приложений в современном немецком языке¹⁷.

Как и в других видах приложения, максимальными значениями интонационных параметров отмечается ведущее существительное (или местоимение). Собственно приложение, играющее во фразе роль второй предикации, выполняет эту смысловую функцию, являясь вторым компонентом структуры приложения и обладая уменьшительными значениями интонационных характеристик. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что смысловая значимость не всегда маркируется максимальными значениями интонационных параметров. При квазиполупредикативных и полупредикативных отношениях интонационно выделяется первый член структуры приложения. Второй компонент оказывается интонационно затемненным, но тем не менее именно он является предикацией второго порядка во фразе. Предикация в структуре обособленного приложения почти всегда отмечается паузой перед собственно приложением. В необособленном постпозиционном положении пауза обычно возникает перед всей структурой приложения, никогда ее не расчленяя.

Таким образом, экспериментально было подтверждено, что между чистой атрибуцией и полупредикацией существуют две переходные ступени.

Структура логических отношений представлена на следующей схеме:

¹⁶ Д. Н. Овсянко-Куликовский. Указ. раб., стр. 228.

¹⁷ См.: Н. Авазбаев. Указ. дисс., стр. 113.

Атрибутивные отношения: определительное сочетание «прилагательное+существительное».

Квазиатрибутивные отношения: необособленное приложение в препозиции в структуре «существительное+существительное».

Квазиполупредикативные отношения: необособленное приложение в постпозиции в структуре «существительное+существительное».

Полупредикативные отношения: обособленное приложение «существительное+существительное» или субстантивированные части речи.

Таким образом, необособленное приложение в препозиции и постпозиции является самостоятельной грамматической категорией в современном казахском языке.

А.-К. ОРУСБАЕВ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КИРГИЗСКОГО УДАРЕНИЯ*

Тюркское ударение издавна привлекало внимание ученых. Существование различных точек зрения на эту проблему требовало новых, более точных методов исследования. В. А. Богородицкий и Г. Шараф впервые использовали в своих фонетических исследованиях звукорегистрирующие приборы. Особо следует отметить работу Г. Шарафа, который экспериментально доказал зависимость протяженности ударных гласных от качества соседних согласных и позиции слога в слове¹.

Дальнейшее развитие экспериментальная фонетика получила в исследованиях У. Ш. Байчуры и А. Махмудова². В частности, ценность работы по узбекскому словесному ударению (СУ) заключается в сопоставлении акустических параметров ударения с данными слухового анализа. Вместе с тем трудно представить, чтобы рядовой носитель узбекского языка одинаково хорошо воспринимал силу, тон и протяженность ударного звука.

Изучается СУ также в азербайджанском и туркменском языках. Дешифровка и толкование осциллограмм позволили исследователям утверждать, что СУ в этих языках разноместное, а по своей природе — силовое и музыкальное³.

В работе Т. К. Ахматова о звуковом строе киргизского языка в общих чертах рассмотрено и СУ. Автор утверждает, что по функции оно смысло- и форморазличительное (*atasýz* 'без отца' — *atásyz* 'вы — отец', *katčý* 'писарь' — *kátčy* 'спрячь-ка' и т. д.)⁴. Доводы представляются спорными, так как базируются на материале различных языковых уровней.

Вряд ли правомерно говорить и об аффиксальной, элизионной, дублетной и эмоциональной подвижности киргизского СУ. Наслоение аффиксов еще не дает основания считать ударение подвижным, поскольку

* Исследование проводилось под научным руководством проф. Э. В. Севортяна и проф. Л. Р. Зиндера в лабораториях экспериментальной фонетики Ленинградского университета им. А. А. Жданова и Института русского языка АН СССР в 1967—1970 гг.

¹ Г. Шараф. Сонорная длительность татарских гласных. — «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1928, № 8.

² У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, ч. I. Казань, 1959; ч. II. Казань, 1961; А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 56—57.

³ См.: Ш. М. Абдуллаев. Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964, стр. 17—18; А. Сапаев. Словесное ударение в туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1967, стр. 12.

⁴ Т. К. Ахматов. Звуковой строй современного киргизского литературного языка, ч. I. Фрунзе, 1968; ч. II. Фрунзе, 1970.

оно при этом опять-таки падает на конец речевого сигнала; перемещение же акцента при эмоциональном и дублетном произношениях есть результат воздействия экстралингвистических факторов. О подвижности киргизского ударения можно говорить лишь в случае отрезка большего, чем слово.

Одной из основных задач исследования ударения является выяснение его природы. Данные Т. Ахматова убеждают в том, что, с акустической точки зрения, киргизское ударение характеризуется относительными параметрами интенсивности, основного тона и длительности.

В основу настоящего исследования легли следующие известные положения:

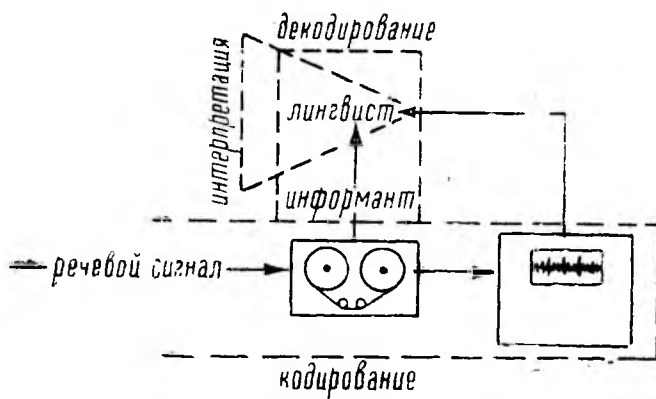
а) речевые сигналы материальны; их можно не только воспринимать, но и фиксировать с помощью специальной аппаратуры;

б) трактовка экспериментально-фонетических данных может иметь лингвистическую ценность лишь в том случае, если показания приборов дополняются фактами восприятия соответствующих языковых явлений носителями языка⁵.

Киргизское ударение рассматривалось в условиях изолированного слова и простого распространенного предложения. Общее количество слов — 489 (от двух- до шестисложных), фраз — 218.

Весь языковой материал в произношении двух носителей современного киргизского литературного языка был зафиксирован с учетом известных требований экспериментальной фонетики⁶ на киноленте в виде осциллограмм⁷. Во время опытов по восприятию ударения информантами (60 киргизов и 21 русский, не владеющий киргизским языком) воспроизводились 67% слов и 6,4% фраз из магнитной записи указанного материала.

Эксперимент проходил по следующей схеме:

⁵ В. А. Артемов. Экспериментальная фонетика. М., 1956, стр. 25; Л. Р. Зиндер. Некоторые принципиальные основы экспериментально-фонетических исследований. — «Экспериментально-фонетические исследования речи», вып. 2. Минск, 1969, стр. 114—115; Ю. В. Ванников. О лингвистических связях на фонологическом уровне языка. М., 1964, стр. 82.

⁶ См.: В. А. Артемов. Указ. раб.; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.

⁷ Осциллографическим методом можно получить необходимую и вместе с тем надежную информацию об ударении (см.: Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ речи. Л., 1965, стр. 3—4, 40—46).

Исследование началось с опыта по восприятию удара. Необходимость обращения к сознанию носителя языка диктовалась желанием выдвинуть некоторую рабочую исходную гипотезу для анализа инструментальных данных. Кроме того, следует отметить, что опыты по восприятию являются неотъемлемой частью фонетического исследования⁸, так как лишь через восприятие можно выявить языковое назначение суперсегментных единиц.

Эксперимент по восприятию СУ предварительно выявил наиболее существенное для носителя языка из набора психофизических величин (энергия, длительность, тон) при определении им места удара.

Из 209 стимулов, предъявленных 48 киргизам, 85,6% были опознаны с ударением на конце ($\approx 78\%$ — по данным 21 русского аудитора). Наиболее существенной при восприятии СУ оказалась комбинация силы и длительности. Восприятие русских информантов отличалось, правда, тем, что ими на первое место ставилась длительность. Тон же как компонент удара не отмечался ни киргизами, ни русскими.

Эти факты дают основание предположить, что киргизское СУ находится в конце слова, а звуковой эффект удара создается прежде всего силой и длительностью гласного.

Ударный звук в ряду других звуков слова может выделяться на акустическом уровне либо большей интенсивностью, либо большей протяженностью, либо определенной частотой основного тона. Те параметры, которые оказываются ведущими в акцентной организации слова, и определяют СУ в том или ином конкретном языке.

В естественном речевом сигнале интенсивность гласного является одним из характерных показателей удара. Данные позволяют утверждать, что в киргизском языке в двух- и многосложных словах гласные конечных слогов обычно бывают интенсивнее гласных предшествующих слогов⁹.

Соотношение параметров интенсивности гласных в двухсложных словах довольно стабильное. Примерно в 84% слов, подвергнутых анализу, гласные конечного слога характеризуются большей интенсивностью по сравнению с гласными предшествующего слога. Разность максимальной интенсивности этих гласных колеблется в пределах 0,1—0,5 мм. Можно считать установленным, что величина интенсивности обратно пропорциональна линейной протяженности речевого сигнала (слова).

Если для русского языка типично увеличение интенсивности гласного в направлении к началу слова¹⁰, то для киргизского, напротив, характерно повышение интенсивности в направлении к концу слова. Подобное явление наблюдается и в другом тюркском языке — азербайджанском¹¹.

⁸ Л. В. Щерба. Субъективный и объективный метод в фонетике. — «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I. Л., 1958; Е. Д. Поливанов. Субъективный характер восприятия звуков речи. — «Статьи по общему языкознанию». М., 1968; Л. Р. Зиндер. Методы исследования и экспериментатор. — «Методы экспериментального анализа речи». Минск, 1968; его же. Фонема и восприятие. — «Proceedings of the International Congress of Phonetics Sciences». Prague, 1967.

⁹ А.-К. Орусбаев. Опыт экспериментально-фонетического исследования киргизского удара. — «Вопросы языкознания», 1970, № 4, стр. 111—120.

¹⁰ Л. В. Златоустова. Фонетическая природа русского словесного удара. Автореф. канд. дисс. Л., 1953; Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер. Акустические характеристики безударности (на материале русского языка). — В сб.: «Структурная типология языков». М., 1966, стр. 58.

¹¹ Ш. Абдуллаев. Акустическая характеристика словесного удара в азербайджанском языке. — «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 21, 6, 1968, стр. 502.

Ослабление интенсивности гласного в конце слова и, соответственно, усиление в начале зависят от структуры начального слога, а также от морфологического состава всего слова.

В многосложных словах часто наблюдается спад интенсивности на участке между чистой основой и конечным аффиксом, что связано с проявлением второстепенного ударения.

Интенсивность гласного является функцией многих переменных: собственной интенсивности гласного, независимо от его положения в слоге и слове, качества согласного, структуры слога, положения гласного в слове.

Надо признать, что не только в киргизском, но и в других языках предельное отклонение амплитуды интенсивности гласных не соотносится непосредственно с ударением¹². Образно говоря, ударение — это отшлифованный в процессе языковой эволюции сложный психофизический конгломерат, состоящий из множества гетерогенных величин. С этой точки зрения задача лингвиста, в первом приближении, очевидно, состоит в экономном описании связей между этими величинами и определении их лингвистической релевантности.

Тон голоса относится к общим условиям образования звуков¹³. Высота сложного звука определяется основным тоном (ОТ). Связь ОТ с ударением заключается в том, что он является одним из ведущих акустических признаков, позволяющих выделить ударный слог.

В киргизских словах частота ОТ обычно возрастает в направлении к концу слова. У гласного последнего слога она имеет максимальную величину. Возрастание уровня тона наблюдается в двух-, трех- и четырехсложных словах (см. таблицу 1). Однако эта тенденция может оказаться нарушенной в связи с морфологическим составом слова. В большинстве тюркских языков, в том числе и в киргизском, имеется целая категория аффиксов, вносящих существенные изменения в акцентную структуру слова¹⁴.

Те участки слов, которые выделяются наибольшими значениями частоты ОТ, отличаются также максимальной интенсивностью. Это типично и для других тюркских языков. Так, Ш. М. Абдуллаев во всех 17 акцентных типах, установленных им в азербайджанском языке, отмечает, что высота тона голоса и интенсивность являются характерными признаками при выделении слога как ударного¹⁵.

В языках другой системы эти акустические признаки в принципе могут оказаться иррелевантными¹⁶.

Концентрация максимальной интенсивности и частоты ОТ на одном из слогов в слове говорит о том, что эти величины являются акустическими признаками киргизского СУ. Поэтому на акустическом уровне ударным слогом в киргизском слове можно считать тот слог, который имеет наибольшие значения интенсивности и тона.

¹² С. В. Кодзасов, Ю. М. Отряшенков. Экспериментальное исследование ударения. — В кн.: «Исследования по речевой информации». М., 1968, стр. 98.

¹³ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, стр. 187; см. также: G. Lindner. Einführung in die experimentale Phonetik. Berlin, 1969, стр. 42—46, 65—69.

¹⁴ И. А. Батманов. Современный киргизский язык, вып. I. Фрунзе, 1963, стр. 59; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 41; Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1956, стр. 138.

¹⁵ Ш. М. Абдуллаев. Указ. автореф.

¹⁶ Л. В. Златоустова. Указ. раб.

Анализ длительности гласных в двух- и многосложных словах показал, что средняя длительность гласных конечного слога обычно больше длительности гласных предшествующих слогов (см. таблицу 2).

Таблица 1

Средняя высота основного тона (в герцах)

СГ—СГ—СГ	СГ—СГ—СГС	СГ—СГС—СГ	СГС—СГС—СГС
155—175—199 149—159—165	152—168—189 121—122—128	155—161—185 147—159—165	150—181—198 150—156—163
155—176—191 157—141—172	177—168—204 147—146—178	168—172—186 139—151—177	166—171—205 156—143—176
155—185—198 150—139—175	156—169—191 144—144—168	145—173—194 133—155—180	
	163—153—200 114—150—191	150—147—184 129—166—133	156—126—199 151—145—179
156—162—203 154—158—185	172—151—202 162—155—194	165—166—198 156—156—178	171—173—209 161—159—197
	141—161—209 133—182—199	152—164—191 158—161—195	
153—173—189 147—153—183	175—157—195 171—160—191		
	154—167—175 154—169—196	173—188—204 166—171—200	

Таблица 2

Относительная средняя длительность (в миллисекундах)

СГ—СГ—СГ	СГ—СГ—СГС	СГ—СГС—СГ	СГС—СГС—СГС
1,0 1,2 1,4 0,9 1,1 1,5	1,1 1,2 1,3 1,0 1,1 1,3	1,0 1,1 1,4 0,9 1,0 1,3	1,2 1,1 1,4 1,1 1,0 1,3
0,8 0,9 1,4 0,8 1,0 1,5	1,0 1,1 1,5 1,1 1,2 1,3	1,0 1,0 1,6 1,0 1,1 1,6	1,0 1,1 1,3 0,9 1,1 1,3
1,0 0,9 1,6 0,9 1,0 1,6	0,8 1,1 1,2 1,3 1,0 1,3	0,9 1,0 1,5 0,3 1,0 1,5	
	1,3 0,9 1,0 1,2 0,9 1,4	0,7 0,8 1,6 0,9 0,7 1,8	1,0 0,9 1,0 1,0 1,0 1,2
0,9 0,9 1,3 0,9 1,3 1,8	1,2 1,2 1,5 1,1 1,1 1,4	1,2 1,0 1,5 1,1 1,1 1,6	1,4 1,2 1,5 1,2 1,0 1,4
	1,0 1,1 1,3 1,2 1,2 1,4	1,1 1,3 1,5 0,9 1,2 1,6	
1,1 1,1 1,5 1,2 1,0 1,7	1,0 1,1 1,2 1,2 1,2 1,1		
	1,1 1,0 1,1 1,3 1,0 1,2	0,8 1,2 1,6 0,5 1,3 1,9	

Примечание. В таблицах 1 и 2 приводятся значения средней высоты основного тона и средней длительности гласных в трехсложных словах со слогами различной структуры: в первой строке — данные, полученные от диктора А., во второй — от диктора Т.

Протяженность гласного звука во времени обуславливается качеством слога, позицией, длиной звуковой цепи в целом, темпом произношения. В частности, по мере увеличения количества слогов в слове сокращается длительность гласных звуков (см. рисунки 1 и 2). Все это может в определенных фонетических ситуациях привести либо к нейтрализации ударного и предшествующего гласных по длительности, либо к тому, что длительность одного из препозитивных гласных превышает длительность акцентируемого гласного.

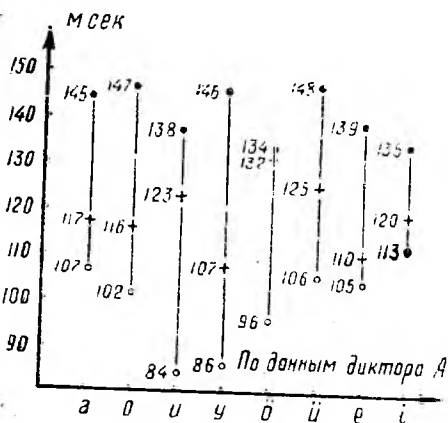

Рис. 1.

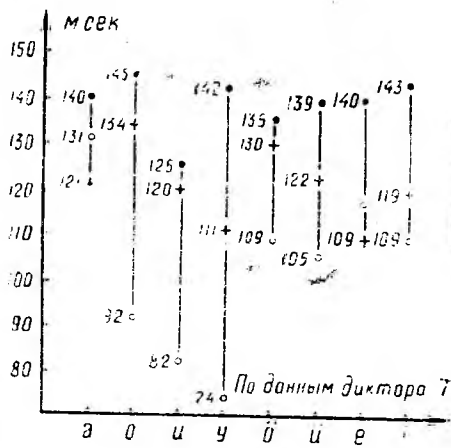

Рис. 2.

Зависимость длительности (в мсек) гласных от количества слогов в слове:

- длительность гласных в двухсложных словах;
- + — длительность гласных в трехсложных словах;
- о — длительность гласных в четырехсложных словах.

Кроме того, следует признать, что в киргизском языке длительность, наряду с интенсивностью и тоном, регулярно участвует в создании словесного акцента, хотя ее соотносительные параметры менее устойчивы, нежели соотносительные параметры интенсивности и тона (последние оказались, по экспериментальным данным, более свободными от фонетических условий).

По морфологическим признакам киргизский язык относится к агглютинативным. Морфологическое оформление слова осуществляется присоединением к основе различных аффиксов и характеризуется единым типом склонения и спряжения. Возникающие в процессе аффиксации вариации склонения и спряжения прежде всего объясняются законами фонетики, морфологические же факторы всегда остаются одними и теми же¹⁷.

Аффиксация так или иначе может изменить звуковой облик слова, ее действие может распространиться не только на сегментные, но и на суперсегментные единицы языка. Это подтверждается постоянным разграничением ударных и безударных аффиксов в тюркском языкознании еще со времен М. А. Казембека и Н. А. Ильминского.

Экспериментальные данные полностью соответствуют, например, известному положению об ударности аффиксов падежей принадлежности, множественного числа, отрицания, времени, условного и желательного наклонений. Интерпретировались частота ОТ, интенсивность

¹⁷ Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960, стр. 35.

гласных конца основы и последующих аффиксов, так как естественно было ожидать возможного изменения акцентуации речевого сигнала именно на этом участке.

По мере линейного увеличения слова за счет всевозможных аффиксов контрастнее проявляются признаки второстепенного ударения. Так, в слове *bürk'üttörübüzdüp* обнаружены два акустических ядра: первое ядро с большими значениями интенсивности, частоты ОТ и длительности сосредоточено на гласном падежного аффикса *-düp*, второе ядро с несколько меньшими значениями указанных параметров — на гласном аффиксе множественного числа *-tör*. В сверхдлинных словах типа *körsuzdandyrylbayandyktarynyzdarđan* 'оттого, что вы не обезопасили себя' может быть более двух ударений. В противном случае такое слово невозможно осмыслить и произнести. Лингво-психологические опыты показали, что емкость оперативной памяти человека на образ речевого сообщения ограничивается примерно семью слогами¹⁸.

Итак, с точки зрения акустики, киргизское СУ складывается из трех компонентов: силового, временного и тонового, которые проявляются в относительном увеличении параметров интенсивности, длительности и частоты ОТ. Иными словами, оно — динамическое, количественное и музыкальное.

Однако такая оценка была бы в известной мере односторонней, так как при этом остается невыясненным языковое назначение изучаемого явления. В данном случае лингвистическая интерпретация должна основываться на результатах и акустического, и перцептивного подходов. Последний имеет определенное значение в том смысле, что опытами по восприятию можно выяснить значимость тех или иных параметров для носителей языка¹⁹.

С другой стороны, это содействовало бы разработке моделей восприятия речи, необходимых для создания систем автоматического распознавания речевых сигналов²⁰.

Результаты опытов по восприятию и акустические данные позволяют считать киргизское словесное ударение функцией интенсивности (силы) и длительности (времени). Тон по сравнению с этими величинами является менее существенным параметром:

Параметр	Акустический аспект			Аспект восприятия		
	интенсивность	тон	длительность	громкость	тон	время
Релевантный	да	да	да	да	нет	да
Иррелевантный	нет	нет	нет	нет	да	нет

¹⁸ «Речь. Артикуляция и восприятие». М.—Л., 1965, стр. 215—223; В. А. Москович. Глубина и длина слов в естественных и искусственных языках. — В кн.: «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969, стр. 116.

¹⁹ Л. А. Вербицкая. О роли опытов по восприятию в экспериментально-фонетическом исследовании. — В кн.: «Методы экспериментального анализа речи». Минск, 1968, стр. 38.

²⁰ Л. В. Бондарко, Н. Г. Загоруйко и др. Модель восприятия речи человеком. Новосибирск, 1968; Исследование речи. Труды Хаскинской лаборатории в Нью-Йорке, пер. с англ. Новосибирск, 1967; Проблемы прикладной лингвистики (тезисы докладов), ч. I—II. М., 1969; Дж. Л. Фланаган. Анализ, синтез и восприятие речи. М., 1968.

Предлагается следующее определение киргизского СУ: *словесное ударение в современном киргизском языке является динамико-количественным*.

В нормально произнесенной фразе слова, как правило, вступают в смысловые, синтаксические и фонетические отношения, в результате чего образуются целенаправленные материальные звенья в виде синтаксических единиц²¹. Изучение киргизского ударения на уровне этих синтаксических единиц явилось следующей ступенью настоящего исследования.

Материал был подобран таким образом, что в составе фраз непременно встречались слова как в исходной форме, так и с различными именными и глагольными аффиксами, уже исследованные с точки зрения акцентуации изолированных слов. Например:

1-я реализация

šek'er
bala
žylkyçy+lar и т. д.

2-я реализация

Bala mek'tepk'e barat / Bizdin bala
mek'tepk'e barat / Mek'tepk'e barat
bizdin bala.

Такой подход, с одной стороны, позволяет выявить изменения, происшедшие в акцентной структуре слова в условиях фразы, и сравнить их с изолированным произношением (см. рис. 3, 4), а с другой — вероятно, поможет в какой-то мере объяснить функциональный аспект ударения.

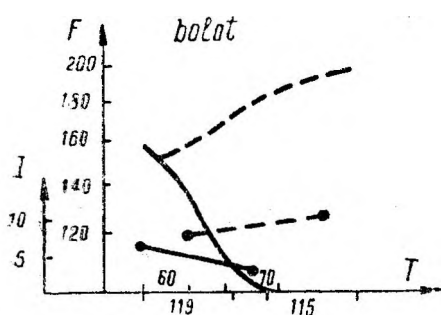

Рис. 3.

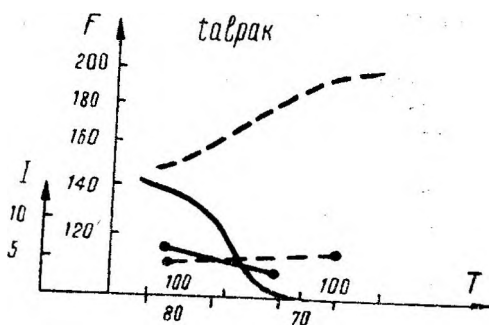

Рис. 4.

Изменения величин интенсивности (I мм), основного тона (F гц) и длительности (T мсек) гласных в словах, произнесенных изолированно и в контексте.

Полученные экспериментальные данные прежде всего говорят о необходимости строгой дифференциации словесного ударения и ударения синтагматического. Синтагматическое ударение, обладая всеми признаками СУ²², вместе с тем несет в себе черты, обусловленные структурными, смысловыми и функциональными особенностями фразы. Внешне это отличие выражается динамичностью синтагматического ударения. Передвижение синтагматического ударения диктуется смысловым содержанием высказывания. Оно падает на слово, несущее наи-

²¹ С. М. Бабаев. Особенности интонации простых повествовательных предложений с деепричастными оборотами в современном азербайджанском языке (в сравнении с английским). В свете экспериментальных данных. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966.

²² Г. П. Торсуев. Вопросы акцентологии современного английского языка. М., 1960, стр. 4.

большую коммуникативную нагрузку в пределах синтагмы. Остальные слова, входящие в состав синтагмы, примыкают к данному стержневому слову либо справа, либо слева и образуют вместе с ним единый фоносемантический комплекс. Этот факт еще раз подтверждает взгляды Л. В. Щербы и В. В. Виноградова на синтагму как сегмент фразы, представляющий собой фонетическое единство, которое в процессе речи мысли выражает единое смысловое целое и тем самым отображает фрагмент реальной действительности²³.

Выяснилось, что в качестве демаркационных сигналов в киргизской фразе выступают пауза, мелодика (перепад мелодической кривой на стыке синтагм). Не менее важным средством сегментации высказывания является совокупность мелодики и ударения. Это подтверждается данными, полученными на основе анализа 92 фраз.

Средства сегментации фразы		Ударение	Мелодика	Ударение+мелодика
дикторы	Т. Абдыракунов	10,2%	43,7%	46,1%
	Р. Тазабеков	13,1%	47,4%	39,5%
Релевантный		нет	да	да
Иррелевантный		да	нет	нет

Ударение и мелодика выступают совместно в качестве демаркационного сигнала обычно в тех случаях, когда конечное слово предшествующей синтагмы маркируется синтагматическим ударением.

Надежным указателем межсинтагменных границ выступает пауза. Поэтому сочетание паузы с любой другой суперсегментной единицей с точки зрения средств членения речевого потока является избыточным (см. рис. 5, 6).

Наконец, следует отметить, что прибор и человек регистрируют паузу совершенно по-разному. Так, если по данным восприятия паузы имеются в 27 фразах из 51 (52,3%), то по осциллограммам установлена пауза лишь в 12 фразах (23,5%).

В том случае, когда изолированное слово с различными именными и глагольными аффиксами реализовано в составе фразы, на его ударение, как правило, накладывается акцентная особенность всей фразы, которая представляет собою актуализованную единицу сообщения. При этом ударение падает на любой компонент синтагмы. Это особенно заметно в словах с именными аффиксами и аффиксами простых глагольных времен. В формах же сложных глагольных времен и некоторых наклонений ударение статично. По-видимому, это объясняется тем, что конструкция «глагол+сопутствующее слово» представляет собою самостоятельную единицу с фиксированным ударением и более стабильным ритмико-мелодическим контуром.

На основе экспериментальных данных была сделана попытка определить языковое назначение киргизского ударения. Оно уже изуча-

²³ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1948, стр. 85; В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. М., 1950, стр. 183.

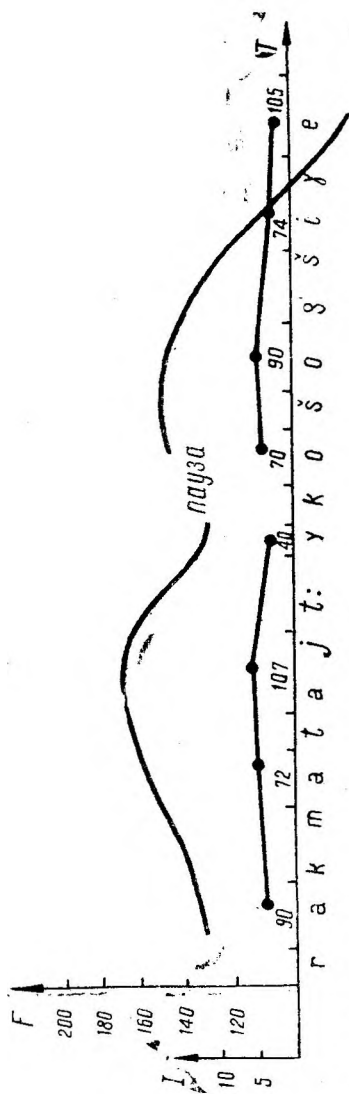

Рис. 5.

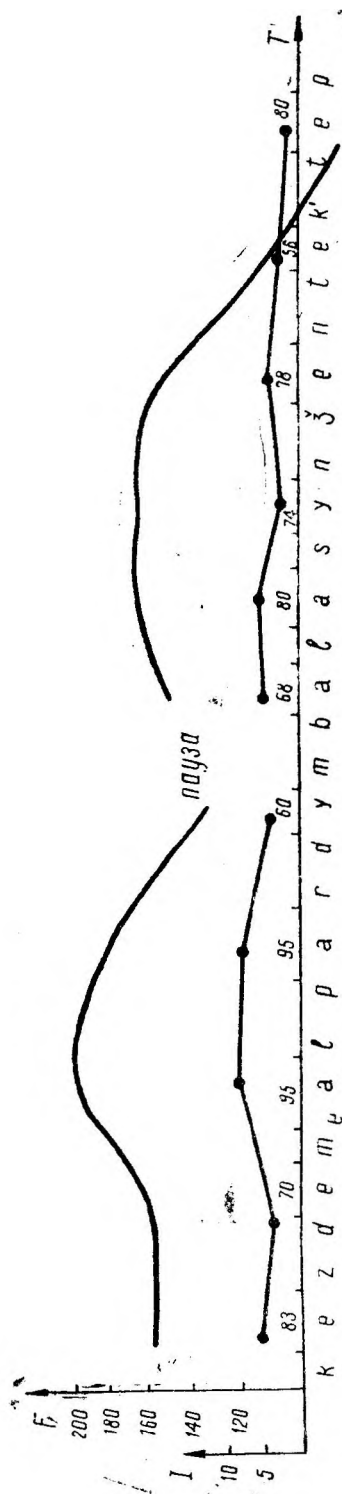

Рис. 6.

Паузы и перепады в движении мелодики на межслогамных границах.

лось на уровне слова и синтагмы. Представляется логичным рассматривать ударение в соответствии с этими двумя языковыми уровнями и в функциональном плане.

Ударение на разных языковых уровнях выполняет различные коммуникативные функции²⁴. Конечно, эти различия являются относительными: функция ударения на одном языковом уровне есть функция ударения на предшествующем языковом уровне плюс нечто новое. Это «нечто новое» присуще ударению только данного уровня и является его лингвистическим (функциональным) признаком.

С указанной точки зрения в киргизском языке (и не только в киргизском, но и в других родственных ему языках) СУ не является смысловоразличительным.

Обычно когда утверждают, что СУ в тюркских языках имеет смысловоразличительную функцию, то в качестве доказательства приводят такие «оппозитивные по ударению» пары, как кирг. *učkũčsũz* 'без летчика' — *učkũčsuz* 'вы — летчик', азерб. *bāšla* 'головой' — *bašlá* 'начинай', узб. *otingiz* 'ваш конь' — *otĩngiz* 'бросьте' и др. Подобную аргументацию нельзя считать правильной, поскольку в ней искусственно смешиваются функции ударений разных языковых единиц. В этом нетрудно убедиться: первые части приведенных выше пар представляют собою самостоятельные слова с определенной акцентной структурой, а вторые — готовые фразы, также имеющие своеобразную суперсегментную структуру.

Иначе обстоит дело, например, в славянских и германских языках: русск. *заворѳт* (проворот) — *заворот* (загиб), нем. *unterhálten* 'развлекать' — *ũterhalten* 'держатъ'. Здесь смысловые различия по ударению конкретизируются на уровне слова. Не случайно поэтому Л. Блумфилд и З. С. Харрис роль ударения в этих языках отождествляют с ролью фонем²⁵, хотя ударение, по существу, является лишь надстройкой над фонетическим составом слова²⁶.

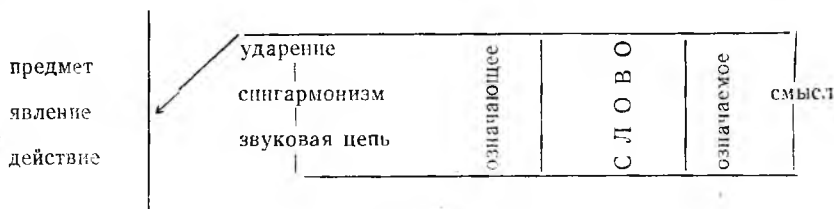
Киргизское ударение не может выступать в роли просодического дифференциального признака. Его назначение состоит не в том, чтобы быть средством семантического различения слов, а в том, чтобы наряду с сингармонизмом сцеплять сегментные единицы и тем самым организовывать звуковые звенья в некие законченные единства. В соотношении «языковой знак — реальная действительность» ударение выступает как инвентарь означающего, то есть в качестве единицы плана выражения. Так, означающее знака *ѳугак* состоит из *ѳ+у+г+а+к*+сингармонизм+ударение; соотношенность ударения и означающего в целом с предметом опосредствована означаемым *ѳугак* 'светильник'.

С этих позиций представляется более близкой к истине мысль о том, что киргизскому СУ присуща **словоорганизующая функция**, а не словоразличительная, как это обычно утверждается в имеющейся по данному вопросу литературе.

²⁴ R. Jakobson. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie — TCLP, 4. Prague, 1931, стр. 165; E. Polivanov. Zur Frage der Betonungsfunktionen. — TCLP, 6. Prague, 1936, стр. 75—76.

²⁵ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 111—112; Основные направления структурализма. М., 1964, стр. 226.

²⁶ Е. Курилович. Система русского ударения. — «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 436—437; П. С. Кузнецов. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. — В сб.: «Теоретические проблемы прикладной лингвистики», вып. I. М., 1965, стр. 97; Т. В. Булыгина. О некоторых аналогах в соотношении семантических и звуковых единиц. — «Вопросы языкознания», 1967, № 5.

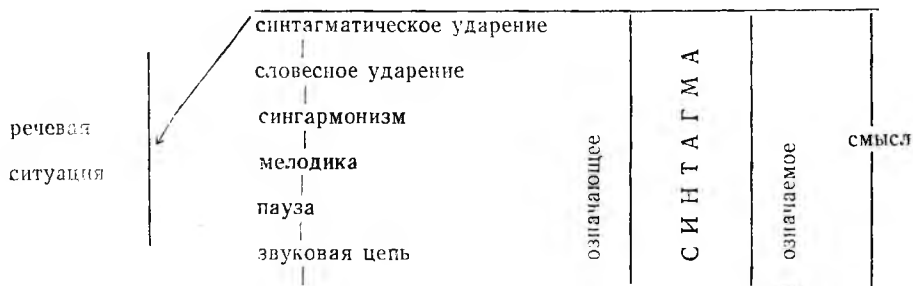
Синтагмы возникают в процессе речи-мысли. Живая фраза становится осмысленной, выразительной и более удобной для восприятия благодаря членению на синтагмы. Сегментация фразы на синтагмы зависит от осмысления говорящим той жизненной ситуации, которая побуждает его к речевой коммуникации. Например, предложение *koĝoĝo k'ürök' žatat* 'во дворе лежит лопата' в одном случае может быть представлено односинтагменной фразой, в другом — двухсинтагменной. Ударение падает на последние слоги слов *koĝoĝo* и *k'ürök'*, на этих же слогах сосредоточиваются две мелодические вершины, между которыми наблюдается резкий спад частоты тона:

$$\frac{F_2}{F_1} = \frac{135 \text{ гц}}{205 \text{ гц}} \approx \frac{1}{1,6}$$

В русском языке при членении фразы на синтагмы можно говорить о различительной функции просодических единиц, заключающейся в выявлении различий смысла и синтаксической структуры внешне совершенно одинаковых фраз²⁷. Для киргизского языка данная функция не характерна. Во фразах типа *Ordunan turup, Mukaš atyn bajlady* 'Встав с места, Мукаш привязал (своего? его?) коня' просодические единицы не могут устранить двусмысленности смысла. Ясность может внести лишь контекст.

Синтагматическое ударение относительно усиливается на одном из слов синтагмы. Слово, на которое оно падает, представляется коммуникативно важным элементом. К этому слову примыкают другие, имеющие в данной речевой ситуации меньшее коммуникативное значение.

Внешне киргизская синтагма выражается звуковой цепочкой, усиленным ударением, переломом в движении мелодики и паузой, особенность которых заключается во взаимосвязи и взаимообусловленности. Ударение, являясь компонентом такого единства, имеет **синтагмоорганизующую функцию**.

²⁷ А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка. М.—Л., 1949, стр. 112; Л. Л. Буланин. Фонетика современного русского языка. М., 1970, стр. 172.

Из теории пограничных сигналов в языке известно, что для тюркского ударения характерна делимитативная (словоразделительная) функция²⁸. Эта точка зрения основана на том, что в тюркских языках ударение связано. Конкретно киргизскому ударению эта функция не свойственна, поскольку во фразе оно подвижно. Но вместе с тем некоторые экспериментальные данные указывают на существенное значение ударения при сегментации речевого потока на отдельные слова. В частности, это подтверждается в случаях стыка слов при ситуациях «ударение+элизия», «ударение+гемината», «ударение+нарушение сингармонизма»²⁹.

Сегментные и суперсегментные единицы в аспекте пограничных сигналов заслуживают специального изучения. Думается, что это имеет не только общетеоретическое, но и прикладное значение.

²⁸ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1970, стр. 299.

²⁹ А.-К. Орусбаев. Ударение и пограничные сигналы. — В сб.: «Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем». М., 1971, стр. 16—24.

А. Ш. САДЫГОВ

ОБ ОДНОМ НЕИЗУЧЕННОМ ПАМЯТНИКЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА XVI ВЕКА

Большую часть многочисленных письменных памятников азербайджанского языка, относящихся к XIII—XIX вв., составляют поэтические произведения, язык которых ограничен спецификой стихотворного жанра. Поэтому значительную ценность для изучения истории языка представляют памятники, написанные прозой. К числу последних относится недавно обнаруженный письменный памятник азербайджанского языка XVI в.

سلطان الاوليا و المحققين فى آفاق صفى و الملة و الدين اسحاق
قدس الله سره العزيز نونك تذکره سى شیرازلو مولانه محمد کاتبونک
تصنيفى

Рукопись памятника, получившая условное название «Шейх Сефи», находится в рукописном фонде Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (каталог Ханыкова, 91).

Оригинал тезкире «Шейх Сефи», известный под названием «Сеф-вет-ус-Сефа» (صفوة الصفی), был написан на персидском языке Тевеккул ибн-Беззасом под руководством Шейха Садрадинна в 750 г. хиджры (1350). Эта рукопись также хранится в рукописном фонде Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (каталог Дорна, 300).

Персидский оригинал состоит из 1082 страниц. Формат рукописи 17×26,5 см, а самого текста — 8,7×16,1 см. На каждой странице 15 строк. Текст написан черными чернилами, ясным, изящным почерком *насталик*.

Основу содержания тезкире «Шейх Сефи» составляют религиозно-фантастические рассказы о главе секты суфиев-дервишей, действовавшей в XIII—XIV вв. в Азербайджане (г. Ардебиль), основателе династии Сефевидов Шейхе Сефиаддине Исхаг ал-Мусеви ал-Ардебиле (650—735//1252—1334)¹ и других шейхах той же секты. Однако в тезкире нашли отражение и реальные исторические факты общественно-политической жизни Азербайджана того времени.

¹ О. А. Эфендиев. Образование Азербайджанского государства сефевидов в начале XVI века. Баку, 1961, стр. 61.

Тезкире «Шейх Сефи» было переведено в 949 г. хиджры (1542/43 г.) Мухаммедом ибн-Гусейном Нишати на азербайджанский разговорный язык².

Формат рукописи перевода 20,2×31 см, текста — 11,5×20,2 см. На каждой странице 19 строк. Текст написан черными чернилами, четким почерком *насталик*. Все произведение состоит из 12 глав, каждая из которых содержит несколько разделов. В тезкире включены стихотворные отрывки, связанные с описываемыми событиями. Иллюстрации или миниатюры в рукописи отсутствуют.

В эпоху, когда было написано тезкире, листы рукописей не нумеровались, поэтому в конце каждой страницы специально записывалось начальное слово следующей.

Сам переводчик сообщает о себе в тезкире «Шейх Сефи» очень немного:

Fägirlärün bändäsi vâ dârvišlärün ajayy topray Mähämmäd K'atib äl jâ'râf Nišati k'im Sirazuñ šähärindä bir bužaydä oturub tänam ovğatyny dârvišlik' ilän tañrynuñ taät ilä ibadätinä k'eçürür... (6—7) 'Бедный и униженный из дервишей Мухаммед Катиб, известный под псевдонимом Нишати, сидя в одном из уголков Шираза, все время проводит в молениях и покорности богу'.

Переводы Нишати (читателям известна также его датированная 945 г. хиджры рукопись под названием «Шухаданаме», также представляющая собой перевод с персидского языка на азербайджанский) свидетельствуют о том, что он был не только искусным каллиграфом, но и свободно владел арабским, персидским и тюркскими языками, хорошо знал тюркоязычную литературу.

Нишати обладал и поэтическим даром:

Hâr nâzm k'i bu tâzk'irädä jazdy gälâm,

Gamü özümünçür k'i, râğäm ejlâjübâm' (10)

'Все стихотворения (букв. каждое стихотворение), написанные пером в этом тезкире, Принадлежат мне самому, (они) написаны мною'.

Тем самым Нишати подчеркивает, что тексты поэтических переводов тоже принадлежат ему самому.

Поскольку в тезкире «Шейх Сефи» нашли отражение многие особенности азербайджанского языка XVI в., всестороннее лингвистическое исследование этого памятника имеет весьма важное значение для изучения истории азербайджанского языка.

Тезкире «Шейх Сефи» написано на достаточно простом разговорном языке. Переводчик старался широко использовать общеупотребительные азербайджанские слова и обороты. В поисках точного соответствия тому или иному персидскому термину переводчик иногда обращался к диалектам и говорам азербайджанского языка. Например: вместо слова *nâhajât* 'наконец' употреблено слово *soñuži*: *Soñuži ähvaly aña jetdi k'im, oñrylyg ejlâjüb nâmaz gylmâzdi* (335) 'Наконец дошел до

² Переводчик-каллиграф датирует рукопись следующим образом:

Çu šejxuñ haly oldi mundä mäzk'ür

Munuñ tarixi hal šejx oldi

'Как только завершена была история шейха,

Она была датирована *hal шейх*'.

Здесь выражение «*hal шейх*» по абджадскому летоисчислению соответствует 949 г. хиджры.

того, что занялся воровством и не молился'; вместо *allah* 'бог' — *taŋ-ru*: *Amma murad taŋrynun muradydur* (124) 'Но желание есть желание бога'; вместо *šej*, *äšja* 'предмет' — *nästä*: *Bir ay nästä andän jerün jüzinä tök'üldi* (103) 'Что-то из него сыпалось на землю'; вместо *šahid* 'свидетель' — *danu*: *Ibrahimi muŋa danu dutdi* (602) 'Он свидетелем указал Ибрагима'; вместо *šarab* 'вино' — *šaxu*: *Bir gün mäne bir jaman jerä šaxu içmäg'ä aparurlardy* (764) 'Однажды меня взяли в одно скверное место пить вино'; вместо *täršümä edilmäk* 'быть переведенным' — *dönmäk*: *...farsi dili ilän jazylmyš idi, ...äg'är türk'ijä dönsä gamu türk' müridlär bilä bitün Türk'istan adamlary andän fajdälär g'örälär* (8—9) '...было написано на персидском языке, ...если будет переведено на тюркский язык, вместе со всеми тюркскими мюридами все туркестанцы тоже будут им пользоваться' и т. д.

Значительная часть лексики тезкире не сохранилась в современном азербайджанском литературном языке, однако многие слова до сих пор употребляются в азербайджанских диалектах и говорах, иногда с некоторыми фонетическими изменениями; например: *ganžuŋa* 'ремень; ремень для привязывания чего-нибудь к передней части седла'. *Soğ xälajig ardysyğä jüg'ürürlär vä neçälär ällärin häzrät šejxuŋ ganžuŋasyna urubdurlar* (720) 'Многие бежали за ним, и некоторые даже прикоснулись к седельному ремню коня шейха'.

В диалектах и говорах азербайджанского языка *ganžuŋa||ganžubaŋu* употребляется в значениях: «седельные ремни», «тонкие ремни в передней части седла, используемые для привязывания (чего-нибудь)»³.

قولنج (*gulyŋz*) 'боль в спине'. *Bir zinninuŋ bir gulyŋzi var idi, ol äšk'iji ol gulyŋzuŋ jerinä gojdi, šejxuŋ bäräk'ätindän dārhal gulyŋzi sayaldy* (224) 'У одного сумасшедшего была боль в спине, и он, положив на это место тряпку, благодаря шейху излечился'.

Данное слово в нухинском диалекте азербайджанского языка употребляется в той же форме и в том же значении⁴.

صالىغ (*salyŋ*) 'весть'. *Däxi härg'iz gurtlärädän k'imsä salyŋ vermädi* (561) 'Никто больше о тех волках не сообщал'; *Ol jolä k'i salyŋ vermiş idi, vardum* (776) 'Туда, куда он указал, я поехал'.

Данное слово в азербайджанских диалектах и говорах употребляется в формах *salyŋ||salyx* в значениях «известие, сообщение, весть»⁵.

تبشی || تبشی (*täbši||täpši*) 'поднос'. *Täbšinuŋ içindä bir böjüŋ' çöräk' idi bir parä guru jüzüm ilän* (652—653) 'На подносе был большой каравай хлеба и немного изюма'; *Neçä ärük'i dārüb bir täbšijä gojub joluŋ üstünä aparajum* (302) 'Соберем немного абрикосов, положим на поднос и вынесем на дорогу'.

Слово *täbši* в дманисском говоре казахского диалекта азербайджанского языка встречается в форме *terši* и имеет значение «тарелка»⁶, а в других диалектах и говорах той же западной группы употребляется *tešvi||tešfi* в значении «глубокая тарелка»⁷.

³ Азербайжан дилинин диалектологи лүгәти. Баку, 1964, стр. 111.

⁴ См.: М. Исламов. Азербайжан дилинин Нуха диалекти. Баку, 1968, стр. 240.

⁵ См.: Нахчыван МССР-ин диалект вэ шивэләри. Баку, 1966, стр. 249; Азербайжан дилинин гәрб групы диалект вэ шивэләри. Баку, 1967, стр. 235.

⁶ См.: В. Т. Джангидзе. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965, стр. 93.

⁷ См.: Азербайжан дилинин гәрб групы диалект вэ шивэләри, стр. 293.

В тезкире имеется ряд слов, не характерных для диалектов и говоров азербайджанского языка, но употребляющихся в других тюркских языках. Например:

بارخ (barx) 'дом'. Hānuz bir həftə ötməmiş idi k'im bitün evi ilə barxu vigan və xərab oldi (340—341) 'Не прошло и недели, как весь его дом был перевернут вверх дном и опустошен'; Maly ilə əsbaby və barxu ilə diväləri tärk' edüb rəvan oldi (240) 'Оставив свое богатство, имущество, дом и верблюдов, он отправился в путь'.

Данное слово в словаре В. В. Радлова (барк) дается в значении «строение», «дом и все принадлежащее ему (утварь и люди)»⁸, а в «Лексике среднеазиатского тefsира XII—XIII вв.» (барқ) имеет значение «дом»⁹.

بلغار (bolʔar) 'кожа'. Bir jil Mahmudabaddan galyn bolʔar satun almyş idi, bäs k'im bolʔar k'äsärdi çäk'mä içün (284—285) 'Когда-то в Махмудабаде покупал много кожи и готовил кожу для сапог'.

В словаре В. В. Радлова булʔар также имеет значение «кожа»¹⁰.

قيرغیل (gyrʔyl) 'человек среднего возраста'. Agsəggällüläri ök'inä alub gyrʔyllary ortajä byraxub jig'itlär gyrʔyllarün ardynä və uşaylar gamusyndän g'eridä bejlälik' ilän varäsynyz (77) 'Стариков пропустите вперед, людей средних лет поставьте в середину, юношей — за ними, а детей — после всех, — так и пойдете'.

В словаре В. В. Радлова слово кырʔыл приводится в значении «сероватый, седеющий»¹¹, имеется в виду цвет волос человека среднего возраста.

اله اول (älä olmag) 'быть порченным, инвалидом'. Jeddi g'ün mundän ötünzä zudam illäti aḡa joluxub älä oldi (344). 'Спустя семь дней после этого он заболел, заразившись чумой'; K'işi älä olub säggaly ilə gaşy, k'irpuk'i bitün tök'üldi (337) 'Мужчина захворал, у него поредела борода и стали выпадать усы и ресницы'.

В словаре В. В. Радлова это слово (älä-) дается в значении «быть инвалидом, негодным»¹².

يیرله (jirlämäḡ) 'петь (песню)'. İşarät ilän mənə bujurdi k'im jirlä, mən bu bejti oxudum (586) 'Он сделал мне знак петь, и я спел этот бейт'; Cün häzrät šejx öz mübaräk' gulaḡy ilän anuḡ jirläduḡini ešitdi, sämaä ä'zm ejlädi (557) 'Когда святой шейх услышал своим благословенным ухом его песни, он начал танцевать'.

В словаре В. В. Радлова (jirpla)¹³, а также в «Лексике среднеазиатского тefsира» данное слово (irpla)¹⁴ приводится в значении «петь».

جانغيت (ǰanʔytmag) 'советоваться'. Häsudlar bir biri ilän ǰanʔytdylar k'im daḡlä šejx Zahidün mäšlisini bejlä tärtib edälim k'im mäšal olmajä k'im šejx Säfiäddin šejx Zahidün mäšlisindä jer bulub oturä bilä (126) 'Завистники советовались, как завтра организовать беседу шейха

⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. т. IV, стр. 1483.

⁹ См.: А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 91.

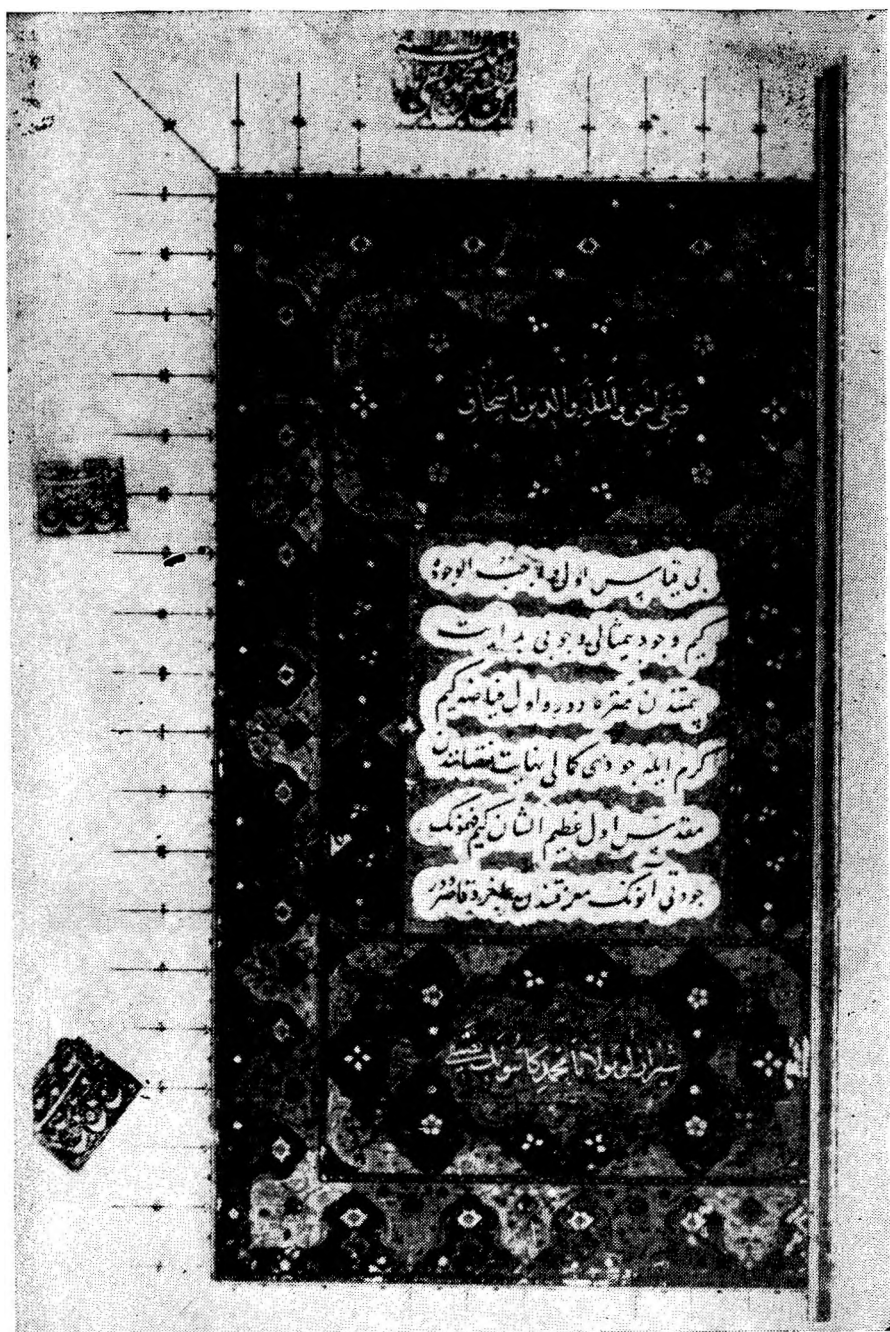
¹⁰ В. В. Радлов. Указ. раб., т. IV, стр. 1850.

¹¹ Там же, т. II, стр. 751.

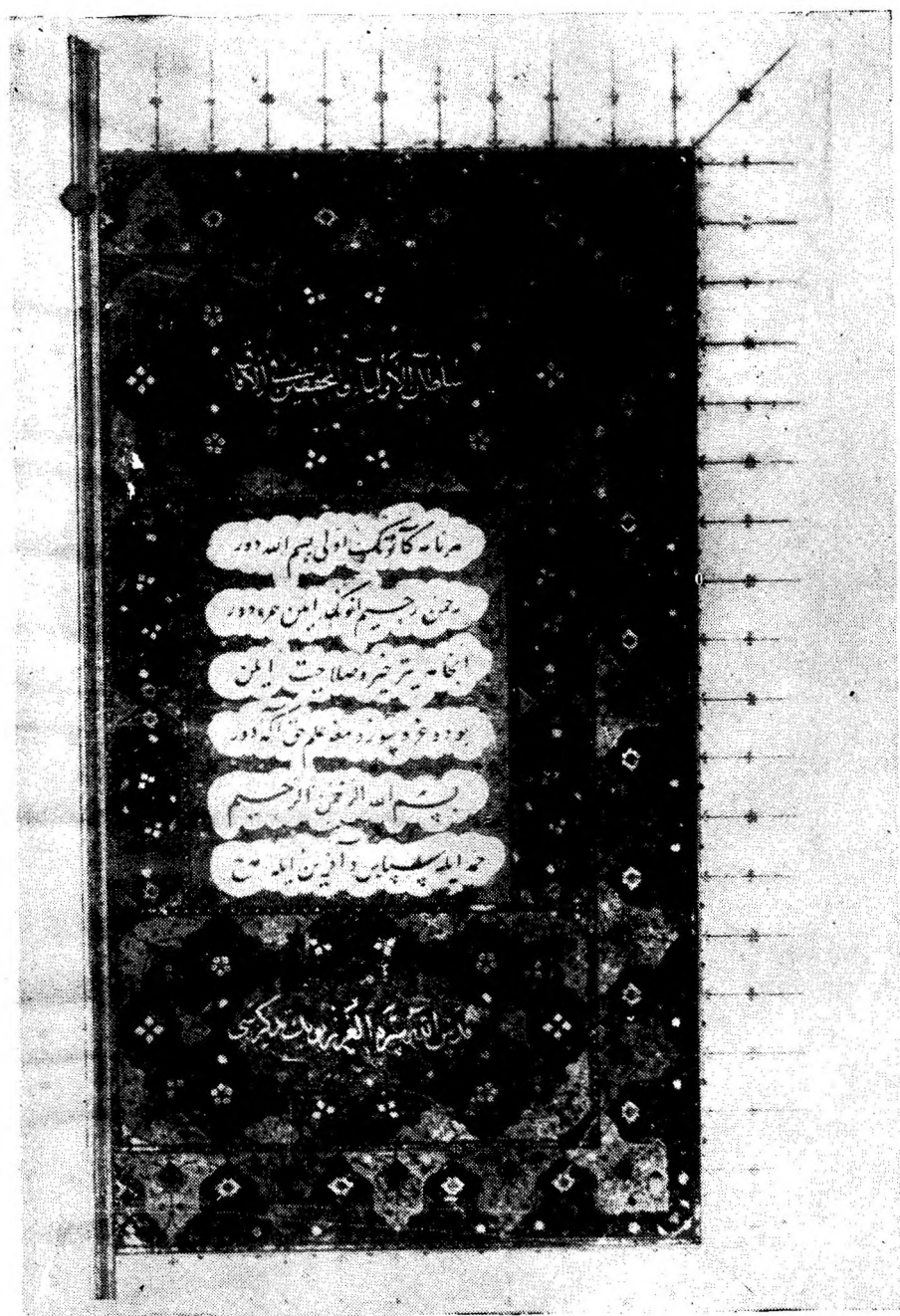
¹² Там же, т. I, стр. 810.

¹³ Там же, т. III, стр. 516—517.

¹⁴ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 129.

2-я страница тезкире «Шейх Сефи»

1-я страница тезкире «Шейх Сефи»

توقت اولدی میان کیم دلبندی حجب ایدیلار بیج رنایان اولوب بایماست
ایدی بکیم رکنده قصور بولماست ایدی قانده کاکو کیم نوری اندی اولد
قاجان انجان ایدیلور زینان استلاردن بیری شیراز لاهی سب
ایدی حکایت پیره خالین ایلمن پیره خضره و پیره عوض شاه محمود امانده
دارولاردی بولده کیم رکن پیره خالین اخی تهلوک کیم تفریقین ایدی بولدا اشلاری
دیدیلار اول جیمسه سداقتی سوکر بخو یک ایلمن ریاضت لاری کلکین ل پیره خالین
دیدیک کلکینانی سیدیم تا سیرله سیر کیم اخی شهاب بخو کیشی دور پیره خالین دیدی
منه آن دن دوزم ایستیم پیره خضره دیدی منوم ایچون قاون کتورسون پیره عوض شاه
دیدیک سکا بال کر کدور چون اخی شهاب کیم ایون قونده یلار لفظ ده پیره خالین سوک
یایته اوروم قیدی و پیره عوض شاه ایچون بال کتوردی و دیشجاری حجبی پیر کیم سیر
صوبه کوره قاید و پیره خضره دیدی سن عینه کاک زحمت و پرورسن نوکوز جاعده سن
بسولما ایچون قاونی خاندن کتوراسم بیت کیم کرک کیم کولدن خبر آلدی فانوسیه پیلور
زیرا کیم کونکول قاموسلار دنی فاضل دور

رباعی

کیم بو کتانی و کلپ صیقلین	کیم ایچیم حسن خلق منی سیندن
مخبر کونی ده شاعین ایدیلار	یغما میر و شاه دین حسین الحسن

رباعی

پورنشکر کیشین نورالمه و آلمه کلام	بیخو کیم ده دندن اولدی بو نیت تمام
بر کیم منی پناهت ایلمن آتسون	عنایه تانکری سوچلارین بوقم قیام

Захида, чтобы шейх Сефиаддин, оставшись без места, не мог принять в ней участия'.

В словаре В. В. Радлова чанкі дано в значении «совещание, рассуждение, распоряжение»¹⁵.

В тезкире имеются также слова тюркского происхождения, сохранившие до настоящего времени свое исконное значение в азербайджанских диалектах и говорах, а также в других тюркских языках, но в современном азербайджанском литературном языке употребляющиеся с измененной семантикой:

قول (gol) 'сторона'. Anuñ say golinä vardum (244) 'Я перешел на его правую сторону': Bizim ulusumyž ilä gajtulumyž хану goldädur? (183) 'В какой стороне наша родина и дорога, по которой мы должны вернуться?'; Saydak'у goldä durân jid'it g'älä idi (191—192) 'Пришел бы тот молодец, что стоял справа'.

В современном азербайджанском литературном языке данное слово употребляется в значении анатомического термина «рука». Но в кубинском диалекте азербайджанского языка это слово в форме gal сохраняется в значении «сторона»¹⁶.

Интересно, что в некоторых диалектах в указанном значении употребляется слово äl 'рука'¹⁷.

آغنا (aḡna-) 'катиться', آغنات (aḡnatmag) 'катить, перекачивать'. Mübaräk' äli ilä almäni xəfijjānūñ ök'inä byraxdy vā govun Šämsäddinūñ ök'inä aḡnatdy (668) 'Святой рукою он яблоко пустил в сторону ханийе и дыню перекатил к Шемседдину'; Mövlana ol balçuñ ortasyndä aḡnajä-aḡnajä galxub donlary mälämät olub jüzi, burni šişdi (741) 'Мовлана покотился прямо в грязь и поднялся с испачканной одеждой, с опухшим лицом и носом'.

В современном литературном языке это слово употребляется в значении «переворачиваться с боку на бок, валяться»¹⁸.

В словаре В. В. Радлова аḡпа приводится в значении «кататься, валяться»¹⁹.

ديريل (dirilmäk') 'жить'. Bejlä k'imsä ilän nežä dirilmäk' olur? (631) 'Как можно жить с таким человеком?'; Müsälman dirilmäk' g'ä-räk' vā müsälman ölmäk' g'äräk' (721) 'Нужно и жить как мусульманин, и умереть нужно как мусульманин'.

В современном азербайджанском литературном языке это слово имеет значение «оживать». Но в других тюркских языках dirilmäk употребляется в значении «жить»²⁰.

سويله (söjlämäk') 'петь (песню)'.

G'ül çayy bülbül äg'är söjlämädi.
Mänzili bajguş tāk'i viranädür (106)

'Если в пору роз соловей не поет,
Значит, его дом, как и у совы, в развалинах'.

¹⁵ В. В. Радлов. Указ. раб., т. IV, стр. 22.

¹⁶ Р. Рустамов. Губа диалекти. Баку, 1961, стр. 234.

¹⁷ Азербайжан дилинин диалектоложу лүғәти, стр. 215.

¹⁸ Азербайжан дилинин изаһлы лүғәти. Баку, 1966, стр. 50; Азербайжанча-русча лүғәт. Баку, 1965, стр. 21.

¹⁹ В. В. Радлов. Указ. раб., т. I, стр. 173.

²⁰ В. В. Радлов. Указ. раб., т. III, стр. 1762: diril; А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 302: тіріл.

Данное слово, употребляющееся в современном азербайджанском литературном языке в значении «повествовать», в словаре В. В. Радлова имеет значение «петь (песню)»: *türkü, manî söilämäk* 'петь песни'²¹.

تيك (tik'mäk') 'вонзить, воткнуть, сажать; назначать (на должность)'. *Ol toxumlar gamu jerdä tik'dilär* (190) 'Все те семена посадили'; *Sultan Äbu Sä'id any çäri üstünä bæg'lärbägi tik'mişdi* (359) 'Султан Абу Саид его назначил главнокомандующим'.

Это слово в современном азербайджанском литературном языке употребляется в значении «строить, шить», а в словаре В. В. Радлова дается в значении «поставить, воткнув в землю»²².

Между языком тезкире и современным азербайджанским литературным языком имеются расхождения и в области словообразования. Хотя некоторые производные слова в настоящее время и относятся к разряду архаизмов, однако их корни и словообразующие элементы достаточно употребительны в современном литературном языке. Указанные производные слова образовались, в основном, при помощи нижеследующих аффиксов.

Аффиксы отглагольных атрибутивных имен существительных *-узу, -ізі* (*جی*). Например: *Bizim g'özimiz g'örmäz idi, ajdyn olub g'örişi olduk'* (304) 'Наши глаза были невидящими, но, прозрев, стали видящими'; *Dilüm dejişi olub ol pältäk'lik' bərtəraf oldi* (305) 'Язык мой стал говорящим, и я перестал заикаться'.

Выделенные в примерах слова встречаются в языке исторических памятников²³, однако, с точки зрения современного азербайджанского литературного языка, являются архаизмами.

Аффикс отглагольных имен существительных *-äsi* (*سی*). Например: *Anların k'əsvätin g'ejüb öz g'ejäsiləri byraxdy* (58) 'Он надел их одежды и сбросил свои'; *Jatäsi nāmazuñ çayındä häzrät šejx Zahid taleblär içün k'äləmatä mäsşul idi* (109) 'Во время вечернего священного обряда святой шейх Захид был занят разговором с учениками (докл. рассказыванием для учеников)'.

Образование отглагольных имен существительных с помощью аффикса *-äsi* можно наблюдать в исторических памятниках, диалектах и говорах азербайджанского языка, а также в других тюркских языках²⁴.

Аффикс *-çu* (*چی*), образующий от причастий атрибутивные существительные, выражающие занятия, например: *Täbrizdə bir guji gəzançu k'işi pə Ämin adlu var idi* (248) 'В Тебризе был один копатель колодцев по имени пра Эмин'.

В современном азербайджанском языке аффикс *-çu* присоединяется только к существительным, образуя атрибутивные существительные²⁵. В работах по исторической морфологии азербайджанского языка также отмечается, что этот аффикс употребляется только с существитель-

²¹ В. В. Радлов. Указ. раб., т. IV, стр. 566—567.

²² Там же, т. III, стр. 1348.

²³ См.: *Н. Мирзэзadə. Азәрбајҹан дилинин тарихи морфолокијасы*. Бақы, 1962, стр. 136—137; *С. Әлизадә. «Шүһәданама»дә адлар*. Канд. дисс. Бақы, 1965, стр. 165—166.

²⁴ *М. Раһимов. Азәрбајҹан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи*. Бақы, 1965, стр. 250—254; *С. Әлизадә. Указ. дисс.*, стр. 169.

²⁵ *С. Чәфәров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы*. Бақы, 1960, стр. 68.

ными, о фактах же присоединения его к причастиям не упоминается²⁶. Указанная морфологическая особенность наблюдается в муганском говоре азербайджанского языка: *bežāgānči* 'выращивающий'²⁷.

Интересен следующий факт. Вместо употребляемого в современном азербайджанском языке слова *patāmiz* 'грязный, нечистый', образованного при помощи префикса, заимствованного из персидского языка, в тезкире приводится в том же значении слово *tāmizsiz* с аффиксом *-siz* (سز), например: *Mundān ötrü nečā gäländärlär ilä tāmizsizlär manlı Häsänä müšfig oldilär* (169—170) 'Из-за этого столько уродливых и нечистых стали милосердны к манли Гасану'.

Аффиксы отыменного глаголообразования *-la*, *-lä* (ل، لا). Например: *Xājallādüm k'i, čün bu gädär k'i, män čayururām vā žāvabum ver-māz, olaj k'im bu šejx olä* (261) 'Я подумал, что поскольку он не отвечает на мои многократные призывы, то, наверное, это шейх'; *Janum-dak'y dostlar däluluğā g'ümanladylar* (276) 'Находившиеся со мной друзья предположили сумасшествие'; *Ötmiš hek'ajätläri gamu šärhlädük'* (362) 'Полностью проанализировали прошедшие события'.

В современном азербайджанском литературном языке соответствующие производные слова от тех же корней образуются аналитически. Ср.: *xājallamag—xājal etmāk'* 'думать', *g'ümanlamag—g'üman etmāk'* 'полагать', *šärhlämāk'—šärh etmāk'* 'анализировать', *gajyulānmāk'—gajyu čäk'māk'* 'проявлять заботу', *gonaylamag—gonag etmāk'* 'угрожать'. Аналогичные производные слова имеются и в «Шухаданаме»²⁸.

Интересно, что непереходные глаголы на *-al*, *-äl*, *-l*, образованные от атрибутивных существительных и прилагательных, в тезкире образуются с помощью аффикса *-lä*, например: *G'örmišäm k'i, anlardän nečäsi gožäläjübdürlär* (184) 'Я видел, что многие из них постарели'.

Подобный пример глаголообразования можно найти и в современном турецком языке: *kožalamak* 'стареть'²⁹.

Отметим, что некоторые современные аналитические слова в тезкире образуются морфологическим путем — с помощью аффикса *-māz*. Например: *Här k'im mänüm müridümdür vā bunu müridi deg'ül, māña g'äräk'māz* (128) 'Кто является моим мюридом и в то же время не его мюридом, тот мне не нужен'; *Sejx Zahid g'äräk'māz zäyälläri goparur idi* (134) 'Шейх Захид выкорчевал ненужные сорняки'.

В первом предложении *g'äräk'māz* употребляется в значении «не нужен» (совр. азерб. *g'äräk' olmaz* || *g'äräk' dejil*), а во втором — имеет значение «ненужное» (совр. азерб. *g'äräk' olmaz* || *g'äräk' olmajan*).

В современном турецком языке в значении «быть нужным» (азерб. *gäräk' olmag*, *važib olmag*) употребляется форма *gerekmek*³⁰.

К особенностям тезкире относится и то, что переводчик объясняет некоторые заимствования из арабского и персидского языков или указывает их азербайджанские соответствия, например:

²⁶ См.: *Г. Мирзезадэ. Указ. раб.*, стр. 96—98; *Э. М. Дəмирчизадэ. «Китаби Дəдэ Горғуд» дастанларынын дили. Бақы, 1959, стр. 72; С. Əлизадэ. Указ. дисс.*, стр. 160—161.

²⁷ *М. Ш. Ширəлиев. Азəрбајҹан диалектолоҹијасынын əсəслəры. Бақы, 1968, стр. 133.*

²⁸ См.: *М. Ш. Рəһимов. Азəрбајҹан дилинин XVI əср јазылы абидаһиндэ ишлənмиш бир сыра сəзлəр һағында. — «Известия АН Азəрб. ССР, серия общественных наук», 1962, № 8, стр. 42.*

²⁹ См.: *Турецко-русский словарь. М., 1945, стр. 352.*

³⁰ Там же, стр. 207.

nāhl—bal arusi 'пчела'. Muni nāhlä, jä'ni bal arusinä bānžātmāk' anuḡ ičündür k'im taḡry tāala nāhlä vāhj g'öndärübdür (440) 'Это употребляется пчеле потому, что бог послал свои указания через пчелу';

nav—k'ičüžük' g'āmi 'маленький корабль': Bir k'iši navä, jä'ni k'ičüžük' g'āmi jā minmiš, dāñizüḡ gyraḡyndak'y evlärün ḡapularḡynä g'āzardı (193). 'Один мужчина, сев на navä, то есть на маленький корабль, посещал дома, находившиеся на берегу моря';

k'ürünž—bir ānbar k'im dūg'i oradā zābt edärlär 'склад, в котором хранят рис': K'ürünždä, jä'ni bir ānbar k'im dūg'i oradā zābt edärlär, dūg'i az ḡalmyš idi (169) 'В k'ürünž, то есть в складе, в котором хранят рис, риса остается немного';

sük'an—jüg'ān 'руль': G'āminün sük'any, jä'ni жүг'āni ufandy (247) 'Sük'an корабля, то есть руль, сломался';

bādr—dolu 'полный': Dedi k'i aj bādr olunžä, jä'ni dolu olunža, dāxi nā ḡalmyš olä (178) 'Сказал, сколько еще может оставаться до того, когда луна станет bādr, то есть до полнолуния' (досл. 'становления луны полной').

Некоторые приводимые в тезкире арабские и персидские заимствования в современном азербайджанском языке имеют иное значение.

زحمت (zāhmät). Это слово в тезкире имеет следующие значения:

а) «болезнь». ḡāzadān häzrät šejx bir zāhmätä uḡrady k'im, tābiblär ol zāhmätün dāvasy ičün ānar bujurdilär (91) 'Внезапно святой шейх заболел, и врачи рекомендовали гранат как лекарство от этой болезни'; Zejnāddinün iši zaj olub dälülik' zāhmätinä g'iriftar oldi (354) 'У Зейнадинна дела стали плохи, и он впал (заболел) в безумие';

б) «боль». Oḡlum dedi: baba, bašum zāhmäti g'etdi (293) 'Мой сын сказал: отец, у меня головная боль прошла'; Šejx Zahidün mübaräk' aḡayunda bir zāhmät pejda oldi (185) 'В священной ноге шейха Захида возникла боль';

в) «мучение, пытка». Āmir Dövlätsahuḡ nök'ārläri Sänžid k'āndinün adamlarḡyn dutub g'ätürdilär va zāhmät verürlärdi (376) 'Слуги Амира Довлатшаха арестовали людей из деревни Санджин и стали их пытать'; Nišün k'öprüdän k'ečmäzsän vā özüḡi vā māḡä zāhmät verürsän? (247) 'Почему не переходишь мост и мучаешь и себя, и меня?'

В настоящее время это слово употребляется, в основном, в значении «труд, работа».

معاش (mäaš) в тезкире имеет значение «житье». Bu Bahāddin bir joxsul k'iši idi vā mäaši hālal k'āsbi ilän k'ečär idi (297) 'Этот Бахаддин был бедным мужчиной и жил на честный заработок'; K'ürünždä ol ḡädär dūg'i ḡalmyšdur dārvišlärün mäašynä vāfa ejlājär (169) 'В ящике осталось столько риса, что его едва хватит на пропитание («прожитие») дервишам».

В современном азербайджанском языке данное слово употребляется в значении «заработок».

ساکن (sak'in). В тезкире выражение sak'in olmag имеет значение «успокоиться, смириться». Hānuz jarym saat k'ečmämiš idi k'im, ol müxalif jel otruḡub dāñiz sak'in oldi (251) 'Не прошло и получаса, (как вдруг) тот ветер, который дул с противоположной стороны, стих, и море успокоилось'; Nā ḡädär k'im čuyrdylar vā ıztırab etdilär, dāñiz sak'in olmady (153) 'Сколько они ни кричали и ни мучались, море не успокаивалось'.

В современном азербайджанском языке слово *sakın* употребляется в значении «проживающий, житель».

کمره (g'ümrah). В тезкире слово *g'ümrahlyg* употребляется в значении «еретик». *Häzrät šejxün xidmätindä müšärrāf olub tövbä gylub tälgin aldum və ol g'ümrahlyğdān gurtulub hägigätä joluxdum* (224) 'Служа святому шейху, я удостоился раскаяния, получил совет, спасся от неверия и приобщился к истине'.

Это слово в современном азербайджанском языке употребляется в значениях «здоровый», «сильный», «проворный».

Приведенные примеры показывают, что историки тюркских языков, и в первую очередь азербайджанского языка, не могут пройти мимо такого ценного и уникального памятника, каковым, вне всякого сомнения, является «Шейх Сефи».

РЕЦЕНЗИИ

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ОБРАТНЫХ СЛОВАРЕЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

«Обратный словарь узбекского языка»¹ является первым тюркским словарем такого рода. В отличие от словарей обычного типа в обратном словаре слова расположены в алфавитном порядке не по первой букве слова, а по последней, причем соблюдается алфавитное расположение слов и по второй, третьей и далее следующим от конца слова буквам. Таким образом, сначала представлены слова, оканчивающиеся на *баа*, затем — *аба*, *оба*, *вба...*, *ава...*, *бва...* и так далее. В результате все слова с одинаковыми конечными элементами, морфологическими показателями, одноструктурной основой оказываются расположенными строго упорядоченными рядами.

Рецензируемый обратный словарь содержит около 30 тыс. слов. Он составлен на основе узбекско-русского словаря (гл. ред. А. К. Боровков, М., 1959), краткого орфографического словаря Ф. Камалова и З. Маруфова (Ташкент, 1962), краткого словаря интернациональных слов А. Усманова (Ташкент, 1962), терминологического словаря по хлопководству Н. Маматова (Ташкент, 1964), личной картотеки составителей и некоторых других источников. Работа над словарем заняла около 6 лет.

Составители включали в словарь главным образом «слова активной лексики современного узбекского литературного языка» (сюда входят также интернациональные слова и некоторые термины). Заметим, что критерий «активной лексики» содержит известный момент субъективности, поскольку он базируется не на объективных критериях, а на чутье и личном восприятии составителя. Более правильным было бы составление словаря (при учете активности лексики в языке) на основе выборки из газетных материалов, научных работ, новейших художественных произведений и записей живой речи. Однако такая работа была бы непосильной для маленького коллектива. Она осуществима лишь с применением электронных вычислительных машин. С помощью последних значительно облегчается и уско-

ряется составление обратных словарей, основой для которых служат различные типы прямых словарей.

Первый опыт обратного словаря одного из тюркских языков показал принципиальную целесообразность его составления. Прежде всего, в обратном словаре наглядно отражается словообразовательная система узбекского языка. Именно способ аффиксального словообразования агглютинирующего типа, характерный для тюркских языков, благоприятствует четкой систематизации аффиксов. В таком словаре легко поддаются обозрению и вычленению словообразовательные модели и типы, ясно видна сочетаемость того или иного аффикса с разными основами, наглядно сопоставляются и выясняются значения этого аффикса в различных сочетаниях. Например, четко выделяются глагольные основы, способные сочетаться с определенными залоговыми аффиксами или их комбинациями. Кстати, в описательных грамматиках представляется, как правило, лишь несколько глаголов с сочетаниями залоговых аффиксов. В обратном же словаре их можно найти десятки. Выявляются и тенденции употребления залоговых аффиксов и их развития, например, возрастание роли глаголообразующих аффиксов с залоговыми показателями (*-лан*, *-лат*, *-лаш*), а также сочетаемость последних с другими показателями залогов и т. п.

Обратный словарь полезен при исследовании фоно-морфологической и фонетической структуры слов данного языка (например, сочетаемости звуков, границ слогов, фоно-морфологического членения слов). Можно этот словарь использовать и в поэтике как пособие по подбору рифм.

Несмотря на ограниченный объем, «Обратный словарь узбекского языка» Р. Кунгурова и А. Тихонова является полезным пособием для научных исследований и практики преподавания узбекского языка. Однако желательно было бы расширить его, включив большее количество слов, почерпнутых из разных новых источников. При переиздании авторам следует также подумать о более рациональной подаче сложных и парных слов, изобразительной лексики, о включении вариантов слов.

¹ Р. Қўнғиров, А. Тихонов. Ўзбек тилининг чаппа луғати. Самарканд, 1968, 240 стр.

Совсем недавно вышел из печати еще один обратный словарь — «Обратно-алфавитный словарь казахского языка»². Этот словарь составлен на основе двухтомного Толкового словаря казахского языка под общей редакцией С. К. Кенесбаева³. По объему он почти вдвое меньше узбекского и содержит, по нашим приблизительным подсчетам, около 16 тыс. слов. Данный словарь является первым в серии словарей, которые подготавливаются группой статистико-лингвистических исследований и автоматизации, работающей при Институте языкознания Академии наук Казахской ССР⁴.

Словарь составлен с помощью отечественной электронной вычислительной машины «Минск-22М», для которой материалы готовились на телеграфном аппарате «СТА-2М».

Все слова в словаре разбиты на десять разрядов, семь из которых содержат различные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, служебные слова, междометия), затем идут слова — фонетические дублеты, устаревшие слова и религиозная терминология (*dini sozder*). В этом одно из его отличий от «Обратного словаря узбекского языка».

Распределение слов по указанным разрядам происходило на основе помет, данных в Толковом словаре. Если выделение частей речи в общем не вызывает сомнений и для этого вполне можно опираться на данные Толкового словаря, то разграничение слов устаревших и религиозной лексики часто спорно, а принятые критерии представляются недостаточно устоявшимися. Поскольку в Толковом словаре указанное разграниче-

ние проводится недостаточно четко, то соответствующие пометы в нем не могут служить основанием для построенных частотных или подобных им словарей. Так, в группу религиозных слов в «Обратном словаре казахского языка» попали слова, которые могут рассматриваться и как устаревшие или историзмы (типа *медресе*), и как общеупотребительные (типа *шырақ, мазар* в значении «кладбище»), а в разряд устаревших — такие слова, как *тозақ* 'ад' или *салон*. В то же время такое явно религиозное слово-термин, как *құбыла* (вариант *қыбыла*), попало в общий список и т. п. Ясно, что для деления слов на лексические группы, тематические классы, стилистические пласты, частотные списки и так далее должны специально разрабатываться четкие критерии.

Другое отличие казахского словаря от узбекского состоит в том, что в первом слова последовательно распределены по количеству букв в них, то есть сначала идут ряды однобуквенных слов, затем — двух-, трехбуквенных и т. д. По мнению автора, такое расположение слов делает нагляднее дистрибуцию аффиксальных средств в словах разной длины и позволяет успешнее исследовать фонетические и фонологические явления — сочетаемость звуков, слогаделение и т. п. Характерно, что парные слова и слова-повторы даны в общем списке, занимая соответствующее место по общему количеству графем, например, слово *тері-терсек* стоит в ряду одиннадцатибуквенных слов.

Появление указанных выше обратных словарей следует приветствовать как первый опыт составления в нашей стране обратных словарей на материалах тюркских языков. Можно надеяться, что за ними последуют обратные словари и других тюркских языков, которые представят исследователям ценный материал для сравнительно-типологических наблюдений, для создания сравнительных и сопоставительных грамматик, не говоря уже о других, чисто прикладных целях.

Д. М. Насилов

М. М. МИРЗАЕВ. БУХАРСКАЯ ГРУППА ГОВОРОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА*

Узбекские языковеды все большее внимание уделяют изучению диалектов узбекского языка. Ими создан ряд монографических описаний фонетико-морфологических особенностей хорезмских, наманганско-ферган-

ских, кашкадарьинских и ташкентских говоров. В рецензируемой монографии описывается группа говоров узбекского языка Бухарской области. О наличии на данной территории тюрко-иранского билингвизма писал еще выдающийся филолог XI в. Махмуд Кашгари. Поэтому изучение говоров Бухарской и Самаркандской областей приобретает значение, выходящее за пределы узбекского языкознания.

* М. М. Мирзаев. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари. «ФАН» нашрийёти, Тошкент, 1969, 156 стр.

² Қ. Б. Бектаев. Қазақ тілінің кері алфавитті сөздігі. Алматы, 1971, 173 стр.

³ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, I—II. Алматы, 1959—1960.

⁴ О принципах работы этой группы см.: С. К. Кенесбаев, Р. Г. Пиотровский, К. Б. Бектаев. Инженерная лингвистика и тюркология. — «Советская тюркология», 1970, № 6, стр. 3—16; Статистическое и информатическое изучение тюркских языков. (Тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата, 1969.

До появления исследования М. М. Мирзаева тюркология располагала весьма скудными сведениями о говорах Бухарской области, сообщаемыми в трудах Г. Вамбери, В. В. Радлова, И. Зарубина, Е. Д. Поливанова, К. К. Юдахина в связи с классификацией говоров узбекского языка.

В классификации Е. Д. Поливанова констатируется близость бухарского говора к говорам Самарканда и Ходжента (г. Ленинабад Тадж. ССР). Бухарский говор характеризуется как «максимально иранизированный» тип чагатайско-узбекской речи¹. К. К. Юдахин относит говоры Бухары и Самарканда к 4-й группе узбекских говоров и отмечает, что это говор «таджиков, говорящих по-узбекски и по-таджики»². В отличие от Е. Д. Поливанова и К. К. Юдахина, которые в своих классификациях основываются только на материале говора города Бухары, М. М. Мирзаев выделяет группу говоров узбекского языка Бухарской области (стр. 10—37). На основании многолетней и кропотливой диалектологической работы автор устанавливает существование на этой территории:

- а) бухарского диалекта;
- б) бухарского огузского говора;
- в) бухарского кыпчакского говора.

Бухарский диалект не является, как до сих пор полагали, монолитным, он объединяет «одноязычный» и «двуязычный» говоры. «Одноязычным» автор условно называет говор тех районов Бухарской области, население которых говорит только на одном — узбекском языке. «Двуязычным» он именует говор населения, пользующегося при общении в равной степени как таджикским, так и узбекским языками.

В этой же части монографии автор подвигает исследованию вопрос о соотношении бухарских говоров между собой и с основными наречиями узбекского языка. М. М. Мирзаев устанавливает, что бухарский диалект восходит к опорному наречию узбекского литературного языка — к карлуко-чигиле-уйгурскому; бухарский огузский говор — к огузскому, а бухарский кыпчакский говор — к кыпчакскому наречиям (стр. 11).

Автор считает, что бухарский огузский говор отличается от других огузских говоров узбекского языка следующими особенностями: 1) /з/-канием, возникшим под воздействием бухарского диалекта; 2) лабиализацией /э/ и /а/ под воздействием билабialsного /в/ — *дэулет* 'богатство', 'государство' (стр. 14); 3) сужением /э/, /а/ перед /й/ — *гитмь* 'не пойдёт' (лит. орф. *кетмайди*) (стр. 13); 4) употреблением глу-

хого /т/ после сонорных — *гөрәнтъ* 'он видел' (лит. орф. *күргәнди*) (стр. 14).

К особенностям бухарского кыпчакского говора автором относятся: 1) наличие полугубного /э/, встречающегося только в первом слоге (стр. 16); 2) переход /р/ > /в/ не только после широких (*тағ* > *тау* 'гора'), но и после узких (*улуғ* > *улув* 'большой', 'великий') (стр. 16); 3) переход /б/ > /в/ в интервокальном положении (*лаби* > *лавъ* 'его губа'), /в/ > /б/ в анлауте (*варақ* > *барақ* 'лист, страница' (стр. 16); 4) выпадение сонорных /л/, /р/ в ауслауте слова и корня — *ке* 'приходи' (лит. орф. *кел*), *қыған* 'сделавший' (лит. орф. *қилан*) (стр. 16). Исследователем сделано важное наблюдение: в бухарском огузском и бухарском кыпчакском говорах так называемые типичные черты узбекских огузо-кыпчакских наречий (напр., губное и небное притяжения, наличие звонких /д/, /з/ и аффрикаты /ж/ в анлауте слова, выпадение /р/, /з/ в анлауте аффиксов и т. д.) намного ослаблены под влиянием бухарского диалекта и узбекского литературного языка. Поэтому автор называет эти бухарские говоры смешанными, переходными (стр. 18).

Основным объектом исследования монографии является бухарский диалект. Объездив территорию Бухарской области (129,6 тыс. км²), ученый зафиксировал районы распространения двуязычного и одноязычного говоров. Для города Бухары и прилегающих к нему селений и отдельных районов Бухарской области характерно «двуязычие», а «одноязычный» говор распространен по всей Бухарской области (за исключением Тамдынского района, заселенного казахами) (стр. 19). Носителей «одноязычного» говора во много раз больше, чем пользующихся «двуязычным» говором (стр. 19). Кроме того, опрос показывает, что многие носители бухарского говора отчетливо помнят свое тюркское происхождение и на вопрос «кто ваши предки?» отвечают «мы из мангитов», «мы из найман» или «мы из хорезмских огузов (хоразми)» (стр. 21). Эти достоверные факты, добытые непосредственно самим исследователем, требуют внесения существенных поправок в утвердившееся в тюркологии представление (Е. Д. Поливанов, К. К. Юдахин и др.) о сущности бухарского диалекта и его отношении к другим узбекским говорам.

Второй раздел монографии, содержащий главы «Фонетика», «Морфология», «Некоторые синтаксические особенности», «Лексика», посвящен сравнительному описанию «одноязычного» и «двуязычного» говоров бухарского диалекта и установлению взаимоотношений бухарского диалекта и современного узбекского и таджикского литературных языков.

В области фонетики наиболее спорной проблемой диалектологии (и не только узбекской) является возникновение /э/-кания. В монографии отмечается, что как в «одноязычном», так и в «двуязычном» говорах /э/ встречается во всех слогах, но

¹ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 10.

² К. К. Юдахин. Материалы по вопросу о звуковом составе чагатайского языка. — В сб.: «Культура и письменность Востока», кн. IV. Баку, 1929, стр. 63.

/ɔ/ «одноязычного» говора качественно отличается от /ɔ/ «двуязычного» говора: в «двуязычном» /ɔ/ губной и долгий, а в «одноязычном» — полугубной и краткий (стр. 21, 30). Автор разделяет существующее в тюркологии мнение о том, что в опорных (ташкентско-ферганских) говорах узбекского языка и в бухарских огузо-кыпчакских говорах звук /ɔ/ возник первоначально как позиционный вариант общетюркского /a/, преимущественно в первом слоге под воздействием согласных /b/, /β/, /p/, /m/, /k/, /x/ и только позже распространился и на другие слоги. На основании того, что общетюркский /a/ сохранился в значительном количестве слов бухарского диалекта, а также учитывая факт полного соответствия в качественном и дистрибутивном отношении /ɔ/ бухарского «двуязычного» говора /o/ таджикского языка, автор приходит к выводу, что /ɔ/ бухарского «двуязычного» говора, качественно и дистрибутивно отличающийся от /ɔ/ опорных говоров узбекского языка, возник под непосредственным влиянием таджикского языка (стр. 24). Такой дифференцированный подход к фактам разных говоров, при котором учитываются исторические данные и отношение этих говоров к языку предшествующих эпох, представляется убедительным и обоснованным. Что же касается /o/-канья, то оно подтверждает справедливость мнения, высказанного А. Н. Кононовым: «/o/-кают не все узбеки и не только узбеки; у всех /o/-кающих неодинаковый /o/».

Кроме /o/-канья, автор устанавливает и другие фонетические явления, сближающие бухарский диалект с таджикским языком (употребление гласных /e/, /y/ во втором и далее слогах, четкая дифференциация /x/ и /χ/, /f/ и /p/ и др.).

Сопоставляя фонетические особенности «одноязычного» и «двуязычного» говоров бухарского диалекта, М. М. Мирзаев выявляет сохранение в последних слогах слов бухарского «двуязычного» говора лабиализации (*уқуйду* 'он читает', лит. орф. *Уқийди*) (стр. 32). В «одноязычном» же говоре наблюдается делябиализация (*абдглло* из араб. *Абдулла*, мьяло — из тадж. *мулло* 'мулла') (стр. 32). Наличие лабиализации в «двуязычном» говоре автор рассматривает как реликт губного притяжения (стр. 32). Однако в «двуязычном» говоре широко представлена лабиализация, не обусловленная губной гармонией. Ср.: *темур* 'железо' (стр. 139), *тешук* 'дыра' (стр. 139), *дайду* 'бродяга' (стр. 116), *қанчүк* 'кошелек' (стр. 125), *тачур* 'печь для выпечки лепешек' (стр. 138), *чарбу* 'нутряное сало' (стр. 146) и др. Вышеприведенные слова как в узбекском литературном языке, так и в «одноязычном» бухарском говоре имеют во втором слоге негубной узкий /ɾ/. Поэтому причиной распространения лабиализации, помимо губной гармонии, может быть и реликт древнейших /y/-кающих племенных языков, о которых Махмуд Кашгари писал, что они

вместо «*бардым*» и «*бардам*» говорят «*бардум*» ('я) ходил'»³.

В главах, посвященных морфологическим особенностям бухарского диалекта (стр. 44—68), подробно анализируются части речи, образование и употребление форм, система словообразования в «двуязычном» и «одноязычном» говорах, а также приводятся морфонологические варианты аффиксов. Наиболее характерной чертой бухарского диалекта автор считает, помимо неразличения родительного и винительного падежей (явление, общее для всех диалектов карлук-чигиле-уйгурского наречия), употребление показателя дательного падежа *-га* в функции местного падежа литературного языка и наоборот (стр. 46—49). Это явление им рассматривается как реликт древнетюркской нерасчлененности дательного и местного падежей (стр. 47).

В работе содержатся интересные факты об образовании временных форм (настоящее длительное на *-эп/-йэп* и на *-(Q)п турьп*) (стр. 58—59) об употреблении аффикса *-гай* в функции форманта 1-го лица ед. числа желательного наклонения (стр. 63), об ограниченном употреблении страдательного и взаимного залогов (стр. 63), о выполнении аффиксом *-маст* (видимо, вариант древнего деепричастного аффикса *-мадын*. — Авт.) функции аффикса отрицательного деепричастия *-май/-масдан* (стр. 64) и др. Заслуживают внимания исследователей зафиксированные в монографии некоторые наречия бухарского диалекта с элементом *-ра* в конце (*бера* 'сюда', *шера* 'здесь', 'туда', *ўра* 'там', 'туда' и др.) (стр. 65—66). Однако в отличие от тюркских вариантов типа *буга*, *нега*, *йгга* и др. этимология наречий диалекта является прозрачной (*шера* < *шу+йер+га*), так как формы *шера*, *шерга* и *шу йерга* употребляются в диалекте параллельно.

М. М. Мирзаев обнаруживает в «одноязычном» говоре вежливую форму повелительного наклонения 2-го лица ед. числа с аффиксом *-гьнак* [*багьнак* 'иди-ка' (стр. 62)] и считает этот аффикс результатом сращения тюркского повелительного аффикса *-гин* с таджикским уменьшительным аффиксом *-ак* (*духтар* 'дочь', *духтарак* 'девочка'). Допуская такое происхождение аффикса *-гьнак*, можно рассматривать аффикс *-ак* как сросшуюся с повелительным аффиксом *-гин* древнюю частицу «оқ», употреблявшуюся с формами повелительного наклонения.

В главе, посвященной лексическим особенностям бухарского диалекта (стр. 72—85), выделяются вошедшие в него общетюркские, арабско-таджикские и русско-интернациональные слова и термины. На осно-

³ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк., т. III. Ташкент, 1963, стр. 158; см. также: Ф. А. Абдуллаев. Туркий тиллар тарихида *у/а* мослиги. — Журн. «Ўзбек тили ва адабиёти», 1970, № 5, стр. 15—20.

вании статистических данных автор устанавливает, что большинство терминов, относящихся к кустарному производству, — таджикские заимствования. В книге особо подчеркивается плодотворное влияние современного русского языка на формирование научно-технической и бытовой терминологии диалекта, а также выделяются разряды слов, заимствованных носителями диалекта из русского языка.

В своем исследовании М. М. Мирзаев приводит диалектальные слова, встречающиеся в памятниках XI—XIV вв. н. следовательно, некогда входившие в состав литературного языка (стр. 73—74), а также слова, употребление и значение которых не соответствуют нынешним нормам узбекского литературного языка.

В заключительной части монографии подчеркивается особая роль говоров Бухары и

Самарканда в установлении норм орфографии и орфоэпии арабско-таджикских слов в современном узбекском литературном языке.

Образцы «художественной» речи носителей различных говоров на территории Бухарской области (рассказы, сказки, песни, свадебные частушки и др.) и словарь диалектальных слов (всего 54 стр.), прилагаемые к исследованию, представляют собой достоверный источник материалов по группе говоров Бухарской области.

Монографическое исследование М. М. Мирзаева «Бухарская группа говоров узбекского языка» является, несомненно, значительным вкладом в узбекскую диалектологию.

*С. А. Мамедов, Э. Р. Киличев,
Х. Г. Нигматов*

В. КАНЮКОВ. ОТ ФОЛЬКЛОРА К ПИСЬМЕННОСТИ (РАННЯЯ ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО). ОЧЕРК ЛИТЕРАТУРНО-ФОЛЬКЛОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Для современного тюркологического литературоведения характерно пристальное внимание к фольклору. Однако до сих пор этой проблеме посвящались главным образом отдельные статьи или разделы монографий. В настоящее же время назрела необходимость в специальном монографическом исследовании этого вопроса.

К числу первых таких монографий и относится рецензируемая работа чувашского ученого В. Канюкова.

Книга представляет собой сжатый, но весьма содержательный очерк развития чувашских литературно-фольклорных отношений. В ней прослеживается процесс зарождения литературы из фольклора на основе обобщения не только письменных, литературных и фольклорных материалов, но и данных истории, этнографии, археологии, лингвистики. Это позволяет автору монографии сделать строго и глубоко аргументированные выводы.

Структура книги отличается логической стройностью. Кроме введения и заключения, монография содержит следующие четыре основные главы: «К гипотезе о древней письменности», «Некоторые этапы развития фольклорно-поэтического сознания», «Литература XVIII — начала XIX вв.», «Просветители и писатели 30—60-х годов XIX в.».

Обращает на себя внимание примененный автором метод изучения литературно-фольклорных связей, органически сочетающий в

себе эстетический анализ с конкретным историко-литературным исследованием взаимосвязей фольклора и литературы¹. Плодотворность этого метода, позволяющего вскрыть глубинные процессы в объекте исследования, выявить внутренние закономерности художественного творчества, убедительно подтверждается научными результатами, полученными автором рецензируемой книги.

Проблема литературно-фольклорных отношений в чувашском литературоведении ставилась давно, однако ее изучение сводилось к поискам фольклорных источников литературных произведений, отдельных фольклорных элементов в них. В результате исследование внутренних закономерностей эстетических взаимосвязей подменялось простой их констатацией и, как справедливо отмечает автор, приводило к искаженному представлению о неизменности этих связей, к отождествлению эстетики фольклора и литературы.

Автор же приходит к весьма важному теоретическому выводу о различии эстетики фольклора и литературы. Фольклор видит и изображает внутренний мир человека и мир окружающей его природы «приравненными», человеческое в нем сопоставляется с природным. В отличие от фольклора литература отражает определенный этап в со-

¹ В советской науке данный метод впервые был использован в монографии «Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.)». М., 1970.

*Чебоксары, 1971, 126 стр.

циальном развитии общества и его преломление в художественном сознании.

Таким образом, автор рассматривает собственно фольклорно-литературные связи в историческом плане, что позволяет ему широко использовать в своем исследовании историко-этнографический и литературный материал. Не случайно автор обращается к истории письменности чувашей. Письменность рассматривается им не только как связующее звено между фольклором и литературой, но и как фактор, стимулирующий развитие литературы.

Привлекая большой фактический материал, автор определяет обусловленные особенностями исторических обстоятельств этапы развития поэтического сознания, пройденные чувашским фольклором. Корни национальной культуры чувашского народа уходят в глубь веков. К древнейшим предкам чувашей относятся тюркские племена, жившие в Прибайкалье, а затем обитавшие в верховьях Иртыша в соседстве с другими тюркскими племенами. Автор именно этим объясняет сходство многих космогонических, тотемических и других чувашских мифов, в том числе и этиологического мифа о пятнах на луне, с соответствующими хакасскими, алтайскими, якутскими и бурятскими мифами. В этой связи исследователь ставит новую важную проблему широкого историко-сравнительного изучения тюркского фольклора, включая и чувашский, особенно древнейших его основ, которым до сих пор уделялось недостаточное внимание. Занимаясь сравнительным изучением народного творчества тюрков Сибири, исследователи использовали в качестве дополнительного материала лишь среднеазиатский фольклор. Между тем, как показывает работа В. Канюкова, обращение к фольклору чувашей и других тюркских народов Поволжья, несомненно, открывает новые перспективы для решения генетических и других проблем.

Отдельные жанры чувашского фольклора, например, богатые сказания об Ульпе и другие, не получив в силу сложившихся исторических условий дальнейшего развития, сохранили свои первоначальные формы. Они могут служить своего рода эталоном при изучении жанра героического эпоса тюрков Сибири.

В. Канюков подчеркивает, что древний образ Ульпа-скотовода является исключенным в чувашской народной поэзии, рисующей чувашей землепашцами. Автор книги прослеживает общность корней сказания о богатыре Ульпе и саяно-алтайских и других тюркских героических сказаний. Следует отметить, что были бы весьма желательны дальнейшие встречные поиски в этом направлении со стороны хакасских, алтайских и других фольклористов.

Книга В. Канюкова содержит теоретические выводы, имеющие значение для фольклористики в целом. Например, важным представляется его тезис о полной взаимозависимости фольклорного «жанра и созна-

ния как художественной категории». Этим объясняет автор возникновение новых фольклорных жанров и постепенное исчезновение более древних, так и не получивших достаточного развития. В этногенезе чувашей участвовали древнетюркские племена, создавшие высокие образцы героического эпоса; однако развитые формы последнего жанра отсутствуют в чувашском фольклоре. Причина этого явления заключается в том, что процесс консолидации чувашских племен в народность совпал с периодом многовекового монгольского ига. Осознание же народом необходимости активной борьбы против поработителей создало с тем периодом, когда его поэтическое сознание требовало уже иных форм воплощения, нежели жанр героического эпоса. Таким образом, этнической консолидации, наличию государственности, потребности отстаивать ее в борьбе с захватчиками соответствует определенный уровень и характер поэтического сознания, которые, по мнению В. Канюкова, необходимы для развития и процветания героического эпоса как жанра.

С другой стороны, предками чувашей были и булгаро(болгаро)-суватские племена, смешавшиеся с финно-угорскими. Это тоже определило особенности фольклора чувашей. Древние чуваше, конечно, не механически заимствовали фольклор других племен. Они развивали жанры, соответствующие уровню и характеру их общественного сознания, например, исторические предания, лирические песни и т. п. То, что эти жанры стали народными, автор объясняет их соответствием национальной психологии и художественному видению, их способностью наилучшим образом выражать идеалы трудового народа. Развитие же литературы на основе фольклора представляет собой дальнейшее освоение художественных возможностей нации. При этом следует помнить, что фольклор имеет классовое содержание и не все в нем в равной степени народно. Но при любом изображении противоборствующих классовых сил фольклор неизбежно исходит из естественной противоположности таких понятий, как труженик и тунеядец, правда и ложь и т. д.

Прослеживая пути проникновения чувашского фольклора в раннюю чувашскую литературу, автор выявляет существенное отличие этого процесса от аналогичного в литературах народов, имевших собственную государственность. Так, чувашский фольклор длительное время оставался вне литературы. История чувашской письменности и литературы показывает, что одно из обязательных условий успешного развития литературы заключается в соответствии уровня развития письменного языка состоянию национальной культуры, в основе которой лежит фольклор. Поиски иных путей малопродуктивны.

В книге подробно рассматривается история письменности чувашей, развитие которой на протяжении ряда столетий не было связано с национальной культурой. Эта

письменность начиная с XVI в. служила лишь орудием христианизации народа со стороны самодержавной России. Автор, оперируя лингвистическим материалом, убедительно показывает, что перевод церковных книг на чувашский язык фактически не оказывал влияния на мировоззрение народа, ибо он непосредственно не участвовал в создании подобной литературы. Однако эти книги привлекли к данному вопросу внимание общественности России, прогрессивная часть которой всегда выступала за развитие культуры каждого народа на его родном языке. Последнее обстоятельство сыграло в дальнейшем немаловажную роль в развитии чувашского письменного языка.

Исходя из своих собственных наблюдений над текстами, а также используя многие литературные источники, В. Канюков отразил в своей книге постепенный процесс создания чувашской письменности. Автор подчеркивает значение русского алфавита для создания чувашской письменности. Литературный язык чувашей сложился на основе одного из диалектов чувашского языка — верхового.

Автор прослеживает зарождение первоначальных поэтических форм в творчестве чувашских поэтов-просветителей XVIII в., создавших в чувашской литературе жанр ланегириков, «выдержанных в духе польско-киевских силлабических виршей». Дальнейшему развитию чувашской литературы на народной основе способствовало также влияние русского сказочного и былинного фольклора.

В 30-е годы XIX в. под воздействием декабристских идей возникает интерес этнографов и краеведов к чувашскому фольклору. Автор упоминает труды Д. П. Ознобишина, А. А. Фукс (Апехтиной), К. Ф. Фукс и других, характеризующих их вклад в чувашскую фольклористику.

Значительное место в исследовании отведено произведениям Хведи Чуваша, выходя из трудового народа. Хотя его творчество и развивалось в русле народной поэзии, но в нем уже заметна тенденция к олитературиванию образа. Автор монографии вскрывает подлинно народную фольклорную основу песен Хведи Чуваша. Народную форму с ее параллелизмами, иносказаниями, иронией и т. п. поэт использует для разоблачения богатея, для противопоставления им бедного трудящегося человека.

Рассматривая следующий этап развития чувашской литературы — 40—50-е годы, В. Канюков обращается не только к самой художественной литературе, но и к деятельности ученых — историков и этнографов Казанского университета — А. И. Артемьева, В. И. Лебедева, И. С. Савельева, В. А. Сбоева и других, изучавших чуваш-

скую культуру и высоко ценивших ее. Особенно подробно останавливается автор на историко-этнографических трудах С. М. Михайлова — чувашского ученого и писателя, чьи литературные опыты — стихи и очерки — испытали влияние русской «натуральной школы» 40—50-х годов XIX в. С. М. Михайлов писал в стиле устного фольклорного рассказа. Но вместе с тем он и «судит происходящее», как это считали необходимыми писатели «натуральной школы». Так, С. М. Михайлов в своих очерках, следуя народно-фольклорной традиции, осуждает крепостничество и уродующую человека власть денег. По мнению В. Канюкова, С. М. Михайлов является основоположником чувашской литературы нового времени.

Значительный вклад в дальнейшее развитие чувашской литературы внесли труды ученого-филолога Н. И. Золотницкого и его учеников, талантливых переводчиков и собирателей чувашского фольклора — Г. Филиппова, В. Васильева, М. Дмитриева и др. Обращение к идеям и материалу фольклора способствовало обогащению чувашского литературного языка и приобщению чувашских учащихся к самобытному народному творчеству.

В «Заключении», которое по существу является отдельной главой, автором прослеживается связь творчества И. Я. Яковлева и писателей его школы с национальным фольклором (начиная с 70-х годов XIX в.). В. Канюков рассматривает различные способы использования писателями фольклора, влияние на них революционно-демократических идей и развитие чувашской литературы по пути реализма и народности. Весьма интересна характеристика фольклорных связей в творчестве И. Я. Яковлева, И. Иванова, И. Юркина, М. Федорова.

Основные выводы автора не вызывают возражений. Однако хотелось бы высказать некоторые замечания. Так, нам представляется, что назрела необходимость в дальнейшем более детальном исследовании древнего орхон-енисейского и болгарского (периода Хазарского каганата) письменного наследия предков чувашей. Задача эта в главе «К гипотезе о древней письменности» пока только ставится.

Другое замечание относится к области терминологии. Автор (стр. 41) называет древнейшие фольклорные произведения «легендами». Однако данный термин неточен, он вызывает ассоциации, связанные с более поздними фольклорными явлениями.

В заключение следует подчеркнуть, что книга В. Канюкова «От фольклора к письменности» представляет собою значительное явление в области тюркского литературоведения и фольклористики.

М. Унгицкая, В. Майногашева

ХРОНИКА

«САТИРА И ЮМОР В УЗБЕКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ»

Пленум ВАКа 14 апреля с. г. утвердил решение Ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР о присуждении ученой степени доктора филологических наук Х. Раззакову, защитившему в апреле 1970 г. диссертацию на тему: «Сатира и юмор в узбекском фольклоре».

Официальными оппонентами на защите выступали академик АН Туркменской ССР Б. А. Карриев, члены-корреспонденты АН Узбекской ССР И. Т. Сагитов и Ш. Шаабдурахманов, давшие высокую оценку работе диссертанта.

В диссертации впервые объектом специального научного изучения стали сатира и юмор в устном узбекском народном творчестве.

К несомненным достоинствам исследования следует отнести широту охвата проблемы, глубокое проникновение в сущность народного творчества, привлечение богатейшего фольклорного материала.

Диссертация охватывает все жанры узбекского поэтического творчества, в которых содержатся элементы сатиры и юмора: сатирические частушки (*лапар*), народные анекдоты (*латифа*), гиперболическое изображение действий и характеров (*лоф*, *лофчилик*), народные шутки и прибаутки (*кы-*

зыкчылык), соревнование в острословии (*аския*), загадки (*тапышмак*), дастаны, народные комедии и т. д.

В работе дается обстоятельный критический обзор высказываний ученых по вопросам сатиры и юмора.

Рассматривая сатиру на конкретном материале узбекского фольклора — эпического, драматического и лирического жанров, диссертант говорит и об афористичности поэзии узбекского народа. Он подробно останавливается на народных анекдотах и их героях, в том числе связанных с именем Насреддина, широко популярного у тюркоязычных народов.

Автор собрал и проанализировал богатейшую коллекцию образцов *аския-пайры* («соревнования в острословии») — словесного сатирического и юмористического искусства, доказав их принадлежность к эпическому жанру устного творчества.

В диссертации рассматриваются также сатира и юмор в репертуарах народной драмы и кукольных представлений.

Автор характеризует языковые особенности всех этих жанров и выявляет элементы, вызывающие смех.

К диссертации приложен интересный материал, содержащий сведения об известных *кызыкчи*, *аскиятах* и др.

Ф. Исхаков

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. М. Щербак (Ленинград). К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания	3
А. М. Мамедов (Баку). Ассимиляция в свете взаимоотношения фонетики и грамматики	12
Х. М. Есенов (Алма-Ата). Основные средства связи компонентов сложноподчиненных предложений	17
М. Ш. Гасымов (Баку). Основные способы образования терминов в современном азербайджанском литературном языке	23
К. М. Мусаев (Москва). Названия дней недели в западнокыпчакских тюркских языках	32
Т. М. Гарипов (Уфа). Старотюркские письменные памятники Башкирии	39
Э. А. Умаров (Ташкент). Иноязычные фразеологизмы в языке Навои	46

ОДОНИМИКА

Т. Рахматов (Москва). Одонимы Самарканда	54
--	----

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Н. Е. Петров (Якутск). О. Н. Бётлингк и некоторые вопросы изучения служебных слов в тюркских языках	62
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. О. Орузбаева (Фрунзе). Современная киргизская терминология	72
Н. А. Баскаков (Москва). О проекте программы кандидатского минимума по тюркскому языкознанию для аспирантов	78

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Д. С. Насыров (Москва). Состояние и задачи изучения диалектов каракалпакского языка	94
Ш. Атепов (Алма-Ата). Интонация приложения в современном казахском языке	102
А.-К. Орузбаев (Фрунзе). Из материалов экспериментального исследования киргизского ударения	112
А. Ш. Садыгов (Баку). Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI в.	125

РЕЦЕНЗИИ

Д. М. Насилов (Ленинград). Первые опыты обратных словарей тюркских языков	134
С. А. Мамедов, Э. Р. Киличев, Х. Г. Нигматов (Бухара). М. М. Мирзаев. Бухарская группа говоров узбекского языка	135
М. Унгуицкая, В. Майногашева (Абакан). В. Канюков. От фольклора к письменности	138

ХРОНИКА

«Сатира и юмор в узбекском фольклоре»	141
---------------------------------------	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). Towards characteristics of Turkic case system on the level of content	3
<i>A. M. Mamedov</i> (Baku). Assimilation in the light of interrelation of phonetics and grammar	12
<i>Kh. M. Esenov</i> (Alma-Ata). The main means of complex sentence components' bond	17
<i>M. Sh. Gasymov</i> (Baku). The main methods of terms-formation in modern literary Azerbaijani	23
<i>K. M. Musayev</i> (Moscow). Names of week days in west-kypchak Turkic languages	32
<i>T. M. Garipov</i> (Ufa). Old Turkic relics of Bashkiriya	39
<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). Foreign phraseologisms in Navoi's language	46

ODONYMICS

<i>T. Rakhmatov</i> (Moscow). Odonyms of Samarkand	54
--	----

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

<i>N. E. Petrov</i> (Yakutsk). O. N. Bötlingk and some problems of syntactic words in Turkic languages	62
--	----

DISCUSSIONS

<i>B. O. Oruzbayeva</i> (Frunze). Modern Kirghiz terminology	72
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Towards the program of post-graduate examinations on turkic linguistics	78

REPORTS, SURVEYS

<i>D. S. Nasyrov</i> (Moscow). State and problems of study of Karakalpak language dialects	94
<i>Sh. Atenov</i> (Alma-Ata). Intonation of the apposition in the modern Kazakh language	102
<i>A.-K. Orusbayev</i> (Frunze). From the materials of experimental research of Kirghiz stress	112
<i>A. Sh. Sadygov</i> (Baku). On one unexplored Azerbaijanian manuscript of the 16-th century	125

REVIEWS

<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad). The first experiments in reverse dictionaries of Turkic languages	134
<i>S. A. Mamedov, E. R. Kilichev, Kh. G. Nigmatov</i> (Bukhara). <i>M. M. Mirzayev</i> . Bukhar group of Uzbek language dialects	135
<i>M. Ungvitskaya, V. Maynogasheva</i> (Abakan). <i>V. Kanyukov</i> . From folk-lore towards written language	138

CHRONICLE

«Satire and humour in Uzbek folk-lore»	141
--	-----